

В.Л. Семенов

**ВЕЛИКИЙ ГУМАНИСТ
И ПРОБЛЕМА НАСИЛИЯ**

Пермь 2011

В. Л. Семенов

**ВЕЛИКИЙ ГУМАНИСТ
И ПРОБЛЕМА НАСИЛИЯ**

Пермь 2011

УДК 72
ББК 85.113(2)
С28

Рецензенты:

Доктор философских наук Л. Г. Антипов
Доктор философских наук А. А. Павлович

Семенов В. Л.

С28 Великий гуманист и проблема насилия: монография. –
Пермь.: изд. Богатырев П. Г., 2011. – 222 с.

В монографии освещаются различные проблемы отношения к насилию великого русского писателя и философа-моралиста Л. Н. Толстого, связанные с русско-японской войной и Первой революцией 1905–1907 гг. в России.

Монография адресована всем интересующимся проблемами гуманизма в творчестве Л. Н. Толстого.

Научный редактор: Доктор исторических наук, профессор
Пермского государственного университета М. Г. Суслов.

Печатается по решению редакционно-издательского Совета
Пермского государственного педагогического университета.

ВВЕДЕНИЕ

В современную эпоху общественного развития (имеется в виду период, охватывающий два последних десятилетия жизни российского общества) с особой рельефностью на авансцену общественной жизни выдвигаются две проблемы: гуманизма и насилия, обусловленные качественным скачком в развитии общества. Обе проблемы имеют большую аксиологическую, историческую, методологическую и мировоззренческую значимость.

Проблема гуманизма и насилия может быть рассмотрена с двух точек зрения – с позиций анализа особенностей гуманизма наиболее видных его представителей и роли выдающихся деятелей в переломные периоды развития общества и с общетеоретических и философских – мировоззренческих проблем, а также роли народных масс, составлявших основную движущую силу поступательного развития общества.

В данной монографии мы придерживаемся первого варианта подхода к постановке данных проблем. В центре нашего внимания находится фигура великого русского писателя и философа Л. Н. Толстого, постановка и рассмотрение им проблем русско-японской войны и русской революции 1905–1907 гг. Постановка Л. Н. Толстым данных проблем находится в самой тесной связи с проблемами гуманизма, своеобразно и по-своему им понимаемого.

Под гуманизмом мы понимаем основополагающий принцип нравственности, в основе которого лежит убеждение в безграничности возможностей человека, его способностей к совершенствованию себя и общества. По ходу изложения содержания гуманизма Л. Н. Толстого будет показано, каким образом и по каким направлениям, воспринимая положительно общие мировоззренческие установки гуманизма, великий писатель наполнял их конкретным содержанием и своеобразно интегрировал их в соответствии со своим пониманием общемировоззренческих проблем. Л. Н. Толстой согласен с тем, что гуманизм – это особый тип философского мировоззрения, в центре которого находится человек, с его земными делами и свершениями, с присущими его природе способностями и влечениями, с характерными для его природы нормами поведения и общественными и личностными отношениями.

В широком смысле слова гуманизм означает доброжелательное отношение человека к другому человеку, утверждающее его свободу и достоинство, независимо от каких-либо исполняемых им социальных ролей и функций, усматривающее в нем самостоятельный источник творческих сил, направленных на благо человека и человечества.

Исторически термин «гуманизм» был введен в научный оборот впервые в 1908 году педагогом Ф. Нитхаммером, то есть при жизни Л. Н. Толстого и после событий русско-японской войны и Первой русской революции 1905–1907 гг., то есть после того, как основные произведения и его высказывания по поводу этих двух значительных событий уже были сделаны. Следовательно, они не могли оказать на него сколько-нибудь существенного влияния, наоборот, они свидетельствовали о том, что Л. Н. Толстой в поисках собственной гуманистической теории дошел до своей субъективной истины сам.

Вместе с тем, самая общая постановка мировоззренческих проблем гуманизма отражала те реальные отношения, которые складывались в социуме, начиная с эпохи Возрождения. Принципы гуманизма сложились на базе широкого идейного течения, возникшего в эпоху Возрождения и явившегося выражением борьбы против господства феодальной аристократии и средневеково-религиозной идеологии. Они были отражением и выражением тех социально-гуманистических потенций, которые сложились в эту эпоху.

Здесь нам важно будет подчеркнуть и отметить, что в противовес религиозно-аскетическому пониманию человека и морали гуманисты эпохи Возрождения считали человека венцом природы, центром мироздания. В человеке, с их точки зрения, должны гармонически сочетаться естественное и духовное начала. Человек имеет право на счастье в земной жизни; и его естественное стремление к наслаждению и счастью должно стать основой его нравственности (гедонизм).

В противовес официальному, религиозному толкованию мораль понимается гуманистами эпохи Возрождения как осуществление мирских целей: 1) освобождение человека от всякого социального и духовного гнета; 2) освобождение его от несправедливости; 3) от пороков и невежества; 4) совершенствование человеческой личности; 5) достижение людьми более полного благополучия в моральном и духовном отношении.

В гуманизме традиционно выделяются два основных течения. Демократы ставят в центр своего рассмотрения отдельную личность. Основой человеческого благополучия и свободы они считают незыблемость частной собственности. Их попытки примирить общественные и личные интересы индивида выразились в учении «разумного эгоизма».

Второе направление в гуманизме, к которому принадлежал Л. Н. Толстой, выражало стремление низов общества (трудящихся). Его адепты были предвозвестниками утопического социализма. Они ставили вопрос об имущественном равенстве, об уничтожении частной собственности как необходимом условии освобождения человека и избавления его от моральных пороков. Этому направлению в гуманизме Л. Н. Толстой отдал приоритет в своих мировоззренческих установках и в своем художественном и эпистолярном творчестве. По свидетельству В. И. Ленина, крестьянский патриархальный социализм, представлявший модернизацию общины, являлся наиболее адекватным выражением его взглядов, и ему великий писатель посвятил вторую половину своей жизни.

Решение проблемы соотношения потребностей личности и ее обязанностей перед обществом представители этого направления видели в труде, который должен стать не только обязанностью каждого, но и источником наслаждения и счастья людей.

В творчестве Л. Н. Толстого мы можем видеть, с каким упоением и захватывающим интересом описывает он полные энтузиазма картины крестьянского труда и быта.

В период социализма у нас считалось, что высшей формой гуманизма является коммунистический гуманизм, получивший научное обоснование в теории марксизма. Согласно последнему, частная собственность разъединяет людей, приводит к деградации человека в духовном и моральном отношениях. Много страниц в своем литературном наследии Л. Н. Толстой посвятил обоснованию этого положения. Это, однако, не значит, что он был сторонником марксизма. Ни в коем случае. Его отрицание насилия общества над личностью в любой ее форме резко разводило его с коммунистической идеологией. Он отрицал не только государственное насилие во всех его формах, но и насилие «коллектива», группы людей над личностью. Он не считал, что только в коллективе индивид получает средства, дающие ему возможность всестороннего развития своих задат-

ков и способностей, и, следовательно, только в коллективе возможна личная свобода.

Марксистскому гуманизму не удалось, хотя на это его представители рассчитывали, преодолеть противоречие между личностью и обществом. Коммунистический гуманизм не сумел разрешить и другое противоречие, которое были не в состоянии преодолеть гуманисты прошлого – противоречие между интересами отдельного класса и всего человечества. Указание К. Маркса на то, что только пролетариат способен освободить прежде всего себя, а потом и все человечество, исторически не подтвердилось в связи с громадным развитием средних слоев общества. Этот процесс общественных изменений К. Маркс в полной мере предвидеть не мог. Процесс развития человеческого общества в XX веке показал, что такой эмансипации не произошло и не могло произойти.

В учении Л. Н. Толстого с большой отчетливостью проявились как позитивные, так и негативные (отрицаемые им – В. С.) качества, характерные стороны гуманизма. К позитивным, то есть к провозглашаемым характерными, чертам гуманизма Л. Н. Толстого следует отнести:

1) Свободу, представляющую сущность общественных отношений, то есть тот социальный континуум, в который погружена личность, в котором она действует, борется и живет.

2) Совершенствование человеческой личности, которое как считал Л. Н. Толстой, является прежде всего результатом воспитания и образования.

3) Удовлетворение материальных и духовных потребностей и интересов – конечная цель общественного развития.

4) Идея о праве человека на счастье – важнейшая характерная черта гуманизма Л. Н. Толстого.

5) Защита достоинства личности – важнейший и необходимый элемент толстовского понимания гуманизма.

Вышеперечисленные черты гуманизма Л. Н. Толстого рассматриваются им в контрастном сопоставлении со своими антиподами, а именно с необходимостью освобождения человека от всякого гнета, от несправедливости, от пороков и невежества общества. Изучение гуманизма Л. Н. Толстого актуально сейчас, в настоящее время, как пример поиска выдающейся личностью подлинного общечеловеческого гуманизма, в котором так нуждается российское общество сейчас, на переломном этапе своего

развития. Известно, что Л. Н. Толстому не удалось создать такого учения о гуманизме, которое бы было образцом для всех времен и народов. Многие положения его морали являются неприемлемыми для разных представителей общественной мысли прошлого и настоящего и по многим причинам. Но его стремление дойти до края в поисках истины и открыть ее, его искренность, проявленная при этом, делают ему честь и заставляют отдать должное за его нравственный ригоризм, за его нравственное подвижничество как образец действия на пути в данном направлении.

Гуманизм – это сложившееся в эпоху Возрождения движение образованных людей, объединенных интересом к античности, изучением и комментированием памятников древнеклассической и прежде всего латинской литературы. Это особый тип философского мировоззрения, в центре которого находился человек с его земными делами и свершениями, с присущими его природе способностями и влечениями, с характерными для него нормами поведения и отношениями. В широком смысле слова гуманизм – доброжелательное отношение к человеку, утверждающее его свободу и достоинство независимо от каких-либо исполняемых им социальных функций и ролей, усматривающее в нем самостоятельный источник творческих сил. В современной философской литературе под гуманизмом понимается, с одной стороны, вся совокупность антропологических и гуманитарных наук. В этом смысле французский этнолог Клод Леви-Стросс говорил «о трех видах гуманизма», последовательно включающих в себя изучение греко-римской античности, цивилизаций Востока и дописьменных культур примитивных народов. С другой – явление духовной жизни, выходящее по своим масштабам далеко за рамки одного лишь Западноевропейского Возрождения.

В ряду многообразных знаний о внешнем мире и Боге знание о природе самого человека гуманисты считали высшим и единственно доступным для людей видом знания, утверждая приоритет гуманитарного знания перед естественно-научным, с одной стороны, и средневековой схоластикой – с другой. Как говорил Петрарка, к чему знать свойства животных, если не знать природу человека, если не знать, ради чего мы рождены, откуда приходим и куда идем. Весь комплекс подобных вопросов составляет сущность антропологического гуманизма.

Человек рассматривался в нем как свободное существо, способное творить самого себя, придавать себе ту природу, которую он сам пожелает, как субъект познания и деятельности, опирающийся в своих действиях на собственный разум и творческие позиции. В этом состоит главное открытие гуманизма, которое получило развитие в рационалистической мысли нового времени, утверждающей решающее значение человеческого разума как в познании мира, так и в создании общественно-политических форм человеческого общежития. Гуманистический идеал личности как свободной индивидуальности породил мечту об обществе, в котором эта способность будет практически полностью реализована. Она привела к возникновению коммунистических утопий, к которым близка была религиозно-нравственная утопия Л. Н. Толстого.

Проблема насилия и отношение Л. Н. Толстого к ней с особой силой и выпуклостью проявилась в его творчестве, в его деятельности во время русско-японской войны и революции 1905–1907 гг. Однако данная проблема, насколько нам известно, до сих пор еще не была предметом специального научного анализа. Ее касались исследователи этических сторон творчества Л. Н. Толстого ¹ или авторы биографий писателя ². Те и другие в силу многогранности творчества писателя были лишены возможности уделить данному вопросу специальное внимание. Кроме того, на освещение данной проблемы существенное влияние оказывала идеологическая обстановка, существующая в стране в период социализма, когда исследователи, затрагивающие данные проблемы, должны были руководствоваться ленинскими статьями о Толстом.

Как известно, В. И. Ленин высоко ценил Л. Н. Толстого как гениального художника слова. Как вспоминал А. М. Горький, при встрече с ним он говорил ему о Толстом: «Какой матерый человечище. Кого в Европе можно поставить рядом с ним». И сам ответил: «Никого», – и засмеялся довольный.

Однако, несмотря на то, что Л. Н. Толстой создал первоклассные картины, изображающие жизнь помещиков и крестьян, и необыкновенно выпукло изобразил недовольство последних существующими в России общественными отношениями, он, тем не менее, не понял революции 1905–1907 гг., отвернулся от нее и создал собственное учение, которое являлось утопическим по своему существу и гуманистическим по содержанию и по форме,

ибо он превыше всего ценил человеческую жизнь и последовательно выступал против войн, милитаризма и террора со стороны как царского правительства, так и революционеров, в то же время проводя определенное различие между ними.

Гуманизм Л. Н. Толстого был не классовым, а общечеловеческим. Отдавая должное такой теории, тем не менее, необходимо подчеркнуть, что она вследствие крайней путаности представлений писателя и философа о будущем (а оно у него окрашено в неопределенные анархистские тона), во-первых, была лишена всякой возможности практической реализации, а во-вторых, попытка ее реализации привела бы к многочисленным жертвам, вопреки замыслу ее создателя.

Поэтому мы ни в коем случае не можем забывать, что между теоретическим отношением Толстого к насилию и фактическим результатом попыток претворения его идей в жизнь лежало существенное противоречие, которое сказалось бы при реализации его идей в жизнь. При этом они были настолько утопичны, что реализация их в жизнь была, безусловно, невозможна.

Нереалистическая постановка вопросов о будущем страны приводила к тому, что за писателем шла малочисленная группа интеллигентов (толстовцев), не имеющая существенного влияния на общественную жизнь России. Однако толстовское осуждение насилия, особенно в его крайних формах (смертная казнь), публикация им памфлетов типа «Одумайтесь!» или «Не могу молчать» оказывали некоторое влияние на противоборство сил реакции и прогресса в период первой русской революции 1905–1907 гг. Проследить их действие и результативность на конкретном материале – наша задача.

Круг источников по данной теме довольно широк и разнообразен. Их можно подразделить на внутренние и внешние. К первым относятся произведения Л. Н. Толстого, созданные им в этот период, то есть в начале XX века, и отражающие его нравственные сентенции и искания, лежащие в основе его мировоззрения.

Большое значение для выяснения гуманистических поисков Л. Н. Толстого имеют его публицистические трактаты, такие как «Одумайтесь!», «О значении русской революции», «Об общественном движении в России», «Великий грех», «Не могу молчать!» и другие. Наконец, существенное значение в этом смысле имеет эпистолярное наследие писателя этих лет. Сотни писем, отправленные им русским и зарубежным корреспондентам, сви-

детельствуют не только о его гуманистических взглядах, но и о том, как он пытался популяризировать разные стороны своего учения. Некоторое значение в этом смысле имеют также письма Л. Н. Толстого, тексты которых неизвестны, однако известно в какой-то степени их содержание. Список таких писем по интересующему нас периоду опубликован в 75-м, 76-м и 77-м томах полного собрания сочинений Л. Н. Толстого.

Неоценимое значение в источниковедческом плане по теме интересующего нас исследования имеют дневники писателя, в которых он отражал свое отношение к тем событиям, которые происходили в мире и вокруг него, свое не только рассудочное, но и эмоциональное отношение к ним. Значение этого рода источника заключается в том, что он доверял дневнику иногда то, что не доверял другим видам источников (художественным произведениям, переписке, своей публицистике, мемуарам).

Дневники раскрывают духовный мир Толстого, позволяют видеть процесс зарождения в нем определенных мировоззренческих идей, «цвет» и «вкус» времени той эпохи, которая в них описывается и отображается. Причем на самой начальной стадии зарождения идеи, без ее строгого вербального оформления. Это мысли писателя, которые порой хаотично, неоформленно бродят в его голове и ищут выхода во внешний мир. Этот первоначальный мир для них представляла бумага, записи на которой были первичной формой объективации мыслей Л. Н. Толстого.

Дневники позволяют проследить, с одной стороны, историю идей, мыслей, теоретических положений писателя от их зарождения до практической реализации вместе с влияющими на нее обстоятельствами окружающего мира, а с другой – восприятие толстовских идей внешним миром.

Внешние источники дают нам отражение того, каким образом учение великого писателя воспринималось внешним миром, разными слоями российского и западноевропейского, американского и восточного обществ. Это прежде всего публицистика, статьи, заметки, корреспонденции русских и зарубежных газет и журналов, представляющие результаты интервью, бесед с писателем журналистов, деятелей российской и мировой культуры. Они дают нам представление, конкретный материал о том, как воспринималось учение Л. Н. Толстого разными слоями, разными политическими партиями России накануне и в период революции 1905–1907 гг. По аутентичности источники данного рода

можно разделить на несколько видов: дневники, переписка, мемуары, постановления различных правительственных органов о Л. Н. Толстом и его последователях. Интересным источником данного типа являются дневники. Поскольку, как правило, это ежедневные записи о событиях, связанных со встречами, беседами, полемикой с Л. Н. Толстым и его оппонентами, то неоспоримым достоинством их является точность, здесь нет путаницы событий, последовательности их, искажения взглядов лиц, участвующих в дискуссиях по тому или иному вопросу. Если здесь есть искажения идейных позиций Л. Н. Толстого и его окружения, то они происходят не по забывчивости или вследствие каких-то дефектов памяти, а в результате сознательной фальсификации, обусловленной, как правило, идейно-политическими взглядами автора дневников. Ценность дневников определяется, во-первых, их целевым назначением, то есть кому они посвящены: или Л. Н. Толстому, или автору дневника, его жизни, его общественным контактам. Во-вторых, они определяются масштабами личности автора дневника. Чем он крупнее, чем масштабнее его личность, тем более глубоко он вскрывается и отражает сущность взглядов Л. Н. Толстого по тому или иному вопросу.

Поскольку Л. Н. Толстой был крупной, всемирно известной личностью, его деятельность, его отношение к событиям, происходящим в мире, в России, в ее столицах, различных местностях, наконец, в Ясной Поляне, получали широкое, исчерпывающе полное с фактической стороны освещение со стороны его современников.

Уникальным источником в этом отношении являются «Яснополянские записки» личного лечащего врача Л. Н. Толстого Д. П. Маковицкого. Это не только интересный памятник той эпохи, но и хроника жизни Л. Н. Толстого по дням и по часам, представляющая широкую панораму быта Яснополянского дома в 1904–1910 годах. Особую ценность дневнику Д. П. Маковицкого придает то, что он ежедневно час за часом записывал не только то, с кем встречался Л. Н. Толстой, о чем он говорил, но и то, что делал. Все это он делал с наибольшей точностью и достоверностью. В кармане Душана Петровича всегда был лист бумаги на картонке, на котором во время беседы с писателем любого собеседника он незаметно для него записывал его мысли, высказывания, его комментарии по поводу суждений оппонента Л. Н. Толстого. В

тех случаях, когда Д. П. Маковицкий не присутствовал лично при беседах писателя, он пытался восстановить ход беседы, наиболее значительные мысли, высказанные собеседниками, путем опроса тех, кто присутствовал при этом, не исключая и самого писателя. В результате получилось, что Д. П. Маковицкий был своеобразным и точным стенографом и протоколистом последних лет жизни и деятельности Л. Н. Толстого.

Он был толстовцем, и это обуславливало то, что он не был заинтересован в критической интерпретации мыслей писателя, а, наоборот, стремился к максимально точной их передаче. В круг его интересов включалась повседневная жизнь писателя, то есть те факты, которые иногда не находили отражения в других источниках, и в этом заключается особая ценность дневника Д. П. Маковицкого. К недостаткам его дневника относится то, что иногда он переносил черновые записи с «картона» в дневник спустя недели, месяцы и даже годы. В этих, правда редких, случаях говорить об их точности, естественно, не приходится. Имея в виду эту сторону своего дневника, Душан Петрович говорил: «Эти мои записки о Льве Николаевиче очень недостаточны... Пусть они никого не удерживают от чтения самих произведений Льва Николаевича» (Яснополянские записки Д. П. Маковицкого. Кн. 1. 1904–1905. М.: Наука, 1979. С. 31).

Другие дневники, в частности С. А. Толстой, в интересующем нас плане имеют несколько меньшее значение (Дневники С. А. Толстой. М., 1932. Т. III. 1897–1909).

Существенное значение для раскрытия гуманистических взглядов Л. Н. Толстого и его отношения к революции 1905–1907 гг. имеет мемуарная литература. Она разнообразна и субъективна, так как выражает точку зрения автора на события и ситуации, в которых он жил, учился, боролся и действовал. Из источников подобного рода следует отметить мемуары членов семьи Л. Н. Толстого: его сыновей Сергея, Ильи, его дочерей Александры, Татьяны, его жены Софьи Андреевны, его литературных секретарей В. А. Лебрена,³ Н. Н. Гусева,⁴ В. Ф. Булгакова,⁵ выдающихся писателей, политических деятелей, журналистов, которые посещали Л. Н. Толстого в Ясной Поляне или в Москве, имели с ним беседы по широкому кругу вопросов, в которых отражались проблемы войны, мира и революции.⁶

Примечания:

1. К числу последних можно отнести монографии Е. Д. Мелешко. Христианская этика Л. Н. Толстого. М.: Наука, 2006; Пажитнов Л. Слово и дело Толстого. Искусство и этика. М.: Детская литература, 1979; Чубаков С. Н. Лев Толстой о войне и милитаризме. Минск, 1973; Карлова Т. С. Лев Толстой в движении истории. Издательство Казанского университета. Казань, 1978; Козлов Н. С. Лев Толстой как мыслитель и гуманист. Издательство Московского университета, 1985.

2. Прежде всего необходимо отметить четырехтомную монографию Бирюкова П. И. В четвертом томе он посвящает две главы по интересующей нас теме: по русско-японской войне и русской революции 1905–1907 гг. Бирюков. Биография Льва Николаевича Толстого. Т. 4. ГИЗ М-П., 1923. С. 89–116.

П. И. Бирюков был последователем Л. Н. Толстого, и это обуславливало то, что никаких критических замечаний его труд о Толстом не содержит, с другой стороны, он ценен тем, что он показывал написанное Л. Н. Толстому, который читал его и делал свои замечания. В биографии имеются ссылки на те документы, которые нам недоступны, чем обуславливается для нас ценность данного труда.

Из современных изданий биографий Л. Н. Толстого существенное значение имеет фундаментальная книга В. Б. Шкловского «Лев Толстой», вышедшая несколькими изданиями. Однако интересующей нас теме здесь отведено всего 16 страниц. В. Б. Шкловский полностью придерживается ленинской концепции оценки творчества Л. Н. Толстого, изложенной им в статье «Лев Толстой как зеркало русской революции», со всеми вытекающими из нее недостатками.

Скупо освещена интересующая нас проблематика в большой монографии А. Зверева и В. Туниманова «Лев Толстой», вышедшей в серии «Жизнь замечательных людей» (Зверев А, Туниманов В. Лев Толстой. М.: Молодая гвардия, 2006).

3. Лебрен В. А. Толстой (Воспоминания и думы). Издательство «Посредник», 1914.

4. Гусев Н. Н. Два года с Толстым. М.: Художественная литература, 1973.

5. Булгаков В. Ф. Л. Н. Толстой в последний год его жизни. М.: Правда, 1989.

6. Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников. В двух томах. М.: Художественная литература, 1978.

ГЛАВА I. РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИЕ ТРАКТАТЫ Л. Н. ТОЛСТОГО

В начале 80^х годов XIX века Л. Н. Толстой выступает как создатель религиозно-этического учения, получившего название толстовства. В известном смысле слова это не означало разрыва с прошлым художественным творчеством великого писателя, однако существенные изменения в нем все же произошли, как в смысле формы, так и по содержанию его произведений. Со стороны формы это положение характеризуется тем, что Л. Н. Толстой в конце XIX – начале XX вв. широко использует форму философских трактатов и публицистических статей для изложения своих нравственно-религиозных взглядов; художественные произведения («Воскресенье», «Фальшивый купон», «После бала», «Хаджи-Мурат» и т. п.) в это время отходят по своей значимости на второй план, в то время как в первый период творчества художественные произведения занимали лидирующее место, а нравственно-этические идеи, содержащиеся в некоторых из них, занимали второе.

Однако сведение только к этому тех изменений, которые произошли в творчестве Л. Н. Толстого, некорректно. Они не сводятся только к вышеизложенному. Писатель во второй период своего творчества предпринял попытку осмысления и формулирования тех этических установок, которые во многом в неявной для него художественной форме вошли в художественную ткань его произведений («Казаки», «Утро помещика», «Война и мир» и др.).

У Л. Н. Толстого на рубеже 80^х годов XIX века произошла отчетливо выраженная переоценка ценностей, заключающаяся в том, что он перешел на позиции патриархального русского крестьянства. Этот переход сопровождался сменой координат его творческого письма. От художественного изображения прошлой и настоящей жизни России, жизни двух классов, составлявших русское общество (помещиков и крестьян), он переходит к изображению жизни крестьянства в свете своего нравственно-религиозного идеала. Он рисует его в критически-положительном ключе, критикуя негативные (пьянство, грязь, междоусобицы и т. п.) и одновременно отмечая положительные стороны его жизни, которые совпадали с толстовским идеалом будущего России: коллективность, взаимовыручка, трудолюбие, способность прощать друг друга, помогать другим людям.

Толстовское понятие религии прежде всего отрицательно: это критика духовного состояния современного Толстому российского общества предреволюционного периода. Толстовская «религия» по своему существу – это явление, которое находится в одном ряду с такими социальными феноменами, как толстовская критика науки, искусства, официальной церкви, социальной структуры общества и общественного положения двух основных классов феодального общества – помещиков и крестьян, многочисленные остатки которого в пореформенной России сохранялись.

Л. Н. Толстой не столько пытается раскрыть положительное понятие о боге, сколько осуждает тот строй духовной и общественной жизни современного ему российского и зарубежного общества, при котором члены этого общества не понимают и не могут понять разумный смысл жизни, ищут его и не находят. Религия Толстого есть не только и не столько вера, сколько социальный протест против нравственного падения, беспринципности, безыдейности современного ему буржуазного общества, против утраты господствующей частью этого общества представления о высоких нравственных задачах, способных руководить действиями масс в направлении к достижению нравственного идеала.

Толстой осуждает не столько отсутствие веры в бога, безразличие современного общества к высочайшим ценностям жизни, сколько признание существующего порядка приемлемым, достаточным для господствующей элиты общества. Он выразил эту мысль с предельной обнаженностью, считая, что религия людей, не признающих ее, – это религия покорности всему тому, что исходит от власти.

Однако именно потому, что толстовская религия есть больше критика, чем догма или мистическое настроение, Толстой на первый план в понятии веры выдвигает не ее религиозное содержание, а способность веры быть движущей силой жизни. Он понял, что вера – это не только обличение и объяснение вещей невидимых, она не есть только отношение человека к богу, не есть только согласие с тем, что сказали человеку, вера есть знание смысла человеческой жизни, вследствие которого человек не только не уничтожает себя, а живет, имеет надежду и смысл жизни. Без веры, считал Толстой, нельзя жить.

В центре толстовского понимания веры стояло противоречие между конечным существованием человека и бесконечным су-

ществованием мира. Отсюда возникает основная гносеологическая проблема: может ли конечный человек познать бесконечный мир. Однако Толстой пытается ее решить по-своему. В «Исповеди» он формулирует основную цель своих религиозных исканий. Он пишет о том, что нужны разрешение противоречия конечного с бесконечным и ответ на такой вопрос, при котором возможна жизнь. Толстовская вера – это синоним осмысленного существования, условие сознающей свое назначение деятельности.

Однако стремление вернуть жизни ее осмысленность Толстой связывает не с понятием социальной философии, к которой оно должно бы было принадлежать, а с понятием религии. Стремление понять «корень жизни» Толстой связывает с религиозной традицией.

Однако Толстому ясно, что здесь получается противоречие. Понятие религиозной веры не выдерживает критики разума. И все же Толстой, несмотря на самим им признанное противоречие, считает необходимым отстаивать религиозное мировоззрение. Он сознательно становится на точку зрения патриархального крестьянина с его наивной и некритической религиозной верой.

Безыдейности господствующих слоев и классов буржуазного общества, отсутствию у них отчетливо оформленного сознания и смысла жизни и своего места в ней Толстой противопоставляет не те понятия о ней, которые уже были выработаны идеологами марксизма, а те понятия, которые, по его мнению, совпадали с точкой зрения многомиллионного крестьянства России.

Ему представляется, что именно в религиозной вере крестьянский народ находит разрешение мучившего его противоречия личного и общего, конечного и бесконечного. Он считал, что именно вера дает народу то осознание смысла жизни, которое утрачено у господствующих классов современного ему общества. Толстой считает, что только религия дает человеку понятия нравственного добра и зла, конечного и бесконечного, связи людских дел с богом, без которых не было бы жизни, а тем самым и попыток ее объяснения.

И это убеждение у Толстого немедленно вступило в противоречие с другим убеждением, которое запрещает считать истинным все несовместимое с началами знания и разума. Народная крестьянская вера, и Толстой знал это, была не единственной

формой религиозного отношения к жизни. На роль учения, будто бы разрешающего все философские противоречия крестьянской веры, претендовала церковная богословская вера. Она рассматривала себя как наставницу и руководительницу народа в делах веры. Поэтому Толстой пришел к выводу о необходимости исследовать содержание церковного богословского вероучения. И он сделал это. Однако по мере того, как он углублялся в это исследование, ему становилось ясно, что богословские догматы, к которым сводилось содержание христианской религии, не могли быть той «силой жизни», которая выводит личность из тупика противоречий, более того, в эти догматы можно было верить только ценой отказа от элементарных условий и законов логики и разума.

При этом выяснилось, что система догматического богословия построена на стремлении во что бы то ни стало оправдать сложившиеся за долгое время существования церкви понятия о религии. Понятия эти поддерживали основанный на насилии и угнетении общественный порядок, в том числе и то место и ту роль, которая в этом порядке принадлежит церкви.

Свои критические исследования основ религии Толстой осуществил в «Исповеди», в «Исследовании догматического богословия», «В чем моя вера», «Царство божие внутри нас». Однако в этих трактатах, которые по замыслу Толстого должны были содержать позитивные взгляды писателя по этому вопросу, на первое место выдвигается их полемическое содержание. В этих и других религиозных сочинениях Толстой выступил прежде всего как критик, полемист и даже антагонист официального богословского вероучения. Религия Толстого была прежде всего протестом против безыдейности господствующей части российского общества, против отсутствия у людей, составляющих эту часть общества, твердого нравственного мировоззрения. В этом свете призыв Толстого к восстановлению религиозности был своеобразной формой протеста против нравственной беспринципности господствующих слоев общества царской России. Одновременно он был свидетельством слабости, непоследовательности толстовской мысли, являвшейся результатом сложности тех проблем смысла жизни, которые он перед собой ставил.

Толстовская критика христианства вообще и православного богословия в частности основана не на историческом исследовании, а на собственном, выработанном самим Толстым понятии о

сущности религии и христианства. Эти понятия, в свою очередь, сводятся Толстым к нравственно-этическому учению о том, что придает смысл человеческой жизни. Следовательно, под религией Толстой понимал «учение о пути жизни», о нравственных началах, которыми должен руководствоваться в своем отношении к жизни и к людям человек, ищущий в жизни нравственный смысл.

Толстой не отрицает формального мистического характера религиозной веры. Он сам называет «откровением» – то, что открывается перед разумом, дошедшим до своих последних пределов, выше разума, стоящей истины. Однако для Толстого в религии имеет значение не только предлагаемый ею ответ о нравственном смысле жизни, но и ответ на вопрос о нравственных условиях реализации этого смысла жизни.

Толстой считает, что предлагаемое христианством этическое учение может привести к оправданию жизни и к утверждению его только при условии, если основы религиозного учения и содержание его нравственных предписаний не будут противоречить разуму.

«Метафизическое содержание религии, – считал В. Ф. Асмус, – Толстой сводит к ее этическому содержанию, а ее мистический элемент стремится подчинить элементу рационалистическому». ¹

Сформулировав определение «откровения» Толстой дополняет его другим, включающим в себя ответ на вопрос: какой смысл имеет моя жизнь? «Если он не отвечает на этот вопрос, он мне не нужен».

Зная, что православная церковь приписывает себе обладание высшими основами, в том числе и этическими, Толстой должен был искать в догматическом богословии обоснования практической этики. Однако он не нашел там этого обоснования. Вскоре он убедился, что церковное понимание христианской религии не только не содержит и не обосновывает никаких этических требований, но и не содержит никакого протеста против безнравственного характера всего общественного устройства пореформенной России.

Учение официальной православной церкви направлено всецело на оправдание существующего, основанного на угнетении народа, общественного порядка.

Толстой считал, что христианство, как всякое религиозное учение, включает в себе две стороны: 1) учение о том, как надо

жить каждому отдельно и всем вместе – этическое учение и 2) объяснение, почему людям надо жить именно так, а не иначе – метафизическое учение.² Эти две стороны – «этическая» и «метафизическая» – находятся, как считал Толстой, во всех религиях мира.

Все религии мира, содержавшие двойственное этически-метафизическое содержание, со временем подверглись перерождению. Это было обусловлено «слабостью» людей, и тогда из их среды появились лица, которые брались оправдывать это отступление. Эти лица разъясняли метафизическую сторону религиозного учения таким образом, что этические учения становились необязательными, и они заменялись внешними обрядами.³

Особенно резко этот процесс выразился в христианстве. Здесь, считал Толстой, «метафизика» и «этика» так неразрывно связаны одна с другой, что отделить одну от другой нельзя, не лишив всего религиозного учения христианства его смысла. К тому же христианство само по себе есть «отрицание» не только обрядовых постановлений иудаизма, из которого оно вышло, но и всякого внешнего богопочитания.

Именно поэтому разрыв между «этикой» и «метафизикой», общий для христианства и других религий, должен был, как полагал Толстой, совершенно извратить смысл религиозного учения и лишить его «всякого смысла». Толстой считал, что так это и случилось. Разрыв между «этическим учением» о жизни и «метафизическим» объяснением жизни начался с проповеди апостола Павла, не знавшего этического учения, выраженного в Евангелии Матфея, и проповедовавшего чуждую Христу метафизическую теорию. Окончательно этот процесс завершился во времена императора Константина, когда начались вселенские соборы и когда центр тяжести христианства переместился на одну метафизическую сторону. В результате смещения тяжести христианство в большей степени, чем какая-либо другая мировая религия, «утратило» составляющее некогда его центральную часть этическое учение. Толстой доказывает эту мысль, сопоставляя христианство с другими религиями. Все религии за исключением церковно-христианской требуют от своих верующих кроме обрядов еще исполнения хороших поступков и воздержания от дурных.

Ислам требует обрезания, ежедневной пятикратной молитвы, десятины бедным, поклонения гробу пророка и т. д. Напротив церковное христианство не предъявляет к своим верующим ни-

каких этических требований. По мнению Толстого, нет ничего, что бы обязательно должен был делать христианин и от чего он должен был отказываться, если не считать постов и молитв, самою церковью признаваемых необязательными. Христианская церковь не требовала от своих верующих никаких поступков. Она не предъявляла к своим верующим никаких требований воздержания от чего бы то ни было. Вместо того чтобы руководить людьми в их действиях, церковь так «перетолковала» метафизическое учение Христа, что оно не мешало жить людям так, как они жили.

Мир (община людей – В. С.) устанавливал свою во всем противную этическому учению христианства жизнь, а церковь придумывала «иносказания», по которым получалось, что люди, живя противно закону Христа, живут согласно с ним.

Толстой считал, что церковь признала и освятила все, что было в языческом мире. Она признала и освятила и развод, и рабство, и суды, и все те власти, которые были, и войны, и казни, и требовала при крещении только словесного отречения от зла. Потом при крещении младенцев перестала даже требовать этого.

Толстой отмечает «отставание» во времени церкви, связанное с ее функцией оправдания определенного общественного порядка. Придуманная для оправдания древней формы рабства, она уже не годилась для той формы общества, которая сменила ее. Этическое учение Христа, вопреки запрещению переводов Библии на национальные языки, через вольнодумцев и сектантов стало проникать в народ. Поскольку церковь извратила этическое учение христианства и даже пыталась скрыть его от народа, это учение «эмансипировалось от церкви и установилось независимо от нее». Это выразилось в том, что люди помимо церкви уничтожили рабство, которое оправдывалось церковью, религиозные казни, уничтожили освященную церковью власть императоров, пап и начали стоящее теперь на очереди уничтожение собственности и государства.⁴

Толстой отмечал, что в настоящее время все, что только живет, а не мешает жить другим, все живое отпало от церкви и живет своею жизнью независимо от нее. Войны и отношения государств устанавливаются на принципах народности, равновесия, на силе, только не на церковных началах. Государственные учреждения, считал Толстой, открыто игнорируют церковь. Он с нескрываемым сарказмом и в злой манере, несколько сгущаю-

щей краски современного положения церкви, пишет, что мысль о том, чтобы церковь могла быть основой суда, собственности, в наше время только смешна. Наука не только не находится в согласии с учением церкви, но «невольно» в своем развитии всегда «враждебна церкви». Даже искусство, в прошлом служившее церкви, ушло от нее. Жизнь не только эмансипировалась от церкви, — она не имеет другого отношения к ней «кроме презрения», если церковь не вмешивается в дела жизни, и ничего кроме ненависти, если церковь пытается напомнить свои прямые права.

Толстой проводит в своих религиозно-философских трактатах мысль о том, что церковь не только извратила и «забросила» этическое учение христианства, она извратила и «метафизическую» часть христианства. Это произошло, считает он, потому, что «этическое» учение каждой религии неразрывно связано с «метафизическим». В этих условиях порча первого неминуемо могла вызвать, и действительно вызвала, порчу второго и породила в церкви стремление превратить религию в оправдание существующего общественного порядка, в оправдание существующего в обществе зла. В результате совершенно извращенной оказалась метафизическая часть христианства.

С наибольшей полнотой и последовательностью Толстой рассматривает эту проблематику в «Исследовании догматического богословия». В этой работе писатель последовательно излагает догматическое вероучение христианской церкви. Он пытается понять его, найти в нем разумный смысл и обоснование нравственного поведения. Однако найти его он не может.

В догматическом богословии Толстого не устраивает все: и содержание учения, и практическая цель, к которой оно все сводится, и приемы изложения и убеждения. Изложение богословия Толстой находил не только не истинным по существу, но в значительной части случаев лишенным всякого логического смысла.

Толстой, по его словам, «долго делал странные усилия», чтобы понять, что разумеется под различными духовными естествами, под различием свойств, под умом и волей бога. Добиться ясности ему не удалось, и он убедился, что автору догматического богословия нужно только внешним образом связать все тексты и что разумной связи между его словами нет и для него самого.

Таким, лишенным всякого смысла, непонятым в своем существе представляется писателю догмат богословия — догмат

божественного триединства. Толстой считал, что этот догмат лишен всякого смысла.⁵ Он отвергает его потому, что этот догмат противен человеческому разуму и что нравственного правила из него вывести невозможно никакого.

Решающая черта всех догматов церковной веры, а не только догмата о триединстве, заключается в том, что из них всех невозможно вывести никакого нравственного правила. При этом чем дальше отстоит догмат от возможности практического — нравственного его применения, тем большее значение приписывает ему церковь.

Догматы: исхождение духа, естества Христова, таинства причащения; чем дальше они были от возможности какого-нибудь нравственного приложения, тем больше они волновали христианскую церковь. Толстой не ограничился только теоретической, логической и практической критикой догматов церковного богословия. Для него первостепенное значение имел вопрос о том, какой практический повод заставил церковь исповедовать этот лишенный смысла догмат и подбирать для него вымышленные доказательства. Исследуя этот вопрос, философ приходит к выводу о том, что церковное понимание догматов имеет два основания. Первое из них состоит в грубости и примитивности собственного церковным писателям понимания текстов писания, которыми обосновываются догматы.

Второе основание церковного понимания догматов, по Толстому, состоит в утверждаемой церковью непогрешимости собственных учений. В свою очередь собственную непогрешимость церковь выводит из непогрешимости церковной иерархии, понятие которой в богословии незаметно подменяется понятием церкви.⁶

В конечном счете, все учение церкви как истинной хранительницы божеской истины основано на том, чтобы, установив это понятие, подменить его понятием одной известной иерархии. Кроме того, в системе догматов богословия Толстой обнаруживает еще и прямую практическую цель, заключающуюся в стремлении внушить верующим такие представления, которые связаны с корыстными — материальными — интересами иерархии.

Чрезвычайно важное для всей системы богословия учение о благодати есть неизбежное следствие ложной посылки, что Христос искушением изменил мир, а с другой стороны — оно есть основа тех жреческих обрядов, которые нужны для верующих,

чтобы отводить им глаза, а для иерархии – чтобы пользоваться выгодами жреческого звания. Это учение о благодати, цель которого отвести глаза верующим от неисполнения обещаний искупления и приобретения доходов духовенством, носит в себе тот зачаток безнравственности, который нравственно развратил поколения, исповедующие это учение.

Учение церкви о том, что человек всегда порочен и бессилен, что все его личные стремления к добру бесполезны до тех пор, пока он не усвоит учение благодати, – это учение, считал Толстой, под корень отсекает все, что есть лучшего в природе человека.

Введение учения о благодати с логической неизбежностью повлекло за собой введение целого ряда еще более безнравственных и грубых учений. К числу последних Толстой относил учение о мздовоздаянии, то есть о загробном наказании богом тех, кто при жизни не исполнял таинств. Согласно этому учению, если поп опоздает с причастием, пока я буду умирать, то я попаду в ад, во всяком случае, мне будет много хуже, чем тому, кто в своей прошлой жизни нагрabил много денег и нанял попов, чтобы «они всегда при мне были».

Уничтожающая критика Толстым догматического богословия привела его к полному отрицанию официальной церкви как религиозного института.

Его возмущало то, что иерархии официальной церкви отвечали «жалкими обманами, нелепостями» на самые «драгоценные в моей жизни моменты». С едким сарказмом относительно официальной православной церкви Толстой пишет о том, что он может выбрать себе по своему вкусу цвет панталон, жену, а все остальное он выбрать сам не может, а должен спросить у «этих праздных, обманывающих и невежественных людей» – церковных иерархов.

С большой силой негодования Толстой бичует лицемерие церкви, ее отступления от нравственных принципов первоначального христианства, в результате чего место бедности заняла роскошь, вместо прощения обид возникла ненависть, вместо терпения зла – козни. Критика Толстым официальной церкви перехлестывает все пределы. Он не оставляет ей ничего положительного. Он полностью отрицает за ней любое положительное содержание. Главный грех церкви он видит в ее участии и в одобрении ею общественного порядка, основанного на угнетении и ограблении народа. Церковь для Толстого есть название

«обмана», посредством которого одни люди хотят властвовать над другими.

Критика Толстым официальной церкви при всей ее абсолютности, несомненно, играла некоторую положительную роль, как попытка нравственного очищения этого духовного института. Новое в ней, по мнению В. Ф. Асмуса, заключалось в том, что Толстой применил к православию методы критики догматов католической и протестантской церквей деистами и вольнодумцами стран западной Европы.⁷

Оригинальна критика Толстого той социальной зоркостью, с которой он разглядел связь, существующую между учением церкви и не только крепостническим строем России, но и нарождающимся капиталистическим.

В православной церкви Толстой разглядел одну из сил духовно и материально порабащающих крестьянство, освещающих бедствия надвигающегося на крестьянина нового и непонятого для него врага – капиталиста. В этих условиях церковь духовно разоружала и дезориентировала крестьянство. Пыталась выбить у него зарождающиеся мысли о необходимости борьбы с новой формой социального зла и несправедливости. Безусловно, критика Толстым православной церкви составляет одну из сильных сторон его учения. Поэтому именно на ней концентрировали свое внимание вожди пролетариата Г. В. Плеханов, В. И. Ленин, А. В. Луначарский и др. Именно поэтому в период социализма у нас наибольшей известностью и безоговорочным авторитетом при оценке последнего периода в творческой эволюции Л. Н. Толстого пользовалась статья В. И. Ленина «Лев Толстой как зеркало русской революции».

Для того чтобы доказать справедливость критики им догматического богословия документально, Толстой обращается непосредственно к критике священных текстов и пишет «Соединение, перевод и исследование четырех Евангелий», опубликованный в трех томах издательством «Посредник» в 1907–1908 гг.

Попытка соединить содержание четырех Евангелий в одном повествовании не нова, и Толстой был знаком со своими предшественниками в этом направлении. Его отличие от них заключалось в том, что он предпринял попытку интерпретации канонических Евангелий в духе своего морального учения. Особенности морального и религиозного учения Толстого, заключающиеся в его отвлеченной рационалистичности, сделали для него

неприемлемыми все тексты Евангелий. Свое несогласие с текстами Евангелий Толстой выразил двояким способом: 1) Он просто исключил из текста своего перевода все, что ему представлялось ложным и грубым в моральном отношении, а также подложным и внесенным в первоначальный текст церковными богословами позднее; 2) Он перетолковывает соответствующие места Евангелий в духе своего собственного учения. При этом перетолкование текста Евангелий осуществляется двумя путями: 1) вольного перевода, полной свободы при передаче греческого текста; 2) путем замены имеющегося в текстах Евангелий понятия, понятие, которое никак не мог иметь в виду евангелист и которое приписывается ему Толстым.

Сам Толстой понимал, что его работа не может рассматриваться как перевод четырех Евангелий в буквальном смысле слова. Он признавал, что в ней могут быть обнаружены с точки зрения перевода значительные ошибки. Он хотел сами тексты канонических Евангелий сделать опорой для своих религиозно-моральных воззрений. Эта цель, поставленная Толстым, совершенно прозрачно обнаруживается в его комментариях к переводу текстов Евангелий.

Для Толстого важно раскрытие противоречия между разоблачением социальной функции религии в несправедливом обществе и признанием «очищенной», «утонченной» религии, сведенной к моральному учению непротivления злу насилием и нравственного личного совершенствования. Несмотря на неподготовленность Толстого к научной филологической критике канонических текстов Евангелий, он в ряде случаев с большой проницательностью вскрывает смысл церковной интерпретации евангельских текстов. Он обнаруживает связь между интерпретацией и служением церкви государству, основанному на насилии имущего меньшинства над трудящимся большинством. В этом, по мнению В. Ф. Асмуса, сказывается «сила работы Толстого над Евангелиями». ⁸ Здесь же ученый отмечает противоречивость и слабость мыслителя, порабощенность его мысли «тем самым расслабляющим ядом, против которого он так сильно и мужественно боролся». Под последним В. Ф. Асмус понимал то, что Толстой был выходцем из помещичьего класса, он по происхождению и по образу жизни до своего отъезда из Ясной Поляны накануне смерти был его представителем и не мог не испытывать на себе его воззрений.

Особое внимание Толстой уделял переводу четвертого Евангелия Иоанна. Богословами оно рассматривалось как самое философское из четырех канонических Евангелий. Именно в нем сообщаются основы христианского учения о божественном бытии, о природе бога. В связи с этим во всех богословских и историко-философских толкованиях считалось, что «логос» (слово) четвертого Евангелия имеет ясно выраженное онтологическое и космологическое значение.

Толстой понимает «слово» или «логос» иначе. Он считает, что «логос» Иоанна имеет только нравственное значение. Он не только отрицает в понятии «логоса» онтологический смысл, а сводит его смысл к нравственному пониманию жизни. Толстой считал, что нравственное «разумение» жизни есть то, что заменило в жизни и в сознании людей понятие о самом боге. В результате у Толстого получается религия без бога или религия, в которой бог становится синонимом нравственного понимания жизни.

Для нас важно в данном случае то, что Толстой свое понимание нравственного смысла жизни, свое внеисторическое учение о любви к людям, их освобождении от выполнения законов государства хочет вывести из основных учений, изложенных в ранней христианской литературе, в том числе и из канонических Евангелий.

К недостаткам понимания Толстым канонических Евангелий следует отнести то, что он, по существу, сводит толкование их только к нравственному смыслу жизни и никаких других понятий, по его мнению, Евангелия будто бы не содержат. Это узкое понимание текстов канонических Евангелий, поскольку они кроме этого содержат ряд мифов и космологических настроений. Толстой решительно опускает, как пишет В. Ф. Асмус, в Евангелиях все рассказы, сцены и положения, которые противоречат реалистическому пониманию свободы и человеческой жизни. Толстовский перевод канонических Евангелий характеризуется резко выраженной рационалистической тенденцией. Он стремится путем либо лаконического отсечения ряда текстов, либо их рационалистического толкования устранить противоречие между текстом Евангелий и рассудочным пониманием явлений. В. Ф. Асмус отмечает, что Толстой, мало подготовленный в вопросах филологической критики и толкования евангельских текстов, удивительно проницателен по отношению к социальной

тенденции, которой руководствовалась церковь в своих толкованиях Евангелия.⁹

Толстой противопоставляет вечное содержание «истинной» религии, свободной от церковного обмана, церковной религии. При этом он, как писал В. И. Ленин, не способен встать на конкретно-историческую точку зрения (Ленин. Т. 17. С. 30). «Он, — писал Ленин, — рассуждает отвлеченно, он допускает только точку зрения «вечных» начал нравственности, вечных истин религии...» Нет смысла говорить о том, что для Ленина как политика такая позиция, когда все общественные вопросы рассматриваются с точки зрения общечеловеческой морали, неприемлема. Поэтому рассмотрение им позиций Толстого как выразителя интересов крестьянства в период первой русской революции 1905–1907 гг. представляется недостаточным. Содержание общечеловеческой морали Толстого при всей ее неопределенности и противоречивости Лениным не раскрыто.

Критика Толстым церковного христианства велась только с точки зрения настоящего. Поэтому он не видел несомненной относительной прогрессивности церковного христианства в его далеком прошлом, когда оно оказалось носителем просвещения среди языческих народов.

В своем обстоятельном вступлении к 23-му тому Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого В. Ф. Асмус подробно рассмотрел критическую — самую сильную сторону таких религиозно-философских трактатов Толстого, как «Исповедь», «Исследование догматического богословия», «Соединение, перевод и исследование четырех Евангелий». Однако он почти не коснулся работы Толстого «В чем моя вера», содержащей позитивную программу писателя, которая при всем ее утопизме дает отправные положения Толстого в сфере общечеловеческой морали. Свои рассуждения о морали Толстой начинает с четвертой заповеди Христа. Он пишет: «Христос говорит: вы злом хотите уничтожить зло. Это неразумно. Чтобы не было зла, не делайте зла».¹⁰ Четвертая заповедь говорит: никогда силой не противься злему, насилием не отвечай на насилие: бьют тебя — терпи, отнимают — отдай, заставляют работать — работай, хотят взять у тебя то, что ты считаешь своим — отдавай.

Большие затруднения у Толстого вызвала пятая заповедь, которая гласила: «Люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего». Толстой подробно описывает те затруднения, которые у него

возникли в связи со словами о ненависти к врагам. Любить врагов? Это представлялось Толстому чем-то «невозможным». Это было одно из тех «прекрасных выражений, на которые, – пишет он, – нельзя иначе смотреть, как на указание недостижимого нравственного идеала». Можно не вредить своему врагу, но любить его – нельзя. Пространные рассуждения Толстого о том, что не мог Христос произнести эти слова, заканчиваются у писателя тем, что под «ближним» Христос понимает земляков, т. е. иудеев, а под врагами чужеземцев. Христос велит любить всех, то есть и врагов в том числе. Он говорит, что для бога все равны, на всех светит одно солнце, на всех падает дождь; бог не делает различия между народами и всем делает равное добро; то же должны делать и люди для всех людей без различия их народностей, а не так, как язычники, разделяющие себя на разные народы.

Отсюда Толстой выводит ясное, определенное, важное и исполнимое правило: не делать различия между своим и чужим народом и не делать всего того, что вытекает из этого различия: не враждовать с чужими народами, не воевать, не участвовать в войнах, не вооружаться для войны, а ко всем людям, какой бы народности они ни были, относиться так же, как вы относитесь к своим (к своему народу).

«Причина моего непонимания, – продолжает Толстой, – была та же, что и причина непонимания запрещения судов и клятвы». Он считает, что современная жизнь до такой степени удалилась от учения Христа, что это удаление становится теперь главной помехой понимания его. Мы привыкли слушать молитвы, обращенные ко Христу, о победе над врагами, славу и гордость находим в убийстве, которое для христианского воинства возвели в святыню. «Мы забыли, – продолжает писатель, – что Христос никак не мог себе представить, что люди, верующие в его учение смирения, любви и всеобщего братства, спокойно и сознательно могли бы учреждать убийство братьев. Теперь и вопроса нет о том, может ли христианин участвовать в войнах. Все молодые люди, воспитываемые в церковном законе, называемом христианским, каждую осень, когда настанет срок, идут в воинские присутствия и с помощью церковных пастырей отрекаются от закона Христа».

«Пять заповедей Христа, – считает Толстой, – дают мир людям. Мир общий, нерушимый, вечный».

Первая заповедь говорит: «Будь в мире со всеми, не позволяй себе считать другого человека ничтожным или бездушным. Если нарушен мир, то все силы употребляй на то, чтобы восстановить его. Мирись при малейшем раздоре, чтобы не потерять истинной жизни».

Вторая заповедь направлена против соблазна половых отношений, нарушающего мир. Другой соблазн – это клятвы, вводящие людей в грех. «Знай наперед, что это – зло и не давай никаких обетов».

Третий соблазн – это месть, называемая человеческим правосудием; «не мсти и не оговаривайся тем, что тебя обидят, – неси обиды, а не делай зло за зло».

Четвертый соблазн – это различие народов, вражда племен и государств. «Не нарушай мира ни с кем во имя народных целей».

Толстой уверен, что эти заповеди исключают все зло из жизни людей. Заповеди, данные Христом, открывают царство бога на земле.

Основу возможности существования людей составляет труд. Толстой проводит разницу между учением Христа и учением нашего мира о труде. Он считает, что по учению современного мира работа есть особенная заслуга человека, в которой он считается с другими и предполагает, что имеет право на большее пропитание, чем больше его работа.

По учению Христа: работа – труд есть необходимое условие жизни человека, а пропитание есть неизбежное его последствие. Работа производит пищу, пища производит работу – это вечный круг: одно – следствие и причина другого. Как бы зол ни был хозяин, он будет кормить работника так же, как будет кормить ту лошадь, которая работает на него, будет кормить так, чтобы работник мог создать как можно больше, то есть будет содействовать тому, что составляет благо человека.

«По учению Христа, – считал Толстой, – каждый отдельный человек независимо от того, каков мир, будет иметь наилучшую жизнь, если он поймет свое призвание, а оно заключается в том, чтобы не требовать труда от других, а самому всю свою жизнь исполнять труд для других, чтобы жизнь свою отдавать как выкуп за многих».

Человек, поступающий таким образом, согласно учению Христа, достоин пропитания, то есть, не может не получить его. Человек не затем живет, чтобы на него работали, а чтобы самому рабо-

тать на других. Христос устанавливает ту основу, которая обеспечивает материальное существование человека, а словами «трудящийся достоин пропитания» Христос устраняет то обыкновенное возражение против возможности исполнения учения, которое состоит в том, что человек, исполняющий учение Христа среди не исполняющих, погибнет от голода и холода. Христос показывает, что человек обеспечивает свое пропитание не тем, что он сделается полезен, нужен для других. Чем он нужнее для других, тем обеспеченнее будет его существование. Изложив основы учения Христа о труде и его роли в жизни общества, Толстой переходит к современности. Он пишет, что при нынешнем устройстве мира люди, не исполняющие законов Христа, но трудящиеся для ближнего, не имея собственности, не умирают от голода. Он считает, что человек не может умереть от голода, когда есть хлеб у богатого. В России всегда есть миллионы людей, которые живут без всякой собственности, только своим трудом. И это положение не зависит от религии. Среди язычников христианин будет точно так же обеспечен, как и среди христиан. Он работает на других, следовательно, он нужен им, и потому его будут кормить.

В расчете на будущее, на то, что в будущем они будут работать, люди кормят больных, детей, это относится и к животным. Писатель пишет о том, что девять десятых людей – черный народ, они живут «как рабочий скот». Как ни «презирает» эта одна десятая остальные 9/10 населения страны, она никогда не отнимет у него необходимого пропитания, хотя и могла бы это сделать. «В последнее время, – подчеркивает Толстой, – эта 1/10 населения сознательно работает на то, чтобы 9/10 кормились правильно, то есть могли бы как можно дольше работать и могли бы плодиться и выкармливать новых рабочих».

Положение Христа о том, что если человек не будет приобретать для себя и удерживать приобретенное, по мнению Толстого, применимо только для праздных, бесполезных и потому вредных людей, которые составляют большинство «нашего богатого сословия». Воспитывать таких людей никто не станет, кроме безумных родителей. Подводя итоги всему вышесказанному, Толстой обобщает: «Человек не затем живет, чтобы на него работали, а чтобы самому работать на других. Кто будет трудиться, того будут кормить».¹¹

Труд есть необходимое условие жизни человека. И труд же дает благо человеку. И поэтому удержание от других людей пло-

дов своего или чужого труда препятствует благу человека. И наоборот, отдача своего труда другим содействует благу человека.

Подводя итоги своим суждениям о труде, Толстой подчеркивает, что по учению мира человек насилем и угрозой заставляет других людей продолжать кормить себя и свою семью. По учению Христа человек вскормлен и вспоен другими людьми; но для того, чтобы другие люди продолжали беречь, поить и кормить его, он никого к этому не принуждает, а сам старается служить другим, быть как можно полезнее всем и тем становиться нужным для всех. Получается, что трудовая этика христианства является более справедливой, чем этика современного Толстому общества. Хотя сам он этого вывода не делает, а спрашивает у читателя: «Как же вернее и радостнее: жить по учению мира или по учению Христа?»¹²

Учение Христа дает единственное возможное спасение от неизбежно предстоящей «погибели личной жизни». Исполнение этого учения не только не призывает к страданиям и лишениям в этой, земной жизни, но избавляет от девяти десятых страданий, которые мы несем во имя учения мира. Однако эта истина была скрытой от народа и даже господствующего сословия.

Толстой подробно описывает, как он первоначально с большой осторожностью относился к тем изменениям, которые вносились в учение Христа официальной церковью. Он отмечает, что при работе над исследованием Евангелий он как я ни старался удержать хоть что-нибудь от учения церкви, «от него ничего не осталось».¹³

Особенно поражен был Толстой постановкой церковью вопроса об убийстве, впервые столкнувшись с этим в книге «Толковый молитвенник». Издание третье, Москва, 1879 г. на странице 163-й этой книги было сказано: «Какая шестая заповедь божия? – Не убий. Не убий – не убивай. – Что бог запрещает этой заповедью? – Запрещает убивать, т. е. лишать жизни человека. – Грех ли наказывать по закону преступника смертью и убивать неприятеля на войне?» Не грех. Преступника лишают жизни, чтобы прекратить великое зло, которое он делает; неприятеля убивают на войне потому, что на войне сражаются за государя и отечество. И этими словами ограничивается объяснение того, почему отменяется заповедь бога. Толстой пишет, что он не поверил своим глазам, когда спорящие спросили его мнение о своем споре. Он сказал, что это объяснение неправильно.

Толстой оставил книгу у себя и просмотрел ее всю. Молитвенник, вызывающий сомнения самых простых людей, поразил его. Он не мог поверить, чтобы чисто языческое, не имеющее ничего христианского содержание молитвенника было сознательно распространяемое в народе церковью учение. Для проверки этого положения Толстой купил все изданные синодом или с его благословения книги, содержащие краткие изложения церковной веры для детей и народа, и перечитал их.

Содержание их было для Толстого новым. В то время, когда он учился закону божию, этого еще не было. Не было заповедей блаженств, а главное – не было учения о том, что убивать не грех. Во всех старых русских катехизисах этого нет. Нет ни в катехизисе Петра Могилы, Платона, Белякова. Нет в кратких католических катехизисах. Нововведение было сделано Филаретом, который составил также катехизис для военного сословия. Толковый молитвенник был составлен по этому катехизису. Он назывался «Пространный христианский катехизис православной церкви» для употребления всех православных христиан, изданный по высочайшему его императорского величества повелению.

Особое возмущение, негодование и омерзение у Толстого вызывает позиция, изложенная в «Катехизисе» относительно заповеди «не убий», согласно которой «не есть незаконное убийство, когда отнимают жизнь по должности, как то: когда преступника наказывают смертью по правосудию, когда убивают неприятеля на войне за государя и отечество».

Толстого удивляет, что это печатается в сотнях тысяч экземпляров и под страхом угроз и наказаний «внушается» всем русским людям под видом христианского учения.¹⁴

В результате таких модернизаций учения Христа, проведенных церковью, церковное учение, несмотря на то, что оно назвало себя христианским, есть та самая тьма, против которой боролся Христос и завещал бороться своим ученикам.

Вместо того чтобы руководить миром в его жизни, церковь в угоду миру перетолковала метафизическое учение Христа так, что из него не вытекало никаких требований для жизни, так что оно не мешало людям жить, как они жили. Церковь, уступив миру, пошла за ним. Мир делал все, что хотел, предоставляя церкви, как она умеет, поспевать за ним в своих объяснениях смысла жизни.

Мир утверждал свою, во всем противную учению Христа жизнь, а церковь придумывала хитрые «иносказания», по кото-

рым получалось, что люди, живя противно закону Христа, живут согласно с ним. В результате получилось так: мир стал жить жизнью, которая стала хуже языческой жизни, а церковь стала не только оправдывать эту жизнь, но и утверждать, что в этом-то и состоит учение Христа.¹⁵

Толстой ставит вопрос: почему так получилось? И отвечает: «Христианин для того только и знает истину, чтобы свидетельствовать о ней перед теми, которые не знают ее. Свидетельствовать он может только делом, а дело его есть отречение от войны и создание добра людям без различия врагов и своих. Всякое насилие: война, грабеж, казни происходят не вследствие неразумных сил природы, но производятся людьми, лишенными знания истины».¹⁶

Эта мысль Л. Н. Толстого правильно отражает сущность процессов насилия, происходящих в мире. Дело заключается в том, чтобы правильно проанализировать причины их происхождения.

Примечания:

1. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений (в дальнейшем ПСС). Т. 23. С. 16.
2. Асмус В. Ф. Там же.
3. Там же. С. XV.
4. Там же. С. XVII.
5. Там же. С. XIX.
6. Там же. С. XX.
7. Там же. С. XXII.
8. Там же. С. XXIV.
9. Там же. С. XXVII.
10. Толстой Л. Н. ПСС. Т. 23. С. 362.
11. Там же. Т. 23. С. 430.
12. Там же. С. 432.
13. Там же. С. 433.
14. Там же. С. 435–436.
15. Там же. С. 439.
16. Там же. С. 463–464.

ГЛАВА II. ОТНОШЕНИЕ Л. Н. ТОЛСТОГО К РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЕ

На рубеже XIX–XX вв. Россия вступила в качественно новую ступень развития – стадию модернизации, перехода от традиционного аграрного общества к современному индустриальному, в котором создаются крупная технически развитая промышленность и соответствующие ей социальные и политические структуры. Проводя, хотя и не охотно и не всегда последовательно, необходимую для этого внутреннюю политику, царизм стремился в дополнение к ней форсировать реализацию «большой азиатской программы», ставящей целью экономическое продвижение России на рынки Дальнего и Среднего Востока, захват новых территорий и расширение в связи с этим экономической экспансии.

Аппетиты царизма в этом отношении были очень велики. По свидетельству военного министра России А. Н. Куропаткина, Николай II мечтал о присоединении к России Манчжурии, Ирана, Афганистана и Тибета.

В 1998 г. С. Ю. Витте добился у Китая уступки в аренду Порт-Артура и Дальнего. В Порт-Артуре была создана военно-морская база. Это вызвало отрицательную реакцию со стороны Японии. Произошло столкновение интересов двух держав. Военное соперничество двух стран подогревалось Англией, которая в 1902 году заключила союз с Японией и помогла последней в модернизации ее военно-морского флота. Русско-японская война началась в январе 1904 года внезапным нападением японцев на военно-морские суда, стоявшие на рейде Порт-Артура.

Целый ряд неблагоприятных обстоятельств: удаленность от основных военных баз на 8 тыс. километров от центральной России, недооценка военной силы противника, внезапность первого удара привели к поражению России в этой войне.

Представляет значительный интерес оценка Л. Н. Толстым причин, хода и результатов русско-японской войны. Великий русский писатель понимал их очень своеобразно. В брошюре «Конец века» он в духе своего мировоззрения рассмотрел весь комплекс причин, который привел к русско-японской войне и к поражению в ней России.

Основное противоречие экономического и политического строя страны Л. Н. Толстой понимал очень субъективно. Он счи-

тал, что новый двадцатый век будет веком революции, веком крупных социальных изменений. В брошюре «Конец века», посвященной проблемам, которые стояли перед Россией и миром вообще, он подробно исследует этот вопрос. Уже в эпиграфе к ней он цитирует Чаннинга, который писал о том, что «Никогда людям не предстояло столько дела. Наш век есть век революции в высшем смысле этого слова – не материальной, но нравственной революции. Вырабатывается высшая идея общественного устройства и человеческого совершенства». Л. Н. Толстой очень удачно подбирает эпиграф, в котором Чаннинг постулирует свой идеализм, свое объяснение нравственными императивами необходимости экономической революции.

Развитие общества Л. Н. Толстой понимает пусть и непоследовательно, через возникновение и разрешение противоречий, в первую очередь, между новым и старым, между уходящим веком и новым. И разрешение противоречия приводит к изменению уклада жизни людей, который, в свою очередь, приведет к большим общественным волнениям, к жестокостям и революции. Причины последней Л. Н. Толстой видит в падении нравственности народов, отсюда он выводит «охлаждение любви» – «самого важного и нужного для общественной жизни людей свойства».

Л. Н. Толстой не только подменяет экономические и политические отношения нравственными, но он напрямую говорит о том, что для современного мира характерно обострение противоречия между «извращенным» христианством (и основанном на нем неравенстве людей) и «истинным» христианством (и основанной на нем свободой всех людей).

Таким образом, великий писатель видел в современном ему мире два важнейших противоречия: с одной стороны, обострение общественных противоречий между «холодной жестокостью богачей» и «озлоблением и отчаянием бедных».

Наряду с этим противоречием Л. Н. Толстой выделяет обострившееся к началу XX века противоречие между христианскими и нехристианскими народами, к числу последних он относит японцев.

Начавшаяся русско-японская война дала толчок «той готовности к перевороту, в которой находятся христианские народы». В этом великий писатель видел значение войны. Вместе с русско-японской войной одновременно вспыхнуло никогда прежде

не проявлявшееся революционное движение «среди русского народа». Причину разгрома русской армии и флота писатель видит не в «несчастных случайностях», не в злоупотреблении русских правительственных лиц, не в дурном правительстве и не в усиленной деятельности революционеров, а в том, что это поражение есть «признак начавшегося разрушения русского государства». В свою очередь, разрушение русского государства есть признак начала разрушения всей «лжехристианской цивилизации». Это началось давно, еще тогда, когда христианство было признано государственной религией. Государство обманывает народ «придумывает сложные «софизмы», оправдывающие невозможное соединение государства и христианства, оно гипнотизирует народ. И большинство людей веками живет, считая себя христианами, не подозревая даже сотой доли значения истинного христианства». «Однако так не могло продолжаться вечно, — замечает писатель. — Пришло время, и христианство разрушает задерживающую его плотину и увлекает за собой ее остатки». Это началось после легко одержанной японцами победы над Россией.

Писатель выделяет особую главу, посвященную «значению победы японцев». Причины успехов японцев он видел не столько в дурном управлении Россией, сколько в большом, положительном превосходстве японцев в военном деле. «Япония, — писал он, — победила не потому, что русские слабы, а потому, что Япония теперь едва ли не самая могущественная в мире на суше и на море военная держава». Во-первых, японцы усвоили все технические усовершенствования, которые давали преимущество в борьбе христианским народам над нехристианскими. Во-вторых, японцы по своей природе более храбры и равнодушны к смерти, чем «теперь христианские народы». В-третьих, тот воинственный патриотизм, не согласный с духом христианского учения, который с большим трудом вводился и поддерживался христианскими правительствами среди своих народов, у японцев живет с древности в своей нетронутой силе. В-четвертых, японцы рабски подчиняются деспотической власти обожещаемого микадо, их сила этим лучше объединена, чем сила народов, переросших свое рабское подчинение деспотизму.

Христианские народы, по крайней мере в лице лучших своих представителей, не могут не относиться отрицательно к воинственному патриотизму, не могут, по крайней мере большинство

из них, равнодушно совершать убийства. По мнению великого писателя, представители нехристианских народов с большей охотой занимаются военными делами, подготовкой к войне, изготовлением и производством оружия, чем представители христианских народов.

Победа японцев над русскими показала всем военным державам, что военная власть больше не в их руках, а перешла и скоро должна перейти ко всем нехристианским народам Азии и Африки. В этом Л. Н. Толстой видел значение победы японцев на межгосударственном уровне.

Отношение Л. Н. Толстого к русско-японской войне интересно рассмотреть с точки зрения одного из умных апологетов царского самодержавия А. С. Суворина. Издатель самой распространенной в то время в России газеты «Новое время», человек, друживший с А. П. Чеховым, встречавшийся с Н. А. Некрасовым, Н. Г. Чернышевским, Л. Н. Толстым, Ф. М. Достоевским, человек, много знавший в политических кулуарах царизма, он посвятил отношению Л. Н. Толстого к русско-японской войне «маленькое письмо», опубликованное в «Новом времени» 28 марта (10 апреля) 1904 г. № 10081.

В нем он ссылается на сотрудника французской газеты «Figaro», который для выяснения этого вопроса специально ездил в Ясную Поляну «и допрашивал ее хозяина». Л. Н. Толстой говорил ему о том, «что война – ужасное дело, что образованный мир теперь свирепее Чингисхана, что Евангелие не читают, в Бога не верят, что цивилизация создала искусственные потребности, столь же ненужные, как пирамиды, что железные дороги ничего не дали хорошего для жизни». «Я никогда не мог понять, – говорил Толстой, – пользу путешествий; путешествия заставляют только человека терять время и мешают его работе».

Здесь также приводятся рассуждения Л. Н. Толстого «о воинственной желтой японской расе». Даже высказываются мысли о том, что «еще неизвестно», «может быть желтая раса даст лучшие плоды, чем белая». Толстой высказывает корреспонденту «Figaro», что он патриот и ждет тех отдаленных времен, когда «войн не будет». Однако его волнует не только отдаленное будущее человечества, но и настоящее. Он переживает за русскую армию, за ее успехи и неудачи. А. С. Суворин видит в Толстом великого художника-патриота, который в своем романе «Война и мир» выступает как вдохновенный учитель любви к родине.

«Вся эта бесподобная книга полна патриотизма и гимна русскому народу, – писал А. С. Суворин, – а все трусливое, бездумное, беспутное и наглое, лишенное народного духа и патриотизма, все это бичуется им в образах подобных, безжалостных, рабски льстивых и предательских». А. С. Суворин высказывает мысль о том, что Толстой – художник-поэт победил Толстого-мыслителя, ту часть его души, которая рассуждает о человечестве.

Кончено, это уже мысли издателя «Нового времени», а не гениального писателя и оригинального мыслителя, из которых он заимствует только ту часть суждений великого писателя, которая импонирует ему своим содержанием.

Как бы смеясь злым смехом над этим учением, снова осветившим мир, дьявол щедрою рукой разлил яд своей злобы над несчастным рабом его – человечеством. В 1904 году возникает одна из жесточайших войн Японии с Россией. Можно понять весь ужас и горечь, испытанную Л. Н. Толстым при возникновении этой войны.

Война с Японией была принята русским народом и обществом как истинное бедствие, и мало можно было найти людей, которые шли на войну с охотой и воодушевлением. Напротив, во многих местах России наблюдались случаи прямого сопротивления. Близь Харькова женщины легли на рельсы, чтобы не пустить поезд, который должен был увозить их мужей.

Дух протеста против войны в первый раз дал себя серьезно почувствовать. Конечно, не малую роль в этом протесте сыграло распространение сочинений Л. Н. Толстого. У нас есть беспристрастное свидетельство в этом направлении. Епископ Иннокентий, живший в Дальнем, в своей статье по поводу японской войны прямо упрекает офицеров в толстовстве: «Наблюдая, – пишет епископ Иннокентий, – картины из местной военной жизни и слыша весьма часто из уст офицеров толстовскую мораль касательно войны, невольно приходится удивляться, как может армия при таких условиях справиться со своими, великими задачами... Носить военный мундир и быть поклонником толстовского учения – это похоже на то, как если бы человек, оснастивши корабль и выйдя в открытое море – отказался бы от целесообразности своего плавания».

Таким образом, сила влияния Л. Н. Толстого уже на первых порах войны ослабляла удар встретившихся врагов. Разумеется, многие люди, чувявшие духовную мощь Л. Н. Толстого, ждали от

него оценки мировых событий. Ждали, что он скажет по поводу войны России с Японией.

После крымской болезни Лев Николаевич Толстой восстановил свою физическую бодрость и интеллектуальную деятельность. Он напряженно и плодотворно размышлял над событиями, происходившими в России и в мире, и пытался интерпретировать их в духе сформировавшегося у него ранее религиозно-нравственного учения. Накануне русско-японской войны и российской революции 1905–1907 гг. он напряженно размышляет о смысле жизни, о жизни и смерти, о прогрессе и движении, о соотношении «материальных наблюдений» (так он называет область материальных интересов человечества) и об уме в области духовной. Эти проблемы он доверяет своим записям в дневнике. В первые дни 1904 года Л. Н. Толстой занят мировоззренческими вопросами, которые он намечает к проработке в своих последующих произведениях. Постановка мировоззренческих вопросов писателем характеризуется путаностью и противоречивостью.

Проблема общественного прогресса представляется ему «иллюзорной». 2 января 1904 г. он записывает в дневнике: «Движение, которое мы представляем себе вечным в будущем в виде прогресса, есть очевидная иллюзия, вытекающая из нашей отделенности от мира. Без движения нет отделенности. В сущности же мы, как и Бог, стоим неподвижно, и нам кажется только, что мы разрываем, расширяем свои пределы. В этом жизнь. Бог нами дышит». ¹ Мысль о движении в новом ее понимании так занимает Л. Н. Толстого, что на следующий день 3 января он вновь возвращается к ней и пишет: «Движение есть иллюзия, необходимо вытекающая из нашей отделенности. Признать смысл жизни при нашем отдельном существовании, расширении пределов (жизни – В. С.) нельзя». И мыслитель объясняет причины этого. Их он видит в том, что всякое совершенствование, всякое расширение есть нечто бесконечного пространства и времени. «Признать смысл жизни, – продолжает он, – как я делал это прежде в прогрессе, единении существ, опять нельзя потому, что опять всякое единение, ввиду бесконечности пространства и времени, есть ничто. Так что жизнь наша есть движение только для нас, но в действительности жизнь неподвижна». ²

Л. Н. Толстой умоглядно постулирует здесь мысль о том, что ввиду бесконечности пространства и времени не имеет смысла говорить о движении. В действительности же движение

есть форма бытия материи и сознания. Писатель путал здесь два философских понятия «движение» и «развитие». Последнее понятие в данном контексте он не употребляет, включая направленность движения, как основное свойство развития, и на этом основании утверждая об ошибочности понятия прогресса, который он в своих более ранних произведениях видел в возрастающем единении людей.

Здесь Л. Н. Толстой путает и смешивает понятие «целого» – бесконечной вселенной и его «части» – планеты Земля. Если в бесконечной вселенной действительно невозможно говорить о прогрессе, то в земных масштабах, когда на ней возникли мыслящие существа, возможно и необходимо говорить о прогрессе, то есть о поступательном развитии общества.

Важность данной проблемы нашла для писателя выражение в таком важнейшем для человека понятии как «смысл жизни», который для человека определяет Бог. В том, что «жизнь моя имеет непонятный для меня, но глубокий смысл, в этом истинная и необходимая людям вера. Я верю, – продолжает он, – что есть тот, для кого моя жизнь имеет смысл, и есть смысл в моей жизни». ³

Л. Н. Толстой не говорит сколько-нибудь отчетливо о том, что смысл жизни заключается в участии человека в общественном прогрессе, а если это так, то имеет смысл объяснить, как он понимал общественный прогресс. Здесь во весь рост встает проблема об отношении писателя к научно-техническому прогрессу. «Я сначала думал, – заявляет он, – что возможно установление доброй жизни между людьми при удержании тех технических приспособлений и тех форм жизни, в которых живет теперь человечество, но теперь я убедился, что это невозможно, что добрая жизнь и теперешние технические усовершенствования и формы жизни несовместимы». ⁴ И писатель разъясняет, к чему это приведет.

«Без рабов (под ними Л. Н. Толстой понимал персонал, обслуживающий различные машины и механизмы – В. С.) не только не будет наших театров, кондитерских, экипажей, вообще предметов роскоши, но едва ли будут все железные дороги, телеграфы. А кроме того, теперь люди так привыкли к искусственной жизни, что все городские жители не годятся уже для справедливой жизни, не понимают, не хотят ее». ⁵ Под «справедливой жизнью» Л. Н. Толстой понимал сельскую жизнь на лоне природы и занятия простым земледельческим трудом. В таком понимании

сущности современной цивилизации писатель имел в качестве предшественника Ж. Ж. Руссо.

Спустя год после описанных в дневнике мировоззренческих проблем, Л. Н. Толстой подчеркивает свое видение и понимание общественного прогресса и его отличие от Руссо. 6 июня 1905 года он пишет: «Меня сравнивают с Руссо. Я многим обязан Руссо и люблю его, но есть большая разница. Разница та, что Руссо отрицает всякую цивилизацию, я же отрицаю лжехристианскую. То, что называют цивилизацией, есть рост человечества. Рост необходим, нельзя про него говорить хорошо это или дурно. Это есть – в нем жизнь, – как рост дерева. Но сук, или силы жизни, растущие в суку, – не правы, вредны, если они поглощают все силы роста. Это происходит с нашей лжецивилизацией».

Толстовское понимание технического прогресса, названного им «лжецивилизацией», даваемое всецело в негативном ключе, объясняется тем, что к началу XX века он достиг такого уровня развития, что отрицать его было бессмысленно.

Несколько иначе, чем в прошлом, в преддверии русско-японской войны, великий писатель сформулировал свое отношение к смерти. Он задается вопросом: «Боюсь ли я смерти»? И отвечает: «Нет. Но при приближении ее или мыслей о ней не могу не испытывать волнения вроде того, что должен был бы испытывать путешественник, подъезжающий к тому месту, где его поезд с огромной высоты падает в море, или подниматься на огромную высоту вверх на баллоне. Путешественник знает, что с ним ничего не случится, что с ним будет то, что было с миллионами существ, что он только переменит способ путешествия, но он не может испытывать волнения, подъезжая к месту. Такое же мое чувство к смерти».⁶

Здесь чувствуется преодоление Л. Н. Толстым страха смерти, которое вытекает из его обостренного религиозного чувства. В связи с этим он принимает положение религии о том, что смерть это перемена формы бытия, однако у него сохраняется некоторая неопределенность, связанная с тем, что у него после смерти не будет возможности заниматься творчеством. Однако с этим чувством Л. Н. Толстой в последние годы жизни в связи с ухудшением состояния здоровья постепенно смиряется.

С началом русско-японской войны мировоззренческие проблемы исчезают из дневника Л. Н. Толстого. Его внимание всецело теперь поглощают проблемы, связанные с начавшейся вой-

ной. Отношение писателя к русско-японской войне вытекает из сущности толстовства, как называли тогда систему его мировоззренческих взглядов. Отрицательное отношение писателя к войне нашло свое выражение в его дневнике, в публицистических произведениях, в его переписке с друзьями, родственниками, знакомыми, а также с представителями прессы различной политической ориентации. Анализ совокупности этих разнообразных источников позволяет проследить линию отношения великого гуманиста к русско-японской войне.

Манифест о войне с Японией был подписан императором Николаем II 27 января 1904 года, а опубликован в русских газетах 29 января. В нем широкие круги российского общества информировались о том, что правительство России «изъявило согласие» на предложенный японским правительством пересмотр соглашения по корейским делам, однако Япония, не дожидаясь окончания переговоров, отдала приказ своим миноносцам внезапно атаковать русскую эскадру, стоявшую на Порт-Артурском рейде, после чего правительство России объявило Японии войну.

Л. Н. Толстой очень интересовался началом войны и в первые дни военных действий он четыре раза 30 и 31 января, 5 и 9 февраля ездил в Тулу за телеграммами о ходе военных действий.

Этот интерес был обусловлен тем, что писатель хотел составить свое собственное мнение о войне. В дневнике за 28 января 1904 года он писал: «Как отнестись к войне? Никто этого рассуждения не делает. Даже считает, что не следует делать, что это неважно. А схвати его за горло и начни душить, и он почувствует, что важнее всего для него жизнь – это жизнь его Я. А если для него важнее всего – эта жизнь, его Я, то кроме того, что он журналист, царь, офицер, солдат – он человек – пришедший в мир на короткий срок и имеющий уйти по воле Того, кто его послал. Что же для него важнее того, что ему делать в этом мире, очевидно, важнее всех рассуждений о том, нужна ли и к чему поведет война. А делать по отношению войны ему очевидно, что: не воевать, не помогать другим воевать, если уж не удерживать их». ⁷ В этих словах писателя определено его отношение к войне. Он рекомендует «не участвовать в ней», «не воевать» и пытаться удерживать других от участия в ней.

На следующий день 28 января 1904 года он уточняет и конкретизирует позицию по отношению к русско-японской войне: «И хорошо думал о войне, которая началась. Хочется написать о

том, что, когда происходит такое страшное дело, как война, все делают сотни соображений о самых различных значениях и последствиях войны, но никто не делает рассуждения о себе: что ему, мне надо делать по отношению войны. Это самая лучшая иллюстрация того, как никто не может исправить существующего зла, кроме религии». ⁸ Здесь налицо подчеркивание компенсаторной функции религии и сведение к ней возможности борьбы с войной. Хотя в явном противоречии с этим он сразу же после начала войны приступил к написанию памфлета на эту тему под названием «Одумайтесь!».

Л. Н. Толстой понимал, что действовать, то есть писать произведения, в которых бы отражалось его действительное отношение к русско-японской войне фактически невозможно. Цензура не пропустит этого. 22 марта 1904 г. он писал: «Бог живет во мне или, скорее через меня, или скорее мне кажется, что есть я, а то, что я называю мною, есть только отверстие, через которое живет Бог. Вся подцензурная литература, в ней, что разумно, то не допускается. Остается забава детская». ⁹ Понимая это, Л. Н. Толстой обращается к неподцензурной литературе, используя для этих целей В. Г. Черткова, который жил 9 лет в Англии, будучи высланным из России, и имел возможность издавать произведения Л. Н. Толстого в бесцензурной печати, которые затем широко перепечатывались западно-европейской прессой.

«Цивилизованный мир, опозоривший себя допущением русско-японской войны, – писал автор многотомной биографии Л. Н. Толстого П. И. Бирюков, – конечно, знал, какой отпор встретит он во взглядах великого старца. Но печать, торгующая своими принципами, притворилась незнающею и запросила у писателя его мнение». ¹⁰

8 февраля 1904 г. Л. Н. Толстой получил телеграмму из Филадельфии от большой американской газеты с вопросом: «За кого он – за русских, японцев или никого»? Ответ Л. Н. Толстого был четким и определенным в духе его мировоззрения: «Я ни за Россию, ни за Японию, а за рабочий народ обеих стран, обманутый и вынужденный правительствами воевать против совести, религии и собственного благосостояния». ¹¹

Если американские газеты действовали свободно, исходя из конкурентных соображений, стремясь заполнить страницы интересным материалом и таким образом привлечь внимание читателей, используя для этого имя Толстого – знаменитого русского

писателя, то английская пресса, несомненно, испытывала в отношении освещения событий русско-японской войны определенное влияние своего правительства, которое, заключив в 1902 г. англо-японский договор, приняло участие в оснащении японского флота кораблями новейших конструкций, следовательно, было заинтересовано в победе Японии в ее войне с Россией. Поэтому только крупнейшая британская газета «Таймс» – орган деловых кругов Сити, в традициях которой было давать советы правительству, позволяла себе публикацию некоторых антивоенных статей Л. Н. Толстого.

К числу публикаций этого рода принадлежит письмо классика английской литературы Т. Гарди редактору газеты «Таймс» 28 июня 1904 г. В нем писатель, творчески близкий Л. Толстому, признавал, что философская проповедь графа Толстого о войне может вызвать немало частных возражений у разных лиц. «Но, несомненно, все эти оппоненты, – подчеркивал Гарди, – должны быть удовлетворены его замечательной аргументацией, и каждый изъян в его частных доводах скрывается в блеске славы, которым в целом сияет его мастерской обвинительный акт против войны, как современного принципа со всеми его бессмысленными и нелогичными преступлениями». ¹² Т. Гарди имел в виду публикацию на страницах «Таймс» антивоенной статьи Л. Н. Толстого «Одумайтесь!».

Французские журналисты и писатели, поскольку Франция с 1893 г. была союзницей России, могли более свободно и с большей симпатией освещать антивоенную позицию Л. Н. Толстого. Первым решился на это французский публицист Жюль Кларетти. В газете «Le Temps» он поместил большое, открытое письмо Л. Толстому, в котором пытался отразить мнение французской интеллигенции о нем. Сделал он это оригинальным образом. «Вы, по вашему способу евангелизировали мир, – писал он, – вы преподали ему мораль сострадания и прощения, которая не всегда признавалась последователями других культов, но которая внесла в сердца людей истинное учение Христа. И вы действительно христианин, потому что прилагаете к жизни то, о чем другие только говорят. Вы ненавидите ненависть. Вы воюете с войной. Вы говорите о братстве, о мире, о добре между людьми, которые должны, наконец, ввести человечество в обетованную землю, к которой столетиями шли поколения за поколениями длинной вереницей, усеивая путь свой костями. Одним словом,

вы – один из тех пророков, которые утешают несчастных, и, когда вы указываете в небе звезду, которую вы увидели, а мы еще нет, путь наш нам кажется менее трудным, бремя жизни кажется более легким, и мы верим в будущее». Очень вольное и отстраненное изложение взглядов Л. Н. Толстого кажется толстовцу П. И. Бирюкову «легкомысленным и несерьезным». Жюль Кларетти очень деликатно и осторожно осведомляется у Л. Толстого о его отношении к начавшейся войне. «Вполне естественно, – пишет он, – что мы именно у вас спрашиваем, что думаете вы, дух которого возвышается над другими, что думаете вы о совершающихся событиях, которые, к сожалению, теперь владеют людьми и опрокидывают все их стремления. Вы видите, дорогой и великий учитель, – продолжает Жюль Кларетти, – человек есть игрушка событий. Монарх искренне хочет мира, а его заставляют вести войну. Народ стремится к покою, – его бередают пушечные выстрелы. Великое слово «разоружение» брошено в мир, а вооруженные флоты пробегают океаны и границы, щетинятся штыками. Пророк добра, вы поучаете людей жалости, а они отвечают вам, заряжая ружья и открывая огонь! Не смущает ли это вас, несмотря на твердость ваших убеждений и не разочаровались ли вы в человеке-звере? Вот это-то я и хотел бы услышать от вас, дорогой и великий учитель!»¹³

На вопросы, риторически заданные Л. Н. Толстому Жюлем Кларетти, предпринял попытку дать ответы французский журналист, сотрудник газеты «Фигаро» Жорж Андре Бурдон. Он был командирован редакцией газеты «Фигаро» для освещения внутриполитического положения России. Понимая значение Л. Н. Толстого как крупнейшего писателя России, как создателя оригинального учения о непротивлении злу насилием, Ж. Бурдон решил посетить Ясную Поляну и из личных бесед с писателем составить представление о его взглядах на войну, а также и по другим вопросам культуры, в которых Л. Н. Толстой был величайшим авторитетом. Ж. А. Бурдон прибыл в Ясную Поляну 2/15 марта 1904 г. В своей книге, вышедшей в свет в октябре 1904 г., «Внимая Толстому. Беседы о войне и некоторых других предметах» Бурдон стенографически точно описывает содержание своих бесед с Л. Толстым.

На его вопрос, обращенный к писателю: «Внимательно ли вы следите за военными событиями?», Толстой «с огорченным видом взмахивает правой рукой:

– Разве можно оставаться безучастным к подобному конфликту? Разве можно оставаться безучастным к происходящей войне, к войне вообще? Какое горькое чувство вызывают это кровопролития!

Я поднял глаза, – продолжает Ж. Бурдон. – Прямо передо мной, над головой Толстого, я увидел приколотую к стене булавками французскую карту Кореи и Маньчжурии. Я говорю:

– Но ведь война – не только конфликт между двумя народами. Она обрушила друг на друга две расы. Какие последствия, по вашему мнению, может иметь победа той или другой расы?

Л. Н. Толстой:

– Не все ли это равно? Я не знаю различия между расами. Прежде всего, я думаю о «человеке», мне все равно – русский он или японец – я за рабочего, за угнетенного, за несчастного, к какой бы расе он ни принадлежал. При всех обстоятельствах – что выиграет он от этой схватки...»¹⁴

«В этот трагический для истории русского самодержавия момент вопрос о войне занимает все наши мысли, – продолжает Бурдон. – Мы неизбежно к нему возвращаемся. Но не требуйте от Толстого критики военных операций и не требуйте прогнозов, подобных тем, что делаются в редакторских кабинетах о судьбах воюющих армий. В происходящей войне он замечает лишь истинный смысл конфликта, его интересуют лишь судьбы народов.

Он говорит:

– Почему стремятся видеть в японцах низшую расу? По моему они теперь примерно в том же положении, в каком находились русские при Екатерине II. Они выходят из состояния варварства и освобождаются от крепостного права. Они развиваются и проникаются самосознанием. Что может быть, – продолжает он свою мысль, – законней этого? И с какой стати Запад смеет чинить им в этом препятствия? Под каким открытым предлогом можно выражать им свое недоверие?.. Ведь нельзя их винить за движение вперед! На них лицемерно нападают, обличая их слабости; подметив, например, что они превращают себя в герцогов, маркизов, баронов, мы насмехаемся над ними. Хороша справедливость! А разве до Петра Великого у нас были дворяне? Кому русское дворянство обязано своим существованием, как не этому императору?...»¹⁵

Бурдон стремится вернуть разговор в интересующее его русло к расам и расовой проблеме. Он говорит:

– Пусть так. Японец способен к самосовершенствованию, и его стремление к прогрессу достойно уважения. Но цвет кожи ведь у него желтый. Можно ли отрицать, что желтая раса отстает от белой? И поэтому в нынешнем конфликте разве белые не должны сочувствовать в первую очередь белым?

Л. Н. Толстой не соглашается с ним:

– Я нисколько не уверен в этом.

Бурдон:

– Но где же прогресс желтой расы? Взгляните на Китай: где сколько-нибудь заметные следы его эволюции за целые тысячелетия?

Л. Н. Толстой отвечает:

– Мы плохо знаем азиатский мир. Кто изучил его, кто проникся им, кто овладел его сознанием? Я вижу, что китайцы и индусы – не воинственные народы, что они презирают войну и тех, кто ее ведет, что их Будда объявил главной заповедью – запрещение причинять смерть даже насекомому, что уже немало, и хотя бы в этом одном их истинное превосходство над нами. Я вижу, что они не убывают. Из рассказов путешественников я вижу, что они добросовестны в деловых отношениях, уважают свое слово, что они не лгут. А ведь это не часто встречается в Европе.

Поскольку Бурдон выразил сомнение в этом, указав на коварный, вероломный характер восточной дипломатии, Л. Н. Толстой заметил, что недостатков у восточных народов много. К ним относится то, что они применяют пытки, и вместе с тем их философы изложили «вечные истины». И более «благогородных и великодушных мыслителей, чем Конфуций и Будда у человечества нет».

Толстой говорил Бурдону о том, что он не может *a priori* «решать», в каком случае цивилизация выиграет больше: когда «восторжествует» Россия или Япония. И где она – эта цивилизация? У желтых или у белых? Где ее плоды в Европе? Ему не ясно: движется ли мир вперед или он «пятится» назад. Он считает, что когда Англия громила Трансвааль, то она двигалась назад. «И где вы найдете, – спрашивал он своего собеседника, – в колонизаторской деятельности европейских стран «подлинно цивилизующую мысль»? И здесь Толстой возвращается к своей излюбленной мысли о том, что современные изобретения, современный научно-технический прогресс «ровно ничего» не до-

казывают в пользу человеческой нравственности. Он вовсе «не в восторге от железных дорог, телеграфа, телефона, от всех этих достижений, которыми человек воображает доказать прогресс и которые свидетельствуют только о жажде изощренных наслаждений». ¹⁶

Он идет дальше и заявляет, что египетские пирамиды – это только «поразительные нагромождения камней», и все изобретения цивилизации «это наши пирамиды», и, быть может, через тысячи лет появится народ, который, «найдя наши следы», скажет: что же это были за странные люди, которые воображали, что быстрое передвижение с одного места на другое является основной жизнедеятельностью человека.

Он отрицает роль путешествий, рассматривая их, как пустую трату времени, и возражает против утверждения Бурдона о том, что мыслитель, сам того не сознавая, является продолжателем своих предшественников. Толстой считал, что «Мыслитель – это растение, дающее побеги на диких скалах. Он питается собственными соками, это продукт его собственной субстанции. Эпиктет, Сократ, Платон не пользовались железными дорогами. Спиноза жил в своей дыре, Декарт – у своей печки. Кант был отшельником. Мысль – это лучшее произведение труда. А труд возможен и плодотворен только в молчании и уединении».

По свидетельству Бурдона, труд для Толстого – «это радость его жизни». Он скептически замечает, что мыслитель взялся «за дело совершенствования рода человеческого, а люди вовсе не хотят быть совершенными», поэтому в подтексте этого утверждения находятся мысли о трудности этих усилий Толстого.

Беседа французского журналиста с Толстым касалась различных вопросов. Он спрашивал его: «Правда ли, что вы предложили послать больным и раненым участникам войны тысячи ящиков ваших книг? Петербургские чиновники уверяли меня в этом». Л. Толстой от души посмеялся над этим, заметив, что он читал об этом «в какой-то газете», но опровергать не стал, заявив, что если бы он оправдывался «во всех глупостях», которые печатаются «обо мне в газетах», то на это занятие «ушла бы вся моя жизнь».

Бурдон осведомляется у Толстого, читал ли он открытое письмо к нему Жюля Кларти, в котором тот спрашивал великого писателя о том, не прискорбно ли ему констатировать в связи с разразившейся русско-японской войной неудачу своей «миро-

любивой проповеди, которой он посвятил всю жизнь». Л. Н. Толстой ответил, что он читал отрывок из этого письма «в одной из русских газет», однако на него не ответил, считая любой ответ «пустой болтовней».

«Призывая любить мир и всеобщее согласие, я никогда не рассчитывал на то, что эти увещания могут сразу же принести плоды; я никогда не думал, что в мире может разом победить братство: и если б я увидел, что подобное умиротворение совершилось, то счел бы все свои усилия бесплодным ребячеством». Поэтому нынешняя война – это только проявление губительного людского безумия. Она не может не удручать всех людей, обладающих совестью и чувством долга, однако не кажется им неожиданной: если бы мы вдруг явились свидетелями всеобщего примирения людей – это было бы поразительным чудом. Толстой с удовлетворением отмечал, что в этой же газете он прочел ответ на это письмо своего сына Льва. Он не согласен с ним в отношении «благодетельной» роли международного арбитража. Не оспаривая «случайные благие последствия мирового арбитража», Лев Николаевич высказал глубокое сожаление, что «нынешний конфликт», подразумевая под ним русско-японскую войну, не был передан на его рассмотрение. Спасение от войны, по его мнению, заключается «не в дипломатических комбинациях, как бы хорошо они ни были задуманы, как бы великодушны они ни были; спасение – в совести каждого человека, в твердом понимании долга, который каждый обязан нести в самом себе: оно там – и больше нигде. Я верю в человека, но не доверяю государственным ухищрениям, – подчеркнул Л. Толстой. – Я хочу, чтобы любовь к миру перестала быть робким стремлением народов, приходящих в ужас при виде бедствий войны, а чтобы она стала непоколебимым требованием честной совести».¹⁷

Когда Бурдон заявил Толстому о том, что весь мир прислушивается «к вашим пламенным речам», а идеал мира, «проповедуемый вами, отличается благородной красотой», но, к сожалению, он «неосуществим», Лев Николаевич заметил, что его проповедовали великие апостолы Конфуций, Будда, Иисус, Магомет, все мыслители – Платон, Сократ, Кант, Спиноза, Паскаль и сотни других, «все поэты всячески старались содействовать прекращению насилия и воцарению справедливости», а в результате «я вижу у народов постоянное стремление воевать, а человеческое сердце – если судить по своему собственному – всегда пол-

но нечистых чувств!...)»¹⁸ Он продолжает: «Нельзя отрицать прогресс человечества. Я верю в человечество. Оно никогда не прекратит своего движения к правде и воплотится в добре».

На замечание Бурдона о том, что это произойдет в далеком будущем, Толстой заявляет: «Какое значение имеет время? Человеческая эволюция – это неуловимое скольжение, почти неощущаемое нашим разумом, но непрерывное и постоянно прогрессирующее. В то время, как мы живем, со дня на день замечая лишь преходящие явления, но не постигая скрытого закона событий, человечество продолжает свой путь к свету истины – медленно, неуклонно, безостановочно. Нетерпение – вот наша ошибка. Мы судим обо всем по самим себе – по ничтожно малой частице, которую составляет наша жизнь». Толстой предлагает Бурдону подумать лучше о прошлых и будущих тысячелетиях, которые пройдут после нас. Когда смотришь на мир с такой высоты – надежда вполне законна. Как отрицать человеческий прогресс? Если даже иметь в виду тот крошечный исторический отрезок, который составляет все наше прошлое, – какое смягчение нравов, никакие заметные победы над первобытной животностью! Человек отменил пытки, отменил рабство – разве это пустяки? С каждым днем он понемногу освобождается. Теперь уже все согласны, что насилие гнусно. Вскоре все согласятся, что оно и бесполезно. Уже у всех на устах, если еще не в сердце, слова «справедливость», «братство», «милосердие». Мало-помалу наступит время окончательного расцвета.

Бурдон сомневается: прогресс общества «весьма медлителен», а лес пороков, которые надо «выкорчевать», очень велик. Поэтому, сколько столетий пройдет до того, как восторжествует добродетель, и не погибнет ли все человечество при эволюции миров в самый момент своего возрождения?

Толстой соглашается с этим: «Быть может и так!.. Но не будем думать об этом. Пусть идеал наш прозрачен, что за беда? Но благодарен ли он? Чист ли? Может ли он принести с собой и добро, и истину? Согласен ли он с нравственным законом? Вот о чем следует себя спрашивать, и если можешь себе ответить *да*, надо проповедовать его неустанно и терпеливо...»¹⁹

Надо иметь в виду, что к достоинствам своей книги о Толстом Бурдон относит то, что он «старался, по мере сил, верно и точно» передать его слова и просил его засвидетельствовать это. Л. Толстой ответил Бурдону письмом 3 ноября 1904 г. В нем он писал:

«Дорогой г. Бурдон. Благодарю вас за присылку вашей книги. Я очень ценю точность, с которой вы передаете наши беседы, но, должен признаться, чересчур хвалебный тон произвел на меня тяжелое впечатление. Очень рад был найти в вашей книге перевод моей статьи о войне. Хотя, я уверен, что конец войны наступит не так скоро, но он наступит в меру наших усилий в этом направлении, а моя статья – одно из этих усилий, хотя и небольшое».²⁰

Тяжелое впечатление на Толстого произвел его портрет, исполненный ветхозаветного величия. «Толстой делает в этой крошечной комнате, – пишет Бурдон, – шага три по направлению ко мне; привычном жестом заложил он левую руку до мизинца за пояс, правая рука его опущена, широкая улыбка светится из-за длинной бороды – действительно, передо мною внезапно возник бог-отец с картин итальянских мастеров. На нем серая блуза с открытым воротом, позволяющая различить за бородой белую рубашку без воротничка, широкие брюки и кожаные туфли; но не этот костюм, приобретший популярность во всем мире благодаря иллюстрациям, бросается мне, прежде всего, в глаза, а поразительная величина его лица. Как изображают на буйных фресках Отца человеческого, – в нем все неизмеримо велико: лоб высокий и громадный, словно стена цитадели, широкий нос, плотные губы, седые чащи бровей, усов, маркграфской бороды; огромные уши, отверстия, словно люки корабля и, в особенности, его серо-синие, глубоко сидящие глаза, которые пылают, словно очаги, кипят, как кратеры, а когда они обращают на вас темное пламя своих зрачков, то проникают вам прямо в душу».²¹

Свидетельством всемирной известности Л. Н. Толстого является то, что, во-первых, его антивоенный памфлет «Одумайтесь!» был опубликован в Японии, с соответствующими откликами на него в японской социалистической прессе, а, во-вторых, у него завязались дружеские контакты в форме переписки с Токутоми Рока и посещения последним Ясной Поляны.

7 августа 1904 г. в № 39 японской социалистической газеты «Хэймин Симбун» появилась статья известного японского публициста Котоку Сюсуя «Критика пацифизма Толстого», представляющая ответ на памфлет Толстого «Одумайтесь!», который стал известен в Японии после появления его в английской газете «Таймс» 27 июня 1904 г. Японские социалисты стояли в годы русско-японской войны на антивоенных позициях, а их орган

являлся органом антивоенного движения в стране в этот период. Японские социалисты, занимая в период этой войны пораженческую позицию, проводили большую антивоенную кампанию в стране: они устраивали антивоенные митинги во всей стране. Не только в столице, но и в провинции. Они послали на Амстердамский конгресс Катаяму Сэн, который произнес речь о необходимости свергнуть милитаристские правительства России и Японии и пожал Г. В. Плеханову руку.

Памфлет Л. Н. Толстого «Одумайтесь!» с его резкой критикой позиций русского и японского правительств получил значительный резонанс в среде японских социалистов. Толстовская критика царизма и господствующих классов России и Японии вызвала среди них «восхищение». Однако, вместе с тем, японские социалисты отвергали положительную программу Толстого бороться за мир только средствами моральных призывов «одуматься».

Статья Котоку Сюсюя «Критика пацифизма Толстого вызывает восхищение ее автора тем, как Толстой пишет «о раздоре и шатаниях среди молодежи, о прислужничестве ученых, о лжи дипломатов, о нравственном падении верующих, о лживой пропаганде газетных корреспондентов, о спекуляциях с целью наживы, о муках и бедствиях миллионов рабочих, – словом о всех тех социальных опасностях, которые порождают зло и вред войны».²²

Однако автор статьи расходится с Толстым по вопросу о причинах возникновения войн и о способах, которыми писатель предлагает бороться с ними. Причину войн он видит не в нравственном падении человека, а в обострении экономической конкуренции между державами. Поэтому задача социалистов заключается в том, чтобы ее уничтожить. «Это единственно правильный путь борьбы против войны»,²³ – считал японский социалист.

Толстой не одобрял пути борьбы против войн, которые предлагали японские социалисты. Об этом свидетельствует его письмо редактору японской социалистической газеты «Хэймин Симбун» Изо Абэ от 5 ноября 1904 г. В ней он писал: «Хотя я никогда не сомневался, что в Японии очень много разумных, нравственных и религиозных людей, отрицательно настроенных к ужасному преступлению – войне, происходящей между обманутыми и одураченными народами, я все же был рад получить этому доказательство. Большая радость для меня узнать, что в Японии у меня есть друзья и сотрудники, с которыми я могу быть в дружеском общении.

Желая быть с вами совершенно откровенным, как с самым уважаемым другом, должен сказать вам, что я не одобряю социализма и жалею, что наиболее передовая в духовном смысле часть вашего умного и энергичного народа переняла у Европы слабую, призрачную и обманчивую теорию социализма, которая в самой Европе начинает терять приверженцев.

Цель социализма – удовлетворение ничтожной стороны человеческой природы – материального благосостояния и способами, которые предлагаются, эта цель никогда не может быть достигнута. Истинное благосостояние человечества, – духовное, т. е. нравственное, включает материальное благосостояние. И эта высшая цель может быть достигнута только религиозным, т. е. нравственным совершенством всех отдельных единиц, составляющих народы и человечество».

Л. Н. Толстой объясняет японскому социалисту преимущества своей системы религиозных взглядов перед той, которой придерживался последний. «Под религией, – писал он, – я понимаю разумную веру в общий для всего человечества божеский закон, выражающийся в практической заповеди: любви ко всякому человеку и в делании другому того, что человек хочет, чтобы делали ему. Я знаю, что такой способ представляется менее целесообразным, чем социализм и другие непрочные теории, но это единственно верный способ. И те усилия, которые мы употребляем на осуществление ошибочных, не достигающих целей теорий только мешают нам применить единственное для достижения счастья человечества и каждой отдельной личности, самое подходящее для нашего времени средство».²⁴

Японские социалисты восхищались критикой Л. Н. Толстым бесчеловечного характера русско-японской войны и войн вообще, как способа разрешения международных конфликтов, одновременно расходясь с ним в причинах возникновения войн и способах борьбы против них.

Если Толстой при объяснении этих причин и способов борьбы исходил из своего религиозно-этического учения, то японские социалисты причины войн видели в экономических противоречиях между странами, а способы борьбы с ними в политических и экономических противоречиях внутри стран, прежде всего между рабочим классом и буржуазией.

Точка зрения Л. Н. Толстого, являясь более гуманной по своему характеру и по своей сущности, была менее результативной,

чем позиция японских социалистов. Хотя в конкретных условиях того времени, вследствие слабости социалистического движения в стране, об эффективности борьбы японских социалистов против русско-японской войны можно говорить только в принципе.

Внутри России толстовское движение против русско-японской войны не приняло массовые масштабы. В нем принимали участие десятки, в лучшем случае – сотни, людей, сторонников нравственно-религиозного учения Л. Н. Толстого.

Как всякое учение, не соответствующее достигнутому уровню развития народных масс, их религии и нравственности, толстовство определялось прежде и больше всего колоссальной, величественной фигурой его основателя. Противоречие между Толстым и народами России заключалось в том, что он отражал и выражал отдаленные, перспективные интересы масс, а не их текущие сиюминутные интересы, поэтому за ним шло ничтожное меньшинство народа, преимущественно отдельные представители интеллигенции. И для нас первостепенный интерес представляют взгляды Л. Н. Толстого по наиболее актуальным для развития России начала XX века вопросам, по таким животрепещущим для страны проблемам, как его отношение к русско-японской войне и революции 1905–1907 гг.

Дух протеста против войны в первый раз дал серьезно о себе знать. «Конечно, немалую роль в этом протесте сыграло распространение сочинений Л. Н. Толстого», – писал его биограф П. И. Бирюков.²⁵

Мы уже говорили о том, что первым антивоенным произведением Л. Н. Толстого был его памфлет «Одумайтесь!». Подготовке его он посвящал свое рабочее время. Об этом свидетельствуют записи в его дневнике. Запись за 19 февраля 1904 года: «Все время пишу о войне. Не выходит еще». 23 февраля: «Пишу о войне». 25 февраля: «Здоровье хорошо. Все кончаю о войне». 7 марта: «Все поправляю о войне. Кажется, кончил. Порядочно, не хорошо, но порядочно». Под «порядочностью» он понимает принципиальность своей позиции по отношению к постановке и освещению вопросов русско-японской войны.

Под «хорошо» писатель имел в виду стилистические, образные достоинства своего письма, ясность и выпуклость образов и понятность их читателям. О критическом отношении Л. Толстого к результатам своей работы свидетельствует его дневник. Из записей в нем мы можем видеть, что он неоднократно возвращается к

исписанному с целью его уточнения и стилистического улучшения. 12 марта он записывает: «Все поправлено о войне и недоволен». То же самое отмечается и в записях за 13 и 14 марта. 15 марта он записывает: «Писал о войне. Все не окончил. Лучше. Кое-что надо записать, но нынче поздно». 16 марта: «Писал о войне. Почти кончил». 17 марта: «Все пишу о войне. Кажется, кончил». ²⁶

Неоднократные повторения почти в одних и тех же словах утверждений об окончании брошюры «Одумайтесь!» свидетельствуют о том, с какой серьезностью Л. Н. Толстой подходил к ее подготовке. Он многократно переделывал ее, уточнял отдельные положения, тщательно редактировал стиль, стремясь вызвать у читателей максимально возможное чувство «омерзения» к такому социальному явлению, каким, по его мнению, является русско-японская война.

Памфлет Толстого «Одумайтесь!» представлял собой крик возмущения великого писателя-гуманиста против войны. Он призывал к миру на том основании, что война бесчеловечна, что она противоречит разуму. И эта сторона памфлета настолько продумана и безусловна, что ее принимали представители многих политических партий без различия их политической ориентации. Однако, выпячивая на первый план нравственную сторону осуждения войны, Толстой выступает здесь как представитель утопизма, обрекая тем самым свою антивоенную проповедь на провал.

В структурном плане памфлет Л. Н. Толстого состоит из 12 глав и заключения. В свою очередь, 11 глав из 12 имеют эпиграфы. Это не эпиграфы в их обычном понимании, а несколько строк из художественного произведения или народного эпоса, которые очень ярко, образно и точно поясняют мысль литературного произведения или его части (главы). Роль эпиграфа здесь комментирующая основную мысль автора, вводящая читателя в круг рассматриваемых проблем произведения или его части (главы).

В памфлете «Одумайтесь!» Л. Н. Толстой принципиально изменяет роль эпиграфа. Он у него приобретает утвердительный статус содержания соответствующей главы памфлета. Писатель опирается на традиционно существующее в литературе негативное отношение к войне. Этим он как будто хочет подчеркнуть, что не он один негативно настроен к войне, а это многовековая традиция христианской и светской литературной мысли.

У Л. Н. Толстого подробные эпитафии иногда размером в страницу и более. Они, как правило, принадлежат 3–5 авторам. Писатель с их помощью пытается доказать, что он не только противник войны, но что опирается при этом на соответствующую антивоенную традицию христианской и светской литературы. Таким образом, эпитафические выдержки в памфлете Л. Н. Толстого играют важную самостоятельную роль. Они как бы дают в сжатой форме историю антивоенного вопроса и служат в качестве исторического введения к анализу данного вопроса Л. Н. Толстым. Писатель использовал в качестве эпитафов к главам своего памфлета источники тройного рода: 1) произведения христианских пророков: Исаин, Иеремии, Иоанна, апостола Павла; 2) классиков мировой литературы: Ги де Мопассана, Анатоля Франса, Вольтера, Эркмана-Шатриана, Альфреда де Виньи; 3) произведения классиков мировой философской школы: Марка Аврелия, Эпиктета, Блеза Паскаля, Эммануила Канта, известного остроумца Георга фон Лихтенберга, итальянского революционера Иосифа Мадзини и других. Он пытался доказать, что проблемы войн, их бесчеловечного характера занимали умы этих и других мыслителей последних двух тысячелетий истории человечества. Ознакомив читателей своего памфлета с высказываниями классиков мировой антивоенной литературы, Л. Н. Толстой переходит к изложению собственной точки зрения на русско-японскую войну.

Он начинает с необычайно резкого осуждения войны, которая, как он считал, приводит к никому не нужным, ничем не вызванным страданиям, к «всеобщему одурению и озверению людей». «Люди, десятками тысяч верст отделенные друг от друга, сотни тысяч таких людей, – пишет он, – с одной стороны буддисты, закон которых запрещает убийство не только людей, но животных, с другой стороны христиане, исповедующие закон братства и любви, как дикие звери на суше и на море ищут друг друга, чтобы убить, замучить, искалечить самым жестоким образом». «Что же это такое? – задает риторический вопрос великий писатель. – Во сне это или наяву? Совершается что-то такое, чего не должно, не может быть, – хочется верить, что это сон, и проснуться».²⁷

Однако писатель указывает, что, нет – это не сон, а ужасная действительность. Он разделяет ответственность в этом простых людей и так называемых «просвещенных классов». Первые –

это «несчастные люди, доведенные вековым насилием и обманом до признания величайшего преступления в мире – убийства братьев – доблестным делом, могут совершать эти страшные дела, не считая себя в них виноватыми. Но как могут, – продолжает писатель, – так называемые просвещенные люди проповедовать войну, содействовать ей, участвовать в ней, посылать на нее своих несчастных обманутых братьев. Ведь не могут же эти, так называемые просвещенные люди, не говоря уже о христианском законе, если они признают себя его исповедниками, не знать всего того, что писалось, пишется, говорилось и говорится о жестокости, ненужности, бессмысленности войны. Ведь потому они и считаются просвещенными людьми, что они знают все это».²⁸

Л. Н. Толстой резко осуждает решения вызвавшей всеобщее «восхваление» Гаагской конференции о возможности разрешения международных конфликтов путем арбитража и недоведения спорных вопросов до войны. С гневом и страстью писатель писал о том, что на подготовку к войнам бесцельно «тратятся» миллиарды рублей, а в периоды войн гибнут миллионы «самых энергичных, сильных людей в лучшую для производительного труда пору их жизни». В войнах только XIX века погибло 14 000 000 человек. «Поводы к войнам, – считал Л. Н. Толстой, – вызывают в людях самые низкие, животные страсти, они развращают и «озверяют людей».

Образованные люди знают, что войны не имеют положительных сторон, что всякие попытки найти в них положительные стороны представляют собой софизмы, и, тем не менее, совершают их. Русский царь, заявляя о своей приверженности к миру, тем не менее, «повелевает» делать по отношению японцев то же, что японцы начали делать против русских, т. е. убивать их. Русское правительство после всех попыток установить мирные отношения вынуждено прибегнуть к единственному средству разумного разрешения вопроса – к убийству людей. И то же самое пишут японские дипломаты. «Разумное» употребляется здесь в смысле безумного поведения.

И несчастный, запутанный молодой человек, признаваемый руководителем 130-миллионного народа, благословляет на убийство войско для защиты земель, которые он с еще меньшим правом может называть своими. В этом деле им оказывает помощь религия. В интерпретации властей деятели христианской религии должны призывать население убивать людей желтой расы. А

за ними идут врачи и сестры милосердия, почему-то полагающие, что они могут служить только тем людям, которые заняты убийством друг друга. И это признается проявлением высоких чувств, а люди, которые пытаются образумить других, называются изменниками. Они могут быть обруганными озверелой толпой, не имеющей в защиту своего безумия никакого другого орудия, кроме грубого насилия. Как будто не было сотен писателей, философов, мыслителей с большой силой обличающих бессмысленность, ненужность войны, изображавших ее безнравственность, как будто не было Христа и его проповеди о братстве людей и любви к Богу и людям.

Единственно, что отличает человека от животного – это его разум, который оказывается в период войны вредным придатком, только затрудняющим всякую деятельность, связанную с войной. Официальная христианская религия развращает людей. Вместо проповеди любви между ними, она оправдывает войны, оправдывает убийство на войне людей, принадлежавших другой религии. Л. Н. Толстой вскрывает несостоятельность оправдания убийства людей, принадлежавших к другой расе.

Ответственность за возникновение войн писатель возлагает на дипломатов, которые своими обманами подготавливают войны, журналистов, которые своими писаниями возбуждают людей к войне, правящие круги и представителей господствующих классов, которые заинтересованы в разжигании войн. В отличие от правящих кругов официальной христианской религии, которые призывают к войнам, Л. Н. Толстой призывает к учению Христа и к Евангелию как аутентичному представителю учения Христа. Писатель сравнивает людей нашего христианского мира и «нашего времени» с человеком, который, пропустив настоящую дорогу, чем дальше идет, тем больше убеждается в том, что идет «не туда куда нужно». ²⁹ Чем больше он убеждается в неверности пути, тем быстрее и отчаяннее он гонит по ним, убеждая себя мыслью, что куда-нибудь да выедет.

Однако проходит время, и он убеждается в том, что путь, по которому он идет, никуда не приведет, кроме как к пропасти, которую он начинает уже видеть перед собой. Писатель замечает: «В таком положении находится теперь христианское человечество нашего времени. ³⁰ Если так будет продолжаться и дальше, то, во-первых, все большая часть «производительности» промышленности будет расходоваться «на вооружение», а во-

вторых, убивая во время войны физически лучших людей, общество будет все более вырождаться и нравственно падать и развращаться.³¹

Исправить человека, направить его на путь истины может только религия, но большая часть современного человечества, по мнению Л. Н. Толстого, «лишена ее». Все поступки человека, с точки зрения бесконечной вселенной, «ничтожны и должны быть подчинены той высшей цели, для достижения которой я послан в мир». О значении религии в человеческой деятельности писатель считал, что она «устанавливает отношения человека ко Всему, к Богу, и потому дает общее высшее исправление всей деятельности человеческой, без которого люди становятся на уровень животных и даже ниже их».³²

Л. Н. Толстой не употребляет понятие «интересы», однако в подтексте оно у него присутствует. Он пишет: «Утратив разумное руководство в жизни и направив все свои усилия на открытия и усовершенствования в области знаний преимущественно прикладных, люди нашего времени выработали себе огромную власть под силами природы; не имея же руководства для разумного приложения этой власти, они естественно стали употреблять ее на удовлетворение своих самых низких, животных побуждений».³³

Под «животными побуждениями» писатель понимал материальные интересы людей. Именно они, по мнению мыслителя, дают одним людям власть над другими. Что касается духовных «побуждений», то они, представляя высший смысложизненный уровень, вместе с тем власти над всем человечеством или отдельным народом не дают. В духовных интересах нет необходимости. Они действуют избирательно по методу сходства и различия. Сходство идей, принципов, мировоззренческих ориентаций в одинаковых видах искусства, в одинаковых принципиальных подходах к важнейшим жизненным установкам. Все дело в том, что Л. Н. Толстой уделял большое внимание материальным ценностям: пище, одежде, жилищу; они, по его мнению, были необходимы, без них человек не мог жить. Сами по себе эти ценности были несложными. Поэтому они у него называются «животными». Без более сложных и тонких духовных ценностей человек может жить. Все дело здесь заключается в том, какие это ценности и для чего они служат. Значительная часть духовных ценностей, считал он, служит наращиванию и

совершенствованию методов и приемов для производства материальных ценностей.

Борьба за достижение превосходства в производстве материальных ценностей приводила, с одной стороны, к совершенствованию техники и технологии, а с другой – к созданию все более смертоносного оружия. Поэтому материальные ценности, с точки зрения Л. Н. Толстого, наряду с положительной ролью в развитии человеческого общества (появление все более эффективных орудий труда для удовлетворения постоянно растущих потребностей человечества), стали играть отрицательную (производство орудий войны, предназначенных для уничтожения людей).

В результате этого милитаризм стал поглощать все большую долю результатов человеческого труда. В этом контексте писатель рассматривал русско-японскую войну. Последствия войны он видел не только в том, что она привела к крупным людским, материальным и техническим потерям, но и в том, что она привела к падению нравственности участвующих в ней народов.

По мнению Л. Н. Толстого, быстрый научно-технический прогресс не соответствует и не подкрепляется ростом нравственной культуры человечества. А это означает, что в будущем человечество может погибнуть в пламени одной из войн, возникших на более высоком уровне технического развития.

«Изменяются границы государств, – писал он, – изменяются учреждения, распространяются знания, но люди в других пределах, с другими учреждениями, с увеличенными знаниями остаются теми же зверями, готовыми всякую минуту разорвать друг друга, или теми рабами, какими всегда были и будут, пока будут руководиться не религиозным сознанием, а страстями, рассудком и посторонними внушениями». ³⁴

«Но если войны возникают, то каковы средства борьбы с ними? – спрашивает писатель. Но как же поступить сейчас? – скажут мне, – у нас в России в ту минуту, когда враги уже напали на нас, убивают наших, угрожают нам, – как поступить русскому солдату, офицеру, генералу, царю, частному человеку? Неужели предоставить врагам разорять наши владения, захватывать произведения наших трудов, захватывать пленных, убивать наших? Что делать теперь, когда дело начато?» ³⁵

Прежде чем принимать участие в войне, считал Л. Н. Толстой, каждый человек должен понять, в чем смысл и дело его жизни. А это дело не имеет ничего общего с признанием прав на

Порт-Артур китайцев, японцев или русских. Каждый человек прежде всего должен выполнять волю Бога, которая заключается в том, чтобы любить ближнего своего и служить ему.

Спасение человечества от озверения, самоистребления только в одном: в установлении в людях истинной религии, требующей любви к ближнему и служения ему. Причем, для того чтобы прекратились войны, нужно, чтобы все люди или большинство их и прямо, и косвенно отказались участвовать в войне. Отказ же одного человека, «будь это царь или солдат», «без всякой пользы для него» погубит его жизнь.

Л. Н. Толстой определенно ставит вопрос о том, как быть с врагами, которые нападают на нас, – любимый софизм, с помощью которого правящие круги всех стран втягивают свои народы в активное участие их в войнах. Это не какое-то иносказание, а прямой обман масс. И для того чтобы найти выход из этого положения, Л. Н. Толстой приводит цитату из «Учения двенадцати апостолов»: «Любите врагов ваших, и не будет у вас врагов». Этот ответ есть указание в очень ясной и определенной форме, как нужно относиться к войне и ее последствиям. Писатель конкретизирует свою рекомендацию, указывая, что «любить врагов, японцев, китайцев, тех желтых людей, к которым заблудшие люди теперь стараются возбудить в нас ненависть, любить их – значит не убивать их для того, чтобы иметь право отравлять их опиумом, как делали это англичане, не убивать их для того, чтобы отнимать у них земли, как делали это французы, русские, немцы, не закапывать их живыми в землю в наказание за повреждение дороги, не связывать косами и не топить в Амуре, как делали это русские».³⁶

Л. Н. Толстой не только перечисляет то, что нельзя делать по отношению к другим народам, но и подчеркивает то, что надо делать.

«Любить желтых людей, – пишет он, – значит не учить их под именем христианства нелепым суевериям грехопадения, искупления, воскресения и т. п., не учить их искусству обманывать и убивать людей, а учить их справедливости, бескорыстию, милосердию, любви и не словами, а примером вашей доброй жизни».³⁷

Л. Н. Толстой в памфлете «Одумайтесь!» выступает как религиозный мыслитель. Причину зла, от которого страдают люди христианского мира, он видит в том, что они «временно лишились религии». Это отрицание религии, по его мнению, про-

изошло в двух формах. Одни люди на том основании, что религия не соответствует современной степени умственного и научного развития человечества, решили, что религии вообще не нужно никакой. Они проповедуют бесполезность всякой религии. Другие, держась извращенной формы христианской религии, в которой она проповедуется теперь, также живут без религии, исповедуя ее пустые, внешние формы, не могущие служить руководством жизни людей. В таких выражениях он критикует современную официальную православную церковь. Настоящая религия живет в сердцах людей христианского мира. Для того чтобы она стала достоянием «всех», надо, чтобы руководители масс поняли, что без религии люди не могут жить «доброй жизнью», поняли, что наука не может заменить религию и, проповедуя официальную христианскую религию, они создают главное препятствие к тому, чтобы люди усвоили ту истинную религию, которая одна может спасти людей от бедствий. Поэтому единственное верное средство спасения людей заключается в том, чтобы перестать делать то, что мешает людям усвоить истинную религию, которая живет в их сознании.

Теоретические рассуждения о жестокости и бесчеловечности русско-японской войны Л. Н. Толстой сопровождает конкретными выкладками о ходе русско-японской войны. В результате гибели броненосца «Петропавловск», подорвавшегося на японской мине, погибло 600 человек, в том числе адмирал Макаров. Толстой делает вывод о том, что, казалось бы, бесполезные страдания и смерть этих несчастных, обманутых, ни за что погибших ужасной смертью людей должны были образумить тех, кто был причиной этой гибели. Однако этого не произошло. Николай Романов и Алексей Куропаткин решили убить и будут убивать десятки тысяч жизней «ради поддержания тех глупостей, грабительств и всяких гадостей, которые делали в Китае и Корее безнравственные, тщеславные люди, сидящие теперь спокойно в своих дворцах и ожидающие новой славы и новых выгод и барышей от убийства этих 50 000 ни в чем не виноватых, ничего не обретающих своими страданиями и смертями, несчастных, обманутых русских рабочих людей».³⁸

Это все происходило «из-за чужой земли, на которую русские не имеют никакого права, которая грабительски захвачена у законных владельцев и которая в действительности не нужна русским, да еще из-за каких-то темных дел аферистов, хотевших в

Корее наживать деньги на чужих лесах». Ради этого закабаляются в долги будущие поколения русского народа, отрываются от труда его лучшие работники и обрекаются на смерть десятки тысяч его лучших сынов. Прискорбные неудачи русского флота должны быть возмещены на суше. Эта мысль, распространенная в общественном мнении России, приводит Толстого в негодование. И в сражениях на суше, считает он, русские проявят себя так же, как и на море. Сражение на реке Ялу привело к гибели 2 тысяч русских. Дальнейшие сражения только умножат количество жертв. И дальнейший ход войны подтвердил толстовское предвидение.

Если памфлет «Одумайтесь!» был окончен 8 мая 1904 г., т. е. в начале русско-японской войны, то статья «Конец века», по свидетельству Д. П. Маковицкого, была завершена 18 мая 1905 года. Если первая статья представляет нравственно-религиозный памфлет, призывающий во имя настоящей религии и человеческой нравственности кончить войну, как античеловеческое, антигуманное дело, то в «Конце века» тон писателя более спокойный. Он пытается описать те противоречия, которые привели к войне, и что нужно для того, чтобы ее немедленно закончить. Статья написана в более спокойном тоне, насыщена разнообразной информацией, отражающей различные стороны толстовского учения.

В ней Л. Н. Толстой предпринимает попытку изложить собственное понимание тех задач, которые стоят перед Россией и всем миром в новом наступающем XX веке. Если в памфлете «Одумайтесь!» посредством эпитафий Толстой делает опору на мировую общественную мысль в отношении к войнам (при этом он использует свыше 200 литературных источников разного рода), то в статье «Конец века» он использует только два эпитафия: английского мыслителя Чаннинга и апостола Иоанна. Оба эпитафия действительно отражают смысл статьи. Чаннинг пишет о том, что «никогда людям не предстояло столько дела. Наш век есть век революции в высшем смысле этого слова – не материальной, но нравственной революции. Вырабатывается высшая идея общественного совершенства». Эпитафий из Иоанна дает ответ на вопрос, каким образом этого можно достичь. Иоанн отвечает: «И познаете истину, и истина сделает вас свободными». ³⁹

Среди ряда проблем, которые великий писатель в этой брошюре ставит и пытается решить, мы рассмотрим здесь одну, свя-

занную со значением победы японцев. Хотя война еще продолжалась и будет продолжаться. После окончания статьи Л. Н. Толстой продолжал до конца 1905 года работать над ней, вносил в ее содержание вставки.⁴⁰

В начале статьи Л. Н. Толстой ставит проблему о том, чем характеризуется конец XIX века и начало XX. По его мнению, это означает «конец одного мировоззрения, одной веры, одного способа общения людей и начало другого мировоззрения, другой веры, другого способа общения».⁴¹

В Евангелии сказано, что при таком переходе от одного века к другому будут всякие бедствия: предательства, обманы, жестокости и войны и по причине беззакония охладет любовь. Л. Н. Толстой подчеркивает, что он понимает эти слова не как сверхъестественное пророчество, «а как указание на то, что когда та вера, тот склад жизни, в котором жили люди, будут заменяться иным, неизбежно должны будут происходить большие волнения, жестокости, обманы, предательства, всякого рода беззакония, и вследствие этих беззаконий должна охладеть любовь, самое важное и нужное для общественной жизни людей свойство».⁴² Добавляя далее, что «это самое и совершается теперь не только в России, но во всем христианском мире». Однако в России оно проявилось более ярко и открыто, во всем же остальном христианском мире это происходит в скрытом (латентном) состоянии.

Сущность этого переворота Л. Н. Толстой видел в том, что он состоял в замене «извращенного христианства и основанной на нем власти одних людей и рабства других – истинным христианством и основанным на нем признанием равенства всех людей и истинной, свойственной разумным существам свободой всех людей».⁴³

Признаки надвигающейся революции Л. Н. Толстой подразделяет на внешние и внутренние, постоянные и временные. Внешние признаки он видел в напряженной борьбе сословий, в холодной жестокости богачей, в озлоблении и отчаянии бедных, в безумном, все растущем вооружении всех государств, в распространении неосуществимого, ужасающего по своему деспотизму и удивительного по своему легкомыслию учения социализма, в праздности исследований, называемых наукой, в болезненной развращенности и бессодержательности искусства. Внутренние признаки заключаются в сознательном отрицании всякой религии, в замене ее признанием законности подавления

слабых сильными и потому в полном отсутствии каких бы то ни было разумных руководящих начал в жизни.

К временным историческим признакам Л. Н. Толстой относил русско-японскую войну. Он считал, что одновременно с нею вспыхнуло никогда прежде не проявляющееся революционное движение среди русского народа.⁴⁴

Разгром японцами русской армии и флота, по мнению Л. Н. Толстого, свидетельствует о начавшемся разрушении русского государства, которое в свою очередь есть признак начала разрушения всей «лжехристианской цивилизации». Это конец старого и начало нового века.

Л. Н. Толстой отмечает, что японцы имели и имеют огромное преимущество, которое заключается в том, что «они не христиане».⁴⁵

Л. Н. Толстой приходит к выводу о том, что христианство сыграло не последнюю роль в поражении России в русско-японской войне. Лучшие люди, принадлежавшие к христианской религии, не могут отдавать все свои духовные силы на изобретение и изготовление орудий убийства, не могут положительно относиться к воинственному патриотизму, не могут, как японцы, «распарывать себе животы», чтобы не сдаться в плен врагу, не могут взрываться на воздух вместе с неприятелем, ценить, как прежде, военных доблестей, военного геройства, все менее уважают военное сословие, не могут рабски подчиняться власти, а главное, не могут уже равнодушно совершать убийства.

Поставив на первое место по значению в поражении России в войне с Японией христианскую религию, Л. Н. Толстой дал объяснение этому явлению в духе своего учения. «Как бы плохо и превратно ни толковалось христианство, — писал он, — христианин, и чем более он христианин, осознает, что богатство не есть высшее благо. И потому не может положить на него все свои силы, как тот, у кого нет никаких идеалов выше богатства, или тот, для кого богатство есть благословение божие».⁴⁶

Л. Н. Толстой писал о том, что в области нехристианской науки и искусства, ставящего себе целью изображение удовольствия, первенство принадлежало, принадлежит и всегда будет принадлежать наименее христианским людям и народам.⁴⁷ И это обусловлено, с точки зрения великого писателя, тем, что нехристианское искусство превозносит гедонизм, ставит личное удовольствие на первое место и отодвигает на второй план то, что

человек должен делать для других. В сущности, Л. Н. Толстой относил к людям с христианским мировоззрением тех, которые были альтруистами, делали все возможное для других. Война отрицается «истинным христианством», поэтому она нравственно разрушает христианские страны и народы, а с другой стороны, правящие круги христианских стран не уделяют должного внимания техническому вооружению своих армий, поскольку это вытекает из истинного христианского учения, отрицающего войну, как неуютное Богу дело. «Вот это-то необходимое превосходство в военном деле нехристианских народов над христианскими с полной очевидностью проявилось в блестящей победе японцев над русскими», – писал Лев Толстой.

Русско-японская война показала, что вся эта внешняя культура, которая христианским народам казалась каким-то особо важным результатом вековых усилий христианского человечества, есть нечто не только не важное, но совершенно ничтожное, что никакими особенными свойствами не отличающийся японский народ, когда это ему понадобилось, в течение нескольких десятков лет усвоил всю научную мудрость христианских народов и так хорошо сумел применить эту мудрость к практическим целям, что стал в применении этой мудрости к военному делу и в самом военном деле, так высоко ценимом христианскими народами, выше всех христианских народов.⁴⁸

Христианские народы в течение длительного времени под предлогом самозащиты придумывали «самые действенные способы» истребления друг друга. Эти способы тот час же становились известными и применялись всеми другими противниками. С помощью этих способов христианские народы, создавая угрозы друг другу, приобретали всякого рода выгоды среди нецивилизованных народов Африки и Азии.

Среди нехристиан в лице японцев появился народ, ловкий и воинственный, который, увидев угрожающую ему и другим нехристианским народам опасность, с необыкновенной быстротой и ловкостью усвоил ту простую истину, что если тебя бьют толстой и крепкой дубиной, то надо взять еще более крепкую дубину и бить ею того, кто тебя бьет.

Японцы очень быстро и легко усвоили эту мудрость и, вместе с тем, всю технику войны. Кроме того, они воспользовались всеми выгодами религиозного деспотизма и патриотизма, проявили такое военное могущество, которое оказалось сильнее самой мо-

гущественной военной державы. Л. Н. Толстой делает следующий вывод из победы Японии над Россией: военная власть в результате этой победы перешла к нехристианским народам. Всем угнетенным нехристианским народам Азии и Африки совсем не трудно по примеру Японии, усвоив военную технику, не только освободиться от гнева христианских народов, но и «стереть» с лица земли все христианские государства.

Исход русско-японской войны самым очевидным образом привел христианские государства к необходимости усиливать и так колоссальные расходы этих государств на военные цели. Они должны понять, что «языческие народы» так же, как японцы, «обучившись военному искусству, свергнут их иго и отомстят им».

Русско-японская война подтвердила, не только для народов России, но и для всех христианских народов, ту простую истину, что насилие ни к чему, кроме как к увеличению бедствий и страданий, привести не может.

Занимаясь увеличением своей военной силы, христианские народы совершали дело, не только противное тому христианскому духу, который живет в них, но и безнравственное и глупое, в котором они, как христианские народы, должны быть всегда превзойдены и побеждены нехристианскими народами. Победа японцев показала христианским народам, что все то, на что их правительства направляли свою деятельность, было напрасным истощением их сил, а главное, приготовлением для себя более могущественных врагов среди нехристианских народов.

Русско-японская война показала, что сила христианских народов не в противном духу христианства военном могуществе. И если христианские народы хотят оставаться христианскими, то их усилия должны быть направлены не на военное могущество, а на такое устройство их жизни, которое, вытекая из христианского учения, давало бы наибольшее благо без посредства грубого насилия, а посредством разумного согласия и любви.⁴⁹

Победа Японии показала всему христианскому миру ошибочность того пути, по которому шли и идут христианские народы. Русскому народу эта война со своими ужасными и бессмысленными страданиями и бедствиями показала кроме общего для всех христианских народов противоречия между христианским и насильническим государственным устройством, ту большую опасность, в которой постоянно находятся эти народы, повинуюсь своему правительству.

Без всякой надобности, для каких-то темных личных целей, для каких-то «ничтожных лиц», находящихся во главе управления страной, русское правительство ввергло свой народ в бессмысленную войну, которая ни в коем случае не могла иметь никаких, кроме вредных, для русского народа последствий.⁵⁰

В результате войны потеряны сотни, тысячи человеческих жизней, потеряны миллиарды рублей денег, потеряна слава страны, которой гордилась Россия. Однако виновники всех этих злодеяний не только не чувствуют за собой своей вины, но упрекают других во всем случившемся и, оставаясь в том же положении, находясь по-прежнему у власти, завтра могут ввергнуть русский народ в еще большие бедствия и страдания.

Анализируя последствия русско-японской войны, Л. Н. Толстой прежде всего отмечает противоречие между христианскими и нехристианскими народами. Христианская вера связывается им с более высоким уровнем нравственного развития народов и, следовательно, с осуждением гонки вооружений и подготовки новых войн, в то время как нехристианские народы не имеют этих черт и, следовательно, являются более агрессивными.

Правильная сама по себе такая постановка вопроса Л. Н. Толстым о причинах войн вообще и русско-японской в частности и в особенности является утопической. Она ставит духовные, в частности религиозные, проблемы во главу угла причин возникновения войн.

В действительности материальные причины лежат в основе возникновения войн, а осознание их правящими кругами стран и народами занимают в этом второе место, обусловленное материальными причинами.

Л. Н. Толстой высказывает не только свои суждения о причинах, ходе и результатах русско-японской войны. В дневнике и в переписке он высказывает конкретные суждения о том, как, когда и при каких обстоятельствах у него возникали конкретные мысли по ходу и результатам войны.

Эти мысли писателя связаны с оценкой им не только конкретных сражений русско-японской войны, но позиций, которые занимали по отношению к войне его близкие родственники и знакомые журналисты, писатели и общественные деятели.

Таким образом, получается широкий круг возможностей для того, чтобы составить более полное представление о том, каким образом писатель оценивал русско-японскую войну в целом, ее

назначение и влияние, которое она оказала на подготовку первой русской революции 1905–1907 гг. Если дневники Л. Н. Толстого дают понятие о том, как у него зарождаются те или иные мысли относительно русско-японской войны, то письма – это отклики писателя и мыслителя по конкретным вопросам, с которыми обращались к нему люди, так или иначе знавшие его и интересовавшиеся его отношением к различным сторонам общественной жизни. Переписка Л. Н. Толстого дает представление о том, какой резонанс вызывали в русской и зарубежной печати антивоенные статьи писателя, насколько влиятельной была его антивоенная позиция среди различных слоев российского общества.

Наибольшее количество откликов вызвала статья Л. Н. Толстого «Одумайтесь!». 26 июня 1904 г. графиня Софья Дмитриевна, дочь Д. А. Толстого и жена графа Толя, написала Л. Н. Толстому письмо, в котором она обвиняла его в измене родине за статью «Одумайтесь!», опубликованную во французском журнале «La Revue».

Через неделю Л. Н. Толстой ответил ей большим письмом, в котором пытался объяснить свою позицию по данному вопросу. Он благодарил графиню за то, что она подписалась под своим письмом, и поэтому он может ей ответить. Он отвергает содержащееся в письме С. Д. Толь утверждение о том, что он отвечает «только тем, кто меня хвалит». Мыслитель пишет о том, что он внимательно читает письма, осуждающие его и «старается извлечь из них пользу, и большую пользу» он извлек из письма графини С. Д. Толь.

Л. Н. Толстой отводит утверждение, содержащееся в письме графини С. Д. Толь, о том, что в его статье «Одумайтесь!» «есть то, чего не должно быть у христианина» – негодование и осуждение. Писатель признает, что человек, опирающийся на Христа, должен быть, как он, кроток и смирен сердцем. Однако не в оправдание, но в покаяние он хочет сказать своей корреспондентке то, что он «слабый человек, далеко не достигший того идеала, к которому он стремится». «Я виноват, – пишет Л. Н. Толстой, – что тон, дух моей статьи недобрый, но смысл ее для меня несомненно истинен, и я буду повторять то же на смертном одре. И уверен я в этом не потому, что я верю себе, а потому, что верю Христу и закону бога». ⁵¹

Смягчающим его вину обстоятельством он считает то, что графиня С. Д. Толь живет в Петербурге в среде «торжествен-

ных приготовлений войны», в среде тех, кто готовил русско-японскую войну, и, так или иначе, несет ответственность за ее разжигание.

Он же живет «среди несчастного народа, который, живя в крайней нужде, отсылает своих кормильцев на непонятное, ненужное ему побоище» и видит только лишения, страдания, смерть. Л. Н. Толстой просит графиню С. Д. Толь «забыть те недобрые слова», которые она написала ему и установить с ним нормальные человеческие отношения. Письмо С. Д. Толь отражало мнение верхов русского дворянского общества Петербурга к Л. Н. Толстому, резко осуждавшему русско-японскую войну. Его очень задело то, что графиня обвиняла его в том, что он, осуждая войну, нарушил христианскую заповедь о любви.

Отношение к Л. Н. Толстому правящих кругов России, которые и до этого были достаточно напряженными, после публикации в западной прессе статьи «Одумайтесь!» резко ухудшились. Об этом свидетельствует письмо Л. Н. Толстого великому князю Николаю Михайловичу Романову. В нем он писал: «Я никак не думал, чтобы эта ужасная война так подействовала на меня, как она подействовала. Я не мог высказаться о ней и послал статью («Одумайтесь!» – В. С.) за границу, которая на днях появится и, вероятно, будет очень не одобрена в высших сферах». ⁵² На просьбу Николая Михайловича «как-нибудь» заехать в Ясную Поляну Лев Николаевич ответил вежливым отказом. Он писал: «Как ни приятно было бы мне видеть вас у нас, я думаю, что я настолько неприятное лицо правительству – и в особенности буду теперь после моей статьи о войне, что ваше посещение меня могло бы быть неприятно для вас...» ⁵³ Конечно, Николай Михайлович был историком, и литературные занятия сближали его с Толстым, и в этом смысле он представлял собой известное исключение из царской семьи, но, тем не менее, Толстой решил проявить здесь известную деликатность, не желая создавать затруднений великому князю.

Попытки воздействовать на царя Николая II у Л. Н. Толстого, хотя и не прямые, но имели место. Об этом свидетельствует его запись в дневнике от 1 февраля 1905 г.: «Лева (сын Л. Н. Толстого – В. С.) был у царя, и я рад этому. Странно сказать, что это совсем освободило меня от желания воздействовать на царя». ⁵⁴ Он понял, что это бесполезно.

20 января 1905 г. сын Л. Н. Толстого Лев Львович написал Николаю II письмо, которое не сохранилось. В нем он, очевидно, писал о том, что хотел бы быть принятым российским императором для обмена мнениями о наиболее важных политических вопросах.

В конце января 1905 г. Лев Львович получил аудиенцию у Николая II, во время которой убеждал его созвать Земский Собор. Император согласился, но подчеркнул «не сейчас», не в это трудное время. Л. Н. Толстой не высоко ценил государственные способности российского императора. Д. П. Маковицкий записал в своем дневнике слова, сказанные писателем о Николае II: «О царе одни говорят, что он малоумный, другие, что он – идиот. Я его видел несколько раз – он просто гвардейский поручик».⁵⁵ В последующие годы Л. Н. Толстой не испытывал в отношении Николая II никаких иллюзий и к нему не обращался.

Общественно значимая роль Л. Н. Толстого в отношении русско-японской войны может быть прослежена в нескольких направлениях. Во-первых, авторитет великого писателя и мыслителя, приобретенный им в предшествующие годы, был так значителен, что к нему обращались люди разного пола и разного социального положения с просьбой, чтобы он высказался, подал совет, как им поступить, какую позицию занять в отношении русско-японской войны.

Так, Сергей Львович Брусилов жил в Петербурге, учился в морском кадетском корпусе. 20 марта 1904 г. он обратился к Л. Н. Толстому с письмом, в котором просил последнего дать ему совет в связи с тем, что у него и у его товарищей возникло желание оставить Морской корпус, переехав в деревню, чтобы вести там частную жизнь крестьянина.

Л. Н. Толстой 5 апреля 1904 г. ответил ему письмом, в котором писал, что советую вам и вашим друзьям прежде всего уяснить себе смысл человеческой жизни, религиозного мировоззрения и внутренне работать над собой, чтобы привести к наибольшему согласию свою жизнь со своей верой.⁵⁶

Служащий, счетовод-кассир из Екатеринослава В. Б. Болтынский трижды обращался к Л. Н. Толстому за советом, как ему поступать в разных ситуациях жизни, и всегда получал ответ.

9 октября 1904 г. он обратился к Л. Н. Толстому с третьим письмом, в котором писал, что ему предстоит отбывать воинскую повинность и, следовательно, идти убивать людей. «И вот я

желаю, – продолжал он, – знать ваше мнение о том, как мне поступить». В своем ответе на эту просьбу Лев Николаевич писал, что в этом деле «советовать и принимать советы можно только от своей совести». ⁵⁷ Он рекомендовал молодому человеку стараться жить так, чтобы главным делом жизни было «исполнение воли бога». Он от всей души желал В. Б. Болтянскому поступить «в этом деле» – отбывания воинской повинности так, чтобы потом не раскаиваться.

Однако, решительно выступая против русско-японской войны, Л. Н. Толстой отказывался подписывать коллективные заявления против войны. Поэтому, когда к нему обратились его знакомые М. П. Кожушко, Р. В. Юшко, А. К. Ракович с просьбами подписать коллективное заявление группы интеллигентов, занимавшихся на горном перевале, близ Гелленджика, сельскохозяйственным трудом, он ответил отказом. В письме к А. К. Раковичу, признавая сходство своих взглядов со взглядами последнего, Толстой пояснил, что он это делает потому, что это требование, во-первых, недостижимо, а во-вторых, оно «внешнее средство», которое он в принципе отрицает. Он признает только те средства борьбы против войны, которые исходят из внутреннего религиозного настроения души. Он сообщал А. К. Раковичу, что получил «около десяти» воззваний против войны и на все ответил отрицательно или отмежевался от личного в них участия. ⁵⁸

Письма с отказом от воинской повинности к Л. Н. Толстому не были единичными. Об этом, в частности, свидетельствует письмо к Л. Н. бухгалтера-сектанта Е. Е. Гончаренко. Ответ писателя на это письмо выдержан в теплых и сочувственных тонах. ⁵⁹

Когда Е. Е. Гончаренко за отказ от воинской повинности приговорили к двум годам дисциплинарного батальона, Л. Н. Толстой обратился к своим знакомым А. Ф. Кони, В. В. Стасову, имевшим связи в высших сферах, с просьбой помочь Е. Е. Гончаренко. Известно, что благодаря хлопотам А. Ф. Кони дело Е. Е. Гончаренко было запрошено военному министру для пересмотра. Из дальнейшей переписки, в частности из письма Л. Н. Толстого к Н. Н. Сухотину, мы узнаем, что крестьянин Е. Е. Гончаренко, полагая, что его сошлют в Иркутскую губернию, взял с собой семью. Однако условия его жизни изменились вследствие того, что сосланным в Сибирь за отказ от воинской службы разрешили вернуться в Россию. Но Гончаренко по неизвестным причинам удерживался в Омске, не имея возможности

кормить семью. Л. Н. Толстой просил командующего войсками Сибирского военного округа Н. Н. Сухотина во имя «человеколюбия» улучшить участь этого человека.

История с Е. Е. Гончаренко показывает энергичную и разнообразную деятельность Л. Н. Толстого в деле помощи писателя человеку, дерзнувшему уклониться от воинской повинности. Сложнее обстояло дело с теми людьми, которые желали ехать на фронт, чтобы оказывать помощь раненым. К числу таких принадлежала петербургская студентка-медичка О. Н. Шишкина. 2 февраля 1904 г. она написала Л. Н. Толстому письмо, в котором просила его послать ей фотокарточку и сообщила о своем желании участвовать в качестве медсестры в русско-японской войне. Она спрашивала писателя, одобряет ли он ее поведение. Послав ей свою фотокарточку, Л. Н. Толстой в отношении второго вопроса ответил, как нам представляется, уклончиво и путано. Во внешнем поступке «ехать или не ехать на войну не может быть ничего ни хорошего, ни дурного». Он считал, что «можно жить дурно, занимаясь больными, и жить хорошо, занимаясь всяким другим делом». ⁶⁰ «Важно только то, – подчеркивал Л. Н. Толстой, – чтобы жить хорошо, т. е. не для себя, а для служения богу и людям, чего и вам советую», – писал он, заканчивая письмо. ⁶¹

Думается, Л. Н. Толстой здесь путает два вопроса: 1) вопрос о начале несправедливой войны. Здесь он прав, в ней не надо участвовать, не надо принимать участия в человекоубийстве; 2) Но если война началась, если ее началу помешать не могли, то надо избирать гуманные пути ее прекращения. С этой точки зрения, помощь раненым, в свою очередь, подразделяется на две проблемы, которые призваны играть и играют разную роль, с точки зрения гуманизма. Во-первых, спасти раненых людей, выносить их с поля боя, оказывать им первую медицинскую помощь, делать перевязку и т. п. в высшей степени гуманно и человечно. Во-вторых, помощь, оказанная раненому, способствует восстановлению его в строй, то есть определенным образом продолжению войны. Думается, что, в целом, помощь раненым в период войны является гуманной акцией, заслуживающей уважения. Для Л. Н. Толстого в этот период центральной идеей является некоторая абсолютизация внутреннего в человеке и недооценка внешнего. И то и другое взаимосвязано и взаимопереходит друг в друга. У Гегеля и у Маркса это нашло разработку в

понятиях «опредмечивание» и «распредмечивание». Этих понятий Л. Н. Толстой не знал.

В письме Л. Н. Толстого к А. М. Булыгиной он соглашается с корреспонденткой в том, что война «безусловное зло» и в ней не следует принимать участия даже «в роли сестры милосердия». ⁶² Л. Н. Толстой внимательно прочитывал письма корреспондентов и в одном случае сделал исключение по отношению к врачу Г. А. Чемоданову. Последний 1 мая 1904 г. писал Толстому о том, что министр внутренних дел запретил ему заниматься вольной врачебной практикой (Г. А. Чемоданов был врачом по профессии – В. С.), а иркутский генерал-губернатор не разрешил занять место врача в иркутской инфекционной больнице. В этих условиях Г. А. Чемоданов писал Л. Н. Толстому о том, что он решил поступить на военную службу. Толстой одобрил его поступок и обещал написать письмо иркутскому генерал-губернатору с просьбой не препятствовать поступлению Г. А. Чемоданова на военную службу. ⁶³ О том, что он не делал исключения в этом вопросе ни для кого, свидетельствует его письмо к Л. А. Авилевой. 5 февраля 1904 г. она обратилась к Толстому с письмом, в котором просила дать «хотя несколько строк в сборник в пользу войны, который она намеревалась издать». Л. Н. Толстой ответил отказом в письме 27 февраля этого года. В нем он писал: «Я всем отказываю и не могу, не оскорбив, сделать исключения». ⁶⁴

Война продолжалась, и писатель 6 июня 1904 г. записывает в дневнике: «Несчастные брошенные солдатки ходят. Читаю газеты, и как будто все эти битвы, освещения штандартов так тверды, что бесполезно и восставать, и иногда думаю, что напрасно, только вызывая вражду, написал я свою статью («Одумайтесь!»), а посмотришь на народ, на солдаток и жалеешь, что мало, слабо написал». ⁶⁵

Крупным событием русско-японской войны явилась сдача Порт-Артура. Первоклассная крепость с многочисленным гарнизоном, большими запасами военного снаряжения сдалась. Это облегчило японцам натиск на север Маньчжурии. Л. Н. Толстой 22 декабря 1904 г. записывает в дневнике: «Сдача Порт-Артура огорчила меня, мне больно. Это патриотизм. Я воспитан в нем и не свободен от него так же, как несвободен от эгоизма личного, от эгоизма семейного, даже аристократического, и от патриотизма». ⁶⁶

Одним из крупных морских сражений русско-японской войны был разгром японцами русского флота в Цусимском проливе.

19 мая 1905 г. он записывает в дневнике: «Вчера получилось известие о разгроме русского флота. Известие это почему-то особенно сильно поразило меня. Мне стало ясно, что это не могло и не может быть иначе: хоть и плохие мы христиане, но скрыть невозможно несовместимость христианского исповедания с войной. Последнее время это противоречие стало все более и более сознаваться. И потому в войне с народом нехристианским, для которого высший идеал – отечество и геройство войны, христианские народы должны быть побеждены.

Если до сих пор христианские народы побеждали некультурные народы, то это происходило только от преимущества технических военных усовершенствований христианских народов (Китай, Индия, Африканские народы, хивинцы и среднеазиатские), но при равной технике христианские народы неизбежно должны быть побеждены нехристианскими, как это произошло в войне России с Японией. Япония в несколько десятков лет не только сравнялась с европейскими и американскими народами, но превзошла их в технических усовершенствованиях. Этот успех Японии в технике не только войны, но и всех материальных усовершенствований, ясно показал, как дешевы эти технические усовершенствования, то, что называется культурой. Перенять их и даже дальше придумать ничего не стоит. Дорого, важно и трудно добрая жизнь, чистота, братство, любовь, то самое, чему учит христианство и чем мы пренебрегли. Это нам урок.

Я не говорю этого для того, чтобы утешить себя в том, что Японцы побили нас. Стыд и позор остаются те же. Но только они не в том, что мы побиты японцами, а в том, что мы взялись делать дело, которое не умеем делать хорошо и которое само по себе дурно». ⁶⁷

То, что японцы победили Россию своей более совершенной военной техникой, это несомненно. Однако утверждение Толстого о том, что они находились на более низком уровне духовного развития, а христианство мешало русским победить, сомнительно. И эту свою излюбленную истину Л. Н. Толстой в разных видах и по разным поводам повторяет несколько раз, не замечая, что второе положение у него противоречит первому. Чем выше уровень технического и, в частности, военного развития страны, тем больше требуется образованных людей, чтобы они могли обслуживать сложные технические устройства, которые требуют для своей работы достаточной технической квалификации.

Значительный интерес представляют суждения Л. Н. Толстого по поводу русско-японской войны, зафиксированные в дневнике Д. П. Маковицкого. 18 мая 1905 г. за чаем Т. А. Кузьминская прочла вслух напечатанное в газете известие о поражении Балтийской эскадры под командованием адмирала Рождественского в Корейском проливе. Ее удивила цифра: «Четыре тысячи пленных». Она высказала суждение: «Теперь уже войну продолжать нельзя, когда нет флота». На это Л. Н. Толстой возразил: «Почему нет. Можно на суше». Однако из дальнейшего изложения мы видим, что и на суше дела шли также неудачно.

Когда 19 мая в столовой зашел разговор о войне, Л. Н. Толстой сказал: «Я вижу, в народе никакого чувства унижения нет (после Цусимы), христиане, какие они не испорченные, у них есть чувство, что война – не христианское дело. 50 лет тому назад его не было. Теперь везде создаются общества мира. У японцев наоборот: их божества – божества войны, у них микадо – сын Бога. Европейские народы гордились, что они одни знают военное искусство. Япония показала, что его за десять лет можно выучить и даже усовершенствовать. Ей нельзя не победить. Что русские плохо подготовлены – это неправда. Все побежденные плохо подготовлены».⁶⁸

20 мая 1905 г. Лев Николаевич говорил Маковицкому: «Опять буду писать о современном. Разгром флота – событие, которое будет иметь, вероятно, последствием усиление революционного движения, если правительство не заключит мира, и подъем духа, в хорошем смысле, в России». В содержании статьи Л. Толстой сообщил Маковицкому о том, что «у русских, сознательно и бессознательно, был христианский дух нежелания воевать, у японцев – наоборот, геройство, война – высший идеал». О значении поражения при Цусиме Толстой 22 мая 1905 г. сказал тульскому адвокату Б. О. Гольденблату: «Этот разгром (русского флота японцами) – удар по голове. Может быть, спохватится Россия, а может быть, кожа огрубела, нужен будет еще более сильный удар». В западной культуре духовного нет. Тогда Б. О. Гольденблат осведомляется у Толстого – будет ли иметь война какое-либо культурное влияние? Л. Н. Толстой отвечает: «Огромное, но антикультурное. Культура европейская усваивается очень быстро, пример – японцы. Европейские культурные народы – сумасшедшие, стараются обзавестись колониями, чтобы иметь рынки для сбыта... Одни покрывают суда броней в метр, другие – в

полтора, потом в два, в два с половиной. Одни вооружают мужчин, другие и баб... Весь ум и энергия идут на приготовление к истреблению. Не сумасшествие ли это?»⁶⁹

24 мая в беседе с В. Г. Чертковым Л. Н. Толстой говорил о значении русско-японской войны. Он считал, что это разгром не одной России, а всего западного мира, всей западной цивилизации. Ссылаясь на газету «Новое время», В. Г. Чертков рассказал Л. Н. Толстому о том, что на одном из судов русского флота капитан произнес перед матросами речь о том, что воевать христианину не следует, и заявил о своем выходе со службы. Как считал В. Г. Чертков, между моряками читают антивоенные произведения Л. Н. Толстого, покупая их в Адене и других портах.⁷⁰

За завтраком под вязами 28 мая Лев Николаевич сказал, что «война будет иметь великие последствия». Они будут выражаться не в изменении форм правления, «но в душах людей. По воле нескольких людей происходит такое ужасающее событие».⁷¹ Русско-японская война оказала на Л. Н. Толстого не только рациональное (он понял и осудил ее бесчеловечность), но и эмоциональное воздействие. «Я никогда не видел, – писал Д. П. Маковицкий, – чтобы Л. Н. вышел из терпения или хотя бы поморщился в разговоре с каким-нибудь глупцом или надоедающим ему человеком». Однако, когда он узнал, что под Мукденом ранено 1 300 русских офицеров и 40 000 солдат и около 25 000 убито, он оценил это как ужасную, кровавую бойню. За обедом он «когда речь зашла о Мукдене, сейчас же переменял разговор. Несколько дней назад было то же самое». Знакомый Л. Н. Толстого Дунаев говорил о том, что на Дальнем Востоке армия разгромлена. Из 380 тысячной армии после Мукдена Линевиц собрал всего 130 тысяч. О целых полках нет вестей, а Н. В. Давыдов говорил, что после Мукдена дезертировало 60 тыс. солдат; не хотели повиноваться и заразить других неповиновением. Главное значение сражения под Мукденом Л. Н. Толстой видел «в небывалом проявлении неповиновения властям».⁷²

Вечером 17 августа 1905 г. в Ясной Поляне была получена неподписанная телеграмма из Москвы о заключении мира. Андрей Львович пошел с ней в кабинет к Льву Николаевичу. Выйдя из кабинета, Лев Николаевич сказал: «Какая важная новость! Мне стыдно, но хочется высказать, что я борюсь с чувством патриотизма. Я должен сознаться, что во мне патриотическое чувство есть и я надеялся, что русские победят. А коли

мир заключен, тогда и политическая победа японцев над нами окончательная». ⁷³

В разговоре со своим знакомым Штанге Л. Н. Толстой через две недели интерпретирует это событие в духе своего учения: «Сперва мир задел во мне исторические чувства, что он позорный, что мы слишком много уступили, но потом утешился и не перестаю радоваться. Именно так нужно, унижение и неозлобление». ⁷⁴ Совсем в духе толстовской теории о непротравлении злу силою.

Христианство же с его общечеловеческой моралью «не убий» и т. п. может оказывать негативное влияние на этот процесс только в будущем, только при более высоком уровне культурного развития народа, только тогда оно может выступать в качестве дестабилизирующего военного фактора, а в условиях русско-японской войны этого еще не было. Неграмотные и малограмотные русские солдаты слушали военных священников с их проповедью о том, что убивать солдат нехристианского вероисповедания нет греха, а наоборот, это угодно богу. В данных условиях христианская религия выступала в качестве мобилизующего духовные потенции масс фактора. Говоря о роли христианской религии, Л. Н. Толстой прав в общегуманистическом смысле, но не замечает, что в конкретных условиях русско-японской войны этот фактор работал в противоположном направлении. Тогда, когда он сталкивался с фактами, противоречащими его концепции, он реагировал эмоционально. Его возмущало, что из великого гуманистического учения получается преступление.

Интересное исключение в этом смысле Лев Николаевич сделал для своего сына Андрея, который запутался в семейных делах, разошелся с женой Ольгой Константиновной, сошелся и стал жить с Анной Леонидовной Толмачевой, стал обильно сорить деньгами, которых он не заработал и никогда не заработает. ⁷⁵ В создавшихся условиях Андрей Львович решил ехать на русско-японскую войну. Он намеревался устроиться при штабе генерала А. Н. Куропаткина, прибегнув к протекции М. К. Языкова и Н. А. Адлерберга. В письмах к невестке ⁷⁶ и к сыну ⁷⁷ не содержится ни одного слова осуждения Л. Н. Толстым решения Андрея Львовича «ехать на войну».

Наоборот, в письме к сыну от 18 сентября 1904 г. он пишет ему о том, что ему «как-то не верилось, что он будет на войне». Он просит его «быть добрым со всеми».

Как известно, Андрей Львович Толстой фактически не принимал участия в боевых сражениях русско-японской войны, он получил ранение: удар копытом лошади в голову и вернулся в Россию. Д. П. Маковицкий записал в дневнике: «Ночью приехал Андрей Львович из Мукдена с «Георгием». Л. Н. встретил его не одобряя, что он оставил пост. Хотя Андрей Львович объяснил, что «вернулся потому, что не может дольше служить из-за головных болей и головокружений, которые у него открылись после того, как его ударила лошадь».⁷⁸

Вечером 11 января Л. Н. Толстой разговаривал с Андреем Львовичем в течение двух часов про Маньчжурию, про войну. По словам А. Л. Толстого, «японцы плохо стреляют и берут крепостью». Он высказал точку зрения, распространенную среди русского офицерства, о том, что «Куропаткина у нас не любят за то, что при Таничао не пустил в ход четвертый корпус и уступил при Ляоляне».⁷⁹ По ходу изложения фактов об участии Андрея Львовича в войне видно, что отец делал для него исключение ввиду его крайне запутанных семейных и имущественных дел.

Возникает впечатление, что точка зрения Л. Н. Толстого на русско-японскую войну, хотя и получила некоторое распространение в основном в кругах российской интеллигенции, однако не оказала существенного влияния на отношение народов России к войне.

Во-первых, этому препятствовала темнота и невежество масс, их забитость и неграмотность. Они не могли, если иметь в виду самые низы народа, усвоить религиозные взгляды Л. Н. Толстого без церкви и против церкви. Не могли понять, почему он, обращаясь к Богу, ссылаясь на Евангелия, был отлучен от церкви.

Во-вторых, этому препятствовало отсутствие политических свобод в России, отсутствие в ней демократии лишало массы политического опыта и оставляло их в рамках существующих общественных отношений.

В-третьих, свои взгляды Толстой не связывал ни с какими общественными движениями, ни с какими политическими партиями. Более того, он был активным противником этого.

Однако активные антивоенные взгляды Толстого, по свидетельству его первого биографа П. И. Бирюкова, все же получили довольно широкое распространение. Его антивоенный памфлет «Одумайтесь!» был перепечатан в Германии 200 печатными органами одновременно. Значительный резонанс его актив-

ные произведения получили во Франции, Англии, Японии, США, Китае. И, конечно, несмотря на цензуру и преследования, в России.

«Во время русско-японской войны дух протеста против нее впервые дал себя почувствовать, – писал биограф Л. Н. Толстого П. И. Бирюков. – Не малую роль в этом протесте сыграло распространение сочинений Л. Н. Толстого. Беспристрастным свидетельством в этом отношении является свидетельство епископа Иннокентия, жившего в Дальнем».⁸⁰

Война с Японией была воспринята русским народом и обществом негативно. Повсеместно возникали случаи народного сопротивления. Конечно, действия были стихийными. Однако эта стихийность свидетельствовала о массовости народного протеста, в котором принимали участие разные по характеру политические силы.

Возражая против русско-японской войны, Л. Н. Толстой не поднялся до ленинского лозунга «превращение войны империалистической в войну гражданскую». Это было его доброе пожелание, нейтральный протест против войны и не более. Об этом свидетельствует разговор Л. Н. Толстого с его французским знакомым Саломоном, когда последний заметил, что русские радуются потерям. Для француза это было непостижимо. Лев Николаевич заметил: «Не понимаю их. Им следует быть прямо против правительства, а не только против войны, а они идут на войну». Потом продолжал еще: «Тем, кто радуется поражениям, надо быть прямо против правительства, надо им действовать прямо против него, а не через потери народа... Это вроде того, – продолжал Лев Николаевич после короткого молчания, – как если бы седок стал бить кучера другого седока, а тот – кучера этого. Почему же не прямо воздействовать на кучера? Как желать того, чтобы терпел и погибал невинный народ? Да и как может поражение на войне подействовать на правительство так, чтобы оно отказалось от своей власти? У меня задорное и грустное чувство».⁸¹ Эмоциональная реакция негодования, осуждение поведения русского народа во время русско-японской войны звучит здесь в связи с тем, что Л. Н. Толстой не видел сил, способных изменить эту ошибочную позицию. Не способен был изменить ее сколько-нибудь существенно и он сам своим учением непротивления злу насилием. Здесь надо различать личную позицию Л. Н. Толстого в отношении русско-японской войны (она была

гуманной и правильной) и его общественную деятельность в отношении ее (она была ошибочной и утопичной). Однако сплочение антивоенных сил было еще невозможным. Объективных условий для создания широкого антивоенного фронта в России еще не было. В этих условиях позиция Толстого соответствовала условиям времени и обстоятельствам, которые были тогда в России.

Примечания:

1. Толстой Л. Н. ПСС. Т. 55. ГИХЛ. М., 1937. Дневники и записные книжки. Запись в дневнике за 2 января 1904 г. С. 3.
2. Там же, запись за 3 января 1904 г. С. 4.
3. Там же. С. 5.
4. Там же. С. 4.
5. Там же.
6. Там же. С. 3–4.
7. Там же. С. 11.
8. Там же. Запись в дневнике за 28 января 1904 г. С. 11.
9. Там же. Добавление за 22 марта 1904 г. С. 6.
10. Бирюков П. И. Биография Льва Николаевича Толстого. Том четвертый. ГИЗ. М.-Л., 1923. С. 92.
11. Там же.
12. Кондратьев Ю. М. Гарди // «История английской литературы». Т. III. М., 1958. С. 238.
13. Цит. по Бирюков П. И. Указ. соч. С. 92–93.
14. Толстой и зарубежный мир. Кн. 2. Изд. «Наука». М., 1965. С. 42.
15. Там же. С. 47.
16. Там же.
17. Там же. С. 49.
18. Там же. С. 57.
19. Там же. С. 58.
20. Толстой Л. Н. ПСС. Т. 75. С. 172.
21. Толстой и зарубежный мир. Кн. 2. С. 41.
22. Там же. С. 562.
23. Там же.
24. Толстой Л. Н. – Изо Абэ, 5 ноября 1904 г. // Толстой Л. Н. ПСС. Т. 75. С. 177.
25. Цит. по Бирюков П. И. Указ. соч. С. 92.
26. Толстой Л. Н. Там же. Записи в дневнике за 19, 23, 25 февраля, 7, 12, 13, 14, 15, 16, 17 марта 1904 г. С. 13, 14, 15, 17, 21.
27. Толстой Л. Н. ПСС. Т. 36. С. 101.
28. Там же. С. 102.

29. Там же. С. 115.
30. Там же.
31. Там же.
32. Там же. С. 122.
33. Там же. С. 123.
34. Там же. С. 123.
35. Там же. С. 129.
36. Там же. С. 133.
37. Там же.
38. Там же. С. 137.
39. Толстой Л. Н. ПСС. Т. 36. С. 231.
40. Подробнее об этом см. комментарий Гудзия Н. К. // ПСС. Т. 36. С. 666–683.
41. Там же. С. 231.
42. Там же. С. 232.
43. Там же.
44. Там же.
45. Там же. С. 235.
46. Там же. С. 235.
47. Там же. С. 236.
48. Там же.
49. Там же. С. 238.
50. Там же. С. 238.
51. Толстой Л. Н. – Толь С. Д., 1 июля 1904 г. // ПСС. Т. 75. С. 136.
52. Толстой Л. Н. – великому князю Николаю Михайловичу 1 июня 1904 г. // Там же. С. 116–117.
53. Там же. С. 117.
54. Толстой Л. Н. ПСС. Т. 55. С. 121. Записи в дневнике за 1 февраля 1905 г.
55. Маковицкий Д. П. У Толстого 1904–1910. Яснополянские записки Д. П. Маковицкого. Кн. 2. 1905–1906. М.: Наука, 1979. С. 68. Запись за 4 апреля 1905 г.
56. Толстой Л. Н. – Брусилову С. Л., 5 апреля 1904 г. // ПСС. Т. 75. С. 67–68.
57. Толстой Л. Н. – Болтыанскому В. Б., 22 октября 1904 г. // ПСС. Т. 75. С. 174–175.
58. Толстой Л. Н. – Раковичу А. К., 14 января 1905 г. // Там же. С. 202.
59. Толстой Л. Н. – Гончаренко Е. Е., 19 января 1905 г. // Там же. С. 205.
60. Толстой Л. Н. – Гончаренко Е. Е., 7 июня 1905 г. // Там же. С. 251.
61. Толстой Л. Н. – Шишкиной О. Н., 4 февраля 1904 г. // Там же. С. 35–36.
62. Толстой Л. Н. – Булыгиной А. М., 19 февраля 1904 г. // Там же. С. 42.
63. Толстой Л. Н. – Чемоданову Г. А., 1 июня 1904 г. // Там же. С. 115–116.
64. Толстой Л. Н. – Авиловой Л. А., 27 февраля 1904 г. // Там же. С. 53.
65. Толстой Л. Н. ПСС. Т. 55. С. 46. Запись в дневнике за 6 июня 1904 г.
66. Толстой Л. Н. ПСС. Т. 55. С. 111. Запись в дневнике за 22 декабря 1904 г.
67. Там же. С. 139–140. Запись в дневнике за 19 мая 1905 г.

68. Маковицкий Д. П. Указ. соч. Т. 1. С. 287. Запись в дневнике за 19 мая 1905 г.
69. Там же. С. 291. Запись в дневнике за 22 мая 1905 г.
70. Там же. С. 294. Запись в дневнике за 24 мая 1905 г.
71. Там же. С. 301. Запись в дневнике за 28 мая 1905 г.
72. Там же. С. 337–338.
73. Там же. С. 337–378. Запись в дневнике Д. П. Маковицкого за 17 августа 1905 г.
74. Там же. С. 390. Запись в дневнике за 30 августа 1905 г.
75. Толстой Л. Н. – Толстому А. Л., 18 января 1904 г. // ПСС. Т. 75. С. 9–10.
76. Толстой Л. Н. – Толстой О. К., 18 февраля 1904 г. // Там же. С. 39.
77. Толстой Л. Н. – Толстому А. Л., 18 сентября 1904 г. // Там же. С. 165.
78. Маковицкий Д. П. Указ. соч. Кн. 1. С. 130–131. Запись в дневнике за 10 января 1905 г.
79. Там же. С. 131.
80. Бирюков П. И. Указ. соч. Т. 4. С. 92.
81. Маковицкий Д. П. Указ. соч. Кн. 1. С. 156. Запись в дневнике за 30 января 1905 г.

ГЛАВА III. ОТНОШЕНИЕ Л. Н. ТОЛСТОГО К РЕВОЛЮЦИИ 1905–1907 ГГ.

«Всякая революция начинается тогда, – писал Л. Н. Толстой, – когда общество выросло из того мировоззрения, на котором основывались существующие формы общественной жизни, когда противоречие между жизнью, какая она есть, и той, какая должна и может быть, становится настолько ясным для большинства людей, что они чувствуют невозможность продолжения жизни в прежних условиях». И Л. Н. Толстой прямо подчеркивает, что: «Начинается же революция в том народе, в котором наибольшее число людей сознают это противоречие».

Исходя из своих мировоззренческих ориентиров философии ненасилия, писатель ставит вопрос о соотношении цели и средств, которые употребляются революцией. Он пишет, что средства, которые «употребляются» революцией, зависят от той цели, к которой «стремится» революция. В качестве примера, поясняющего эту мысль, он ссылается на французскую революцию 1793 года во Франции. Революция тогда произошла во Франции потому, что «сознание противоречия между идеей равенства людей и деспотичной властью королей, духовенства, дворян, чиновников чувствовалось не только страдающими от своего угнетения народами, но и лучшими людьми властвующих сословий во всем христианском мире». Исходя из этого основного противоречия, которое носило объективный характер, Л. Н. Толстой добавляет субъективные обстоятельства, которые обусловили то, что революция произошла именно во Франции. «Но нигде эти сословия (народа – В. С.) не были так чутки к этому неравенству и нигде сознание народа не было так мало забыто рабством, как во Франции, и потому революция 1793 года началась именно во Франции».

Революция во Франции ставила своей целью установление во Франции равенства, и это равенство могло быть установлено путем насильственного отнятия того, «что имели властвующие». Таким образом, цели и средства революции 1793 г. во Франции находились в естественном соотношении между собой. Отнять землю у феодалов иными, ненасильственными средствами было невозможно.

Переходя к ситуации, сложившейся в 1905 г. в России, Толстой писал, что противоречие «между сознанием возможности и

законности свободной жизни и неразумностью и бедственностью повиновения властям», которые «произвольно отбирают от людей произведения их трудов для гонки вооружений, для участия в бессмысленных, смертоубийственных войнах», «чувствуется не только страждущими от этого насилия народами, но и лучшими людьми властвующими сословий». Это противоречие нигде «не чувствуется так резко, как в русском народе». Оно обусловлено «нелепой и постыдной войной» с Японией, в которую русский народ был вовлечен правительством, а также сохранением в сельском хозяйстве общины «земледельческого быта» и «живым, христианским сознанием этого народа». Поэтому революция началась именно в России. «Средства же осуществления цели революции», состоящей в освобождении людей, должны быть «иные», чем то насилие, которым до сих пор люди пытались осуществить равенство. Л. Н. Толстой высказывает свои соображения о том, что равенство, которое является одной из целей революции в России, не может быть достигнуто насилием, так как насилие «есть само по себе резкое проявление неравенства». Насилием не может быть достигнута свобода, как одна из целей революции 1905 г. Свержением существующего в России правительства и установлением конституционной монархии или социалистической республики не будет достигнуто решение проблемы свободы.

Писатель не нашел действенных средств установления более справедливого образа жизни. Поэтому его отношение к революции 1905–1907 гг. в России было сложным. С одной стороны, он признавал своевременность и даже необходимость революции как средства разрешения давно назревших в обществе проблем, с другой – он не одобрял те средства, которые использовались революционерами, и те цели, которые они стремились достичь.

Свое отношение к революции Л. Н. Толстой не выразил в каком-то одном фундаментальном произведении – скажем романе, таком же большом, как «Война и мир», но постоянно касался разных аспектов этой темы в своей переписке. Тема революции возникала в переписке Л. Н. Толстого в связи с разными обстоятельствами. Одним из них была необходимая потребность писателя и философа-моралиста высказаться о своем отношении к происходящим в стране революционным событиям, об их значении в настоящем и будущем страны. Кроме того, потребность в такой переписке была связана с необходимостью ответить на вопросы, которые содержались в письмах, приходящих к нему от

его знакомых, друзей и многочисленных почитателей художественного таланта писателя.

Отвечая на их вопросы, Л. Н. Толстой подробно, иногда повторяясь, излагает корреспондентам свое отношение к революционным событиям в стране. Конечно, обстоятельность освещения Л. Н. Толстым разных революционных событий определялась тем, насколько задаваемые корреспондентом вопросы совпадали с толстовскими интересами к этой проблеме. И если совпадали и мыслитель видел это, он пытался максимально подробно развить свою точку зрения по интересующему его корреспондента вопросу. Таким образом, в эпистолярном наследии Л. Н. Толстого имела место событийная оценка происходящего и проблемное рассмотрение перспектив развития революции и ее влияния на настоящее и будущее России. Последнее имело место в переписке с теми друзьями, с которыми он был хорошо и продолжительное время знаком, считался и делился с ними потаенными мыслями о своей роли в происходящих в России революционных событиях.

В письме к В. В. Стасову Л. Н. Толстой предпринимает попытку определить свою роль, свое место в русской революции. Он писал: «Я... не согласен с вами, с приписываемой вами мне роли в нашей революции: ни в том, что я виновник ее, ни, еще менее, в том, что я не признаю ее и желал бы задавить ее.

Мое отношение к революции такое, что я не могу не страдать, глядя на то, что делается, особенно, если допустить, что в происхождении ее есть хоть малая доля моего участия.

Мое отношение такое же, – продолжает Л. Н. Толстой, – какое было бы у человека, советовавшего людям не вкладывать голову в железный ошейник, которым их приковали к цепи, когда бы эти люди вместо того, чтобы перестать самим надевать на себя ошейник, решили бы, что надо переделать ошейник на ножные кандалы и наручники для того, чтобы было удобнее, чем при ошейнике. Да мало того, что люди сами себя заковывают, они еще при этом делают всякие мерзости и, как медные гроши, довольны собой, воображая, что рабски подражая тому, что делалось очень и неумными и нехорошими людьми в Европе, они делают очень важное и полезное дело.

То, что происходит теперь в народе (не в пролетариате), очень важно и, разумеется, хорошо, но не важно и не хорошо то, что делается всеми этими комическими партиями и комитетами. Тот

Герцен, которого вы так любите, наверное, был бы согласен со мною. Тем ходом, как идут дела, если только народ, настоящий народ, сто миллионов мужиков и земледельцев своим пассивным неучастием в насилии не сделает ненужною и безвредною всю эту несерьезную, нужную, раздраженно-самолюбивую ораву, мы непременно придем к военной диктатуре и придем через великое злодейство и развращение, которое уже началось.

Для того чтобы заменить отживший порядок другим, – подчеркивал Л. Н. Толстой, – надо выставить идеал высший, общий и доступный всему народу. А у интеллигенции и у настрашанного ею пролетариата нет ничего похожего – есть только слова, и то не свои, а чужие. Так вот, что я думаю, – продолжает Л. Н. Толстой, – я радуюсь на революцию, но огорчаюсь на тех, которые, воображая, что делают ее, губят ее. Уничтожит насилие старого режима только неучастие в насилии, а никак не новые нелепые насилия, которые делаются теперь». ¹ В письме к своему другу Л. Н. Толстой изложил свою будущую точку зрения на происходившую в России революцию. Ее он повторял, развивал и конкретизировал в переписке со своими корреспондентами в течение нескольких лет.

Студент С.-Петербургского университета Б. И. Книрша 19 января 1905 г. обратился к Л. Н. Толстому с письмом, в котором просил «осветить» происшедшее в Петербурге событие 9 января 1905 г., так как «нравственная сила этого движения» была не ясна для него.

Отвечая ему, Л. Н. Толстой писал: «Рабочие манифестации, по моему мнению, явление искусственное, не выражающее несколько желаний и требований русского народа, большой массы крестьянства. Желание и требование этой массы одно: общность земли, уничтожение частной земельной собственности. Удовлетворение этого требования делает излишним все сложные требования рабочих (прямо перенятые у Европы). Имея землю, народ установит, если и пойдет на заработки, и свои часы, и свою заработную плату». ²

Толстовское учение в период революции 1905–1907 гг. было не популярным и не разделялось даже знакомыми писателя. Знакомый Льва Николаевича Иван Михайлович Трегубов 24 июня 1905 г. писал Толстому о том, что его поражало «стояние на столбу самосовершенствования людей вашего направления без влияния на окружающую жизнь. К счастью, это стояние на стол-

бу, по видимому все более и более теряет свое былое обаяние, и новые христиане рвутся на борьбу со злом не только в самих себе, но и вне себя. Только вы, Чертков и Бирюков продолжаете все говорить о самосовершенствовании, но зато, кажется, только вы одни останетесь на своем столбу... Раньше, когда вы писали книгу «В чем моя вера», вы признавали в социалистах людей, единственно верующих, хотя и заблуждающихся в вопросе о заповеди «не убий», ваши сочинения страстно переписывались и широко распространялись, вербуя массу людей, разделяющих ваши взгляды. А теперь, – продолжал И. М. Трегубов, – когда вы считаете этих самых социалистов совсем заблудшими и даже отрицаете нужду в реформах, ваши сочинения, хотя и печатаются, но очень мало распространяются и еще менее того влияют на людей. Это хорошо я заметил, – продолжал И. М. Трегубов, – за границей, но, к моему ужасу, это я заметил и в Полтаве, даже на тех, которые когда-то так увлекались вашими идеями... Да, молодые и энергичные люди и не могут ограничиться таким пассивным отношением к жизни, и они, не найдя поддержки и выхода своим силам в пассивном христианстве, уходят в ряды борцов далеких от христианства...»³

Отвечая на такое нелicenseприятное письмо спустя два месяца, Л. Н. Толстой писал: «Будем, милый Иван Михайлович, оба и (все) работать для исполнения воли того, кто послал нас в жизнь, как кто понимает его, не свою, волю, и все будет хорошо и для себя, и для других. А главное, не будем спорить, а будем искать точки общения и нам с вами, я думаю, легко их найти».⁴

Л. Н. Толстой дорожил последователями своего учения и людьми, которые находились близко к нему. Поэтому он не обиделся на критику И. М. Трегубова и продолжал сотрудничать с ним в годы Первой русской революции, несмотря на расхождения во взглядах. В период высшего подъема революции осенью 1905 г. И. М. Трегубов в письме к Л. Н. Толстому от 22 октября сообщал ему о том, что он составил «Братское воззвание», призывающее отказаться от насилия, вражды, убийств, и просил писателя «исправить» его. Он намеревался отпечатать воззвание брошюрой и расклеить его по Киеву афишами.⁵ Отвечая Трегубову, Толстой высказал свою точку зрения на происходящие в России «ужасные события», которые требуют участия каждого человека, и «я делаю, что могу». «Уверен, что и вы делаете, что можете. И помогай вам бог. Надо не ослабевая, не унывая де-

лать, что можешь, для уменьшения зла и со смирением и покорностью воле бога переносить сознание безуспешности – на наш взгляд – своей деятельности». ⁶ Толстовский мотив принятия мира таким, каким он есть, звучит здесь очень отчетливо. 20 января 1906 г. Трегубов информировал Толстого о том, что они расширили «наше воззвание» и хотели издать его в Москве. В Киеве партийные газеты не согласились его печатать. ⁷ Последние свидетельствуют о том, что христианско-непротивленческое содержание толстовского учения отвергалось партийной печатью, как левой, так и правой.

Являясь в основном сторонником толстовского учения, И. М. Трегубов, тем не менее, отрицал некоторые его стороны, в частности, негативное отношение Л. Н. к Государственной Думе. 30 мая 1907 г. И. М. Трегубов прислал Л. Н. Толстому свое обращение в Государственную Думу «В защиту гонимых за веру Христову» (об отказывающихся от военной службы). В этом обращении он предлагал военную службу таким лицам заменить работами, которые не противоречили бы их совести, но требовали особого терпения и самопожертвования: уход за душевнобольными, прокаженными и т. п. ⁸ Л. Н. Толстой ответил, что вполне согласен с содержанием обращения в Думу. Однако не подписывает его потому, что «не признает» никаких государственных учреждений, «в особенности такое нелепое, как Дума». ⁹ Мотив антигосударственной настроенности писателя звучит здесь очень отчетливо.

Л. Н. Толстой невысоко ценил свои способности и тем более свою роль в революции, начавшейся в России. В письме к И. Ф. Наживину он писал: «Прочел ваш рассказ «В сумасшедшем доме» и очень бы хвалил его, если бы в нем не было выражений слишком высокого обо мне мнения. Не из ложной скромности, а правда, я не верю, не признаю приписываемого мне некоторыми людьми значения. Рассказ прекрасный, сильный и потому, разумеется, будет не одобрен». В суждении писателя звучит нарочитое подчеркивание противоречия между действительно прекрасным, что представлял рассказ И. Ф. Наживина, и скверным, в лучшем случае заурядным, что печатала российская пресса. Рассказ Наживина был напечатан, в Ясной Поляне его читали вслух, и он очень понравился Л. Н. Толстому. ¹⁰

Размах развернувшихся в России революционных событий был огромным. В письме к Э. Кросби Л. Н. Толстой писал: «Пре-

ступления и жестокости, совершаемые в России, ужасны, но я твердо убежден, что эта революция будет иметь для человечества более значительные и благоприятные результаты, чем Великая французская революция». ¹¹

Вся Россия в 1905 году была охвачена волной забастовок в ее центральных городах, крестьянскими восстаниями, которые охватили ряд губерний юга России, имели место революционные выступления и на окраинах России, в частности, в Гурии. О событиях в этой местности Л. Н. Толстой узнал из письма грузинского писателя И. П. Накашидзе, разделявшего взгляды Л. Н. Толстого. Свое письмо И. П. Накашидзе послал Л. Н. Толстому с М. К. Кипиани, который посетил Л. Н. Толстого в Ясной Поляне 29 января 1905 г. В «Яснополянских записках» Д. П. Маковицкого за 20 марта 1905 г. имеется запись слов Л. Н. Толстого: «За все это время с начала революции в России для меня было только одно радостное событие – гурийцы». В Гурии в 1905 г. имело место революционное выступление крестьян. На первых порах недовольство крестьян носило пассивный характер и выражалось в неподчинении местным властям, в отказе от уплаты податей и т. п.

Л. Н. Толстой высоко ценил выступление крестьян Гурии потому, что в их движении, особенно в его начале, отчетливо прослеживались элементы движения, выражающиеся в ненасильственных действиях. В письме к И. П. Накашидзе Л. Н. Толстой писал о том, что, хотя гурийцы не имеют понятия о моем существовании, «мне все-таки хочется передать им выражение тех чувств и мыслей, которые вызывает во мне их удивительная деятельность. Если вы можете и найдете это удобным, передайте им, что есть такой старик, который двадцать лет только о том и думает и пишет, что все беды людские от того, что люди ждут себе помощи в устройстве жизни от других, от властей, а когда видят, что от властей им нет помощи, то начинают осуждать власти и бороться против них». ¹² «А этого делать не надо, – продолжает Л. Н. Толстой, – а надо делать то, что делают они, гурийцы, а именно, устраивать свою жизнь так, чтобы не нуждаться в властях, надо делать опять то же, что они делают, жить по совести, по Христу, короче по-божьи. Если можно, то передавайте им, какую великую радость испытал этот старик, когда узнал, что то, о чем он думал и писал столько лет и чего ученые и считающие себя мудрыми не понимали и не принимали, что это самое для себя, своим умом и своей совестью решили тысячи лю-

дей, и не только решили, но и провели в дело, и ведут это дело так твердо и хорошо, что соседние люди приезжают к ним, скажите им, что дело это такое же важное и хорошее, что надо все силы употребить (духовные силы: кротости, рассудительности, терпения) для того, чтобы довести его до конца, чтобы быть примером для ближних и дальних людей и быть началом установления царства божия не силою и обманом, а разумом и любовью. Скажите им, – продолжал Л. Н. Толстой, – что не я один, но много и много людей радуются на них, готовы всячески, если возможно и нужно, служить им, что все мы уверены, что, начав такое великое дело и так много уже сделав для него, они не оставят его и будут вести его все так же, показывая пример людям. Скажите им, – напутствует Л. Н. Толстой Накашидзе, – что старый человек этот думает, что главные их силы должны быть направлены к тому, чтобы, как они сами говорят, жить по Христу, по совести, исполняя один и тот же и для христиан, и для магометан, и для всех людей мира закон. Закон этот в том, чтобы любить всякого человека и делать другому то, что хочешь, чтобы тебе делали. Если они будут жить так по-божьи, то никто им ничего не сделает. Если они будут с богом, бог будет с ними, и никто не будет в силах помешать им». ¹³ Л. Н. Толстой очень высоко ценил элементы ненасильственных действий, которые были присущи движению гурийских крестьян. Это было единственно массовое движение, в котором имели место толстовские взгляды.

Отношение Л. Н. Толстого к высшему этапу революции, наступившему осенью 1905 г., зависело от его информированности о тех событиях, которые происходили в столицах. Эти сведения писатель получал из газет и от очевидцев, которые приезжали в Ясную Поляну или писали ему о своих впечатлениях. В письме к отцу Лев Львович в резко отрицательном ключе дал «яркую картину» революционных событий, охвативших Россию. «Ты не можешь себе представить, – писал он отцу, – до какой степени сильно, стихийно непоборимо то движение, которое охватило теперь Россию... учебные заведения закрыты или в них собираются мужчины и переписывают с десятилетними девочками русскую Марсельезу со словами: «Вставай, поднимайся рабочий народ, бей их, злодеев проклятых и т. д.» В городских аудиториях собрания и митинги союзов и обществ, на которых требуется демократическая республика. Сейчас идут страшно интересные собрания рабочих железнодорожников и переплетчиков в Соля-

ном городке, на которые я зашел. В буржуазных домах страх и пустые разговоры, но карты по-прежнему. В войсках брожение и глухое недовольство. Наверху философское и беспомощное бездействие сравнительно с быстротой и движением жизни...»

В отношении борьбы рабочего класса Л. Н. Толстой писал, что «рабочие добиваются только одного – это получать право считаться быть людьми. И они добьются этого, – считал он, – добьются, несомненно, как добились теперешнего права собираться на свои собрания». ¹⁴

Отвечая сыну, Л. Н. Толстой отметил, что все, что он пишет о революционных событиях, происходивших в столицах, он «более или менее знает», однако «ты так хорошо описываешь, что я еще живее почувствовал весь ужас, ужас нравственного упадка нашего общества. Теперь положение внешним образом изменилось, но эта, сдержанная внешними средствами, подавленная злоба людей так же ужасна». ¹⁵ Л. Н. Толстой пишет письмо сыну 27 декабря 1905 г. уже после подавления московского вооруженного восстания. Поэтому он пишет о подавленной внешними средствами «злобе людей». Вся дальнейшая часть большого письма Л. Н. Толстого сыну посвящена нравственным проблемам российского общества. Рассматривая данную проблему, Л. Н. Толстой договаривается до того, что «вся эта общественная деятельность не только никогда не содействует улучшению состояния людей, но самым решительным и верным способом ухудшает ее». Понижение уровня нравственности «выгодно и удобно всем безнравственным людям», под которыми он подразумевал как руководителей разного уровня официальных властей России, так и революционеров. Далее Л. Н. Толстой записывает фразу, которая полностью отрицает всякую революционную деятельность. Он пишет: «Чем безнравственнее люди, тем они усерднее занимаются общественными переворотами». ¹⁶ В этих условиях нерелигиозным людям ничего другого делать нельзя, как делать то, что они делают, пристать к какой-нибудь партии и «бороться, ненавидеть, вредить».

Людям религиозным Л. Н. Толстой рекомендует «жить своей жизнью, исполнять перед богом свой долг, в который входит обязанность жалеть людей, любить их, служить им, чем можешь, но никак не устраивать ту или иную Думу или Учредительное собрание и тому подобные глупости». Условия российской жизни, по мнению писателя, сложные, в них теряешься и путаешься,

сам не знаешь, что хорошо, что дурно, тотчас же входишь во враждебные отношения с людьми. Если думаешь о своих обязанностях перед богом, то все ясно, легко, нет никаких препятствий, кроме как в себе самом находящихся, которые могут быть легко преодолены и «не только не испытываешь вражды к людям, а напротив, испытываешь любовь к ним и вызываешь ее к себе».

Поэтому вердикт Л. Н. Толстого по отношению к жизни всецело проникнут нравственно-религиозным пафосом. «И потому я одного желаю и тебе и всем людям, — пишет он, завершая письмо, — это, чтобы они поняли, что без религии человек есть и злое, и гадкое, и несчастное существо и что самое важное для человека это, если его нет, то установить в себе религиозное отношение к жизни и на основании его относиться ко всем явлениям жизни». ¹⁷ Абсолютизация религиозного отношения к жизни ставила, в данном случае, Л. Н. Толстого вне всех общественных изменений и противоречила какими-то своими сторонами и границами его мировоззрению, излагаемому им в разных документах как до, так и после этого письма.

Взволнованное море российской общественной жизни в годы Первой русской революции привлекло к себе внимание не только тех людей, которые знали, во имя каких целей нужно бороться, какие средства применять в этой борьбе, но и тех людей, которые не знали, какую общественную позицию им занять в обостренной политической борьбе. Поэтому они обращались к нравственному авторитету Л. Н. Толстого, прося его помочь им советом, какую общественно-политическую позицию им занять. Учитель Ф. Х. Граубергер, разделявший взгляды Л. Н. Толстого, 26 января 1905 г. обратился к нему с письмом, в котором призывал писателя вмешаться в текущие события и «воздействовать на обостренные отношения между обществом и правительством».

Отвечая ему, Л. Н. Толстой писал: «Чем сложнее событие, чем раздраженнее жизнь людей вокруг нас, тем большие усилия надо делать, чтобы устоять в том единственном деле божием, к которому мы привязаны и которое не совпадает с той суетой и раздражением, которое охватило теперь русских людей». Выход из этого положения Толстой видел в том, «чтобы смиренно исполнять свое прямое ближайшее дело: увеличение любви в себе и других, а не воображать себе, что я знаю, в чем общее благо, и могу научить ему людей. Только истинно религиозное

чувство, – подчеркивал Л. Н. Толстой, – может противостоять массовому гипнозу».¹⁸

Однако общественная жизнь России в бурные революционные годы не позволяла Л. Н. Толстому всецело оставаться в рамках религиозной идеологии. Об этом свидетельствует переписка писателя с Д. А. Хилковым, в годы Первой русской революции примкнувшим к партии эсеров. Л. Н. Толстой прочел две брошюры Хилкова «О свободе и о том, как она добывается» и «Революция и сектантство», изданные партией социалистов-революционеров. Толстой не согласен во взглядах с Д. А. Хилковым. Он не может принять того страшного риска страданий, вражды и озверения людей, которые вытекают из программных положений партии социалистов-революционеров. Л. Н. Толстой повторяет здесь то положение своего учения, которое заключается в том, что жизнь земную человек должен строить по законам бога. Он повторяет, что «вызывать вражду и убивать людей дурно», и он старается сам не участвовать в этой вражде и убийствах и призывает всех людей, как любимых, так и не любимых, не участвовать в этом. Он считает, что когда мы будем помирать, то «вопросы боевых дружин предстанут совсем в другом свете».¹⁹ Здесь уже Л. Н. Толстой, излагая свое учение, допускает, правда, в негативном плане сравнение учения революционеров с религиозной точкой зрения, которая по-прежнему представляется ему единственно верной.

Обращаясь к И. И. Горбунову-Посадову, Л. Н. Толстой осведомляется у него: нельзя ли теперь напечатать в России его работу «Конец века». Он информировал его о том, что три дня назад послал эту работу В. Г. Черткову, но у него есть другой экземпляр, и просил Горбунова-Посадова, если он согласен напечатать «Конец века», то списаться или телеграфироваться с В. Г. Чертковым, чтобы выход в одном месте не помешал в другом. В качестве обоснования необходимости напечатать «Конец века» Л. Н. Толстой выдвигал следующее: «Время очень важное, можно согрешить и словом, и делом, и мыслью, приняв участие в той или другой стороне борющихся насильем, но можно согрешить и бездействием, когда мог бы сколько-нибудь помочь увлеченным людям опомниться».²⁰

Отвечая на письмо своего знакомого А. М. Водянского, который высказывал мысль о необходимости издания газет христианского направления, Л. Н. Толстой писал, что газету издавать

«не надо». «Пишите, что думаете, – писал он Водянскому, – и помещайте где попало, и голос ваш будет раздаваться и будет услышан теми, кому он родственен. А не поместят в газеты, печатайте в отдельных листках. А нет средств – оставляйте в рукописи. Для мысли нет спеха. Она возьмет свое». ²¹

Одной из основных форм революционной борьбы была массовая стачка. Крестьянин Г. Е. Бычков, в 1906 г. ставший конторским служащим, обратился 27 февраля 1906 г. к Л. Н. Толстому с письмом, в котором спрашивал его: следует ли бастовать и принуждать товарищей к забастовке или же работать? И какая сотня лучше красная или черная? Отвечая ему, Л. Н. Толстой писал: «Ответ мой на ваши вопросы такой: надо поступать всегда, а особенно в делах, от которых могут пострадать люди, по собственному рассуждению и совести, а не поддаваться внушению (гипнозу), как всегда совершаются забастовки.

Сотни же как красная, так и черная, допуская насилия и убийства, одинаково гадки». ²² В ответе мыслителя отчетливо прослеживаются две мысли: 1) в отношении к забастовкам и 2) в отношении к сотням. Если забастовка представляет насилие рабочих над предпринимателем или государством, как правило, в ответ на несправедливость последнего, и это, действительно, должно быть прежде всего не результатом внешнего давления по принципу, делай как все, о второе, тактика сотен, включающая убийства, в том числе и неповинных людей, писателем однозначно отрицалась.

Двумя неделями раньше тот же крестьянин деревни Федорино Калужской губернии обратился к Л. Н. Толстому с вопросом: «Следует ли участвовать в выборе представителей в Государственную Думу и в какую лучше записаться партию, конституционно-демократическую, Союз 17 Октября или Союз русского народа?» На это письмо Л. Н. Толстой отвечал: «Так как я считаю всякое насильническое правительство с войсками, тюрьмами, податями одинаковым злом, при котором не может быть осуществлена справедливость, то для себя полагал бы дурным делом всякое участие в выборе членов какого бы то ни было правительства – монархического, конституционного или республиканского, что же касается до выбора той или иной партии, то я считаю, что участие в какой бы то ни было из них одинаково вредно, как, простите меня за сравнение, одинаково вредно и дурно выпить водкой, вином или пивом». ²³

Последователь религиозно-нравственного учения Л. Н. Толстого Н. Г. Сутковой руководил издательством «Обновление». Он был удивлен тем, что революционеры, понимая, что главное препятствие для осуществления их целей заключается в армии, широко ведут пропаганду в ней. Они охотно распространяют произведения Толстого, особенно направленные прямо против военщины: «Солдатскую памятку», «Письмо к Фельдфебелю» и др.

Л. Н. Толстой не согласился с этим. Он писал, что сознательно употреблять их на дело революции – насилия, зла он не желал. Он считал, что его противовоенные «писания» могут иметь значение, как необходимый вывод из христианского мировоззрения, и он никак не желает придавать им значение для целей, не только чуждых, но и прямо противных ему. Он не хочет, чтобы солдаты стреляли в братьев и вообще в людей. Он хочет, чтобы они воздерживались от этого и чтобы этого не было вообще.²⁴

Напряженно размышляя о судьбах революционного движения в России, Л. Н. Толстой приходил и к более объективному значению его в последующих судьбах России и других стран. В письмах к Г. А. Русанову Л. Н. Толстой писал: «И как в нашей (личной – В. С.) жизни процесс просветления шел не прямолинейно, а зигзагами или спирально, так он проходил и в общественной жизни». «И теперешняя революция много духовно подвинет человечество, которое становится все более и более солидарно. Общение теперь с Китаем, Японией, африканскими народами много содействует взаимному уничтожению суеверий».²⁵

Пензенский мещанин С. И. Епифанов обратился к Л. Н. Толстому с вопросом: как соотносить отрицание Толстым вооруженного восстания со словами Христа «Купи меч». Отвечая Епифанову, Толстой писал: «Я отрицаю не вооруженное восстание, а всякое насилие человека над человеком, не на основании буквы евангельского текста, которому не придаю значения больше всякой печатной бумаги, а на основании здравого смысла, голоса совести и придания мудрости всему человечеству, выраженного и в евангелии. Слова же о двух мечах могут так же мало служить руководством поступков, как слова о взыгравшемся младенце, о бесах, загнанных в свиней, и т. п. Если, как я полагаю, вы молодой человек и вас интересует мой взгляд на революцию, то посылаю вам мои последние писания, которые выражают его». Были посланы С. И. Епифанову следующие произведения Л. Н. Толстого: «Обращение к русским людям. К прави-

тельству, революционерам и народу». СПб. 1906 г. и «О значении русской революции». Изд. «Посредник». М. 1906 г.²⁶

Значительное внимание в годы Первой русской революции Л. Н. Толстой уделял земельному вопросу, поскольку в это время он стал не только теоретическим, но и практическим вопросом, требующим своего разрешения. Отвечая на вопрос своего последователя Дзюбы о том, не бросить ли ему земледелие и идти в город для образования, Л. Н. Толстой писал: «Очень настоятельно советую вам не делать этого. Нет лучшей школы для образования, как земледелие с чтением хороших книг в свободное время и нет формы жизни более разумной и нравственной, чем земледельческая». Л. Н. Толстой дает уничтожающую критику системы образования, принятую в царской России. «То, что часто называют образованием и приобретает в университетах, есть, большей частью, если не всегда, одурение и при этом развращение и самоомнение».²⁷

Критика Л. Н. Толстым буржуазной системы образования, церкви, частной поземельной собственности сопровождалась протестом и осуждением насилия и особенно смертной казни, которые участились в годы революции.

Вопрос о смертной казни вследствие резкого неприятия его Л. Н. Толстым занимал его не только как писателя и социального мыслителя, но и на бытовом семейном уровне. В письме к своей знакомой М. Л. Оболенской Л. Н. Толстой рассказывал о том, как он два дня назад «вышел из себя» вследствие разговора со своими сыновьями Андреем и Львом, которые доказывали ему положительное значение смертной казни. При этом они доказывали отцу, что либерал Самарин, который выступает за смертную казнь, «последователен, а Л. Н. Толстой, ее противник, – нет». После этого Л. Н. Толстой заявил своим сыновьям, что «они не уважают, ненавидят» его, вышел из комнаты, хлопая дверьми, и два дня «не мог придти в себя».²⁸

О резком неприятии насилия в период революции 1905–1907 гг. Л. Н. Толстой писал своему другу пианисту Гольденвейзеру. «Все дело, с моей точки зрения, в том, – подчеркивал он, – что наступило время, когда насилие, узаконенное насилие, допуская мое неосуждаемое, должно быть признано всегда преступлением, не свойственным разумному человеку, и должно быть заменено разумным убеждением, согласием и любовью». Л. Н. Толстой предлагал: «Пора людям понять или скорее увидеть, что

поднявший меч от меча погибает. Замену же насилия разумным согласием и любовью нельзя ждать извне от людей, а надо совершать ее в своей жизни. И потому нельзя не быть достаточно строгим и внимательным к себе в такое время, как теперешнее, чтобы не согрешить ни делом, ни словом, ни мыслью, став на ту или другую стороны людей, борющихся с насилием. Вот мое отношение к событиям, – резюмирует Л. Н. Толстой. А события важные и, я думаю, ведущие к добру, как и вся жизнь».²⁹

Л. Н. Толстой осуждал террор и меры насилия, предлагая бороться с ними христианскими способами. В письме к своему знакомому Л. П. Никифорову, сын которого, А. Л. Никифоров, был казнен за убийство начальника нижегородского охранного отделения полковника Грешнера, Толстой писал: «Думаю, что по силам посылается испытание и что вы еще только больше приобщитесь к тому вечному и бесконечному началу, от которого мы изошли и к которому идем». В конце письма Л. Н. Толстой подчеркивает: «Вы всегда мне были близки, а ваши горести еще более сближают меня с вами».³⁰ Л. Н. Толстой убеждает своего приятеля в том, чтобы он воспринял казнь сына в духе толстовского учения.

Отрицая насилие во всех его формах, правда с разной степенью категоричности, Л. Н. Толстой напряженно размышлял о будущем России, о том, к каким формам государственного устройства приведет революция. В письме к американскому журналисту Эрнесту Кросби он писал: «Не откладывайте своего приезда в Россию до окончания нашей революции. Это будет не скоро. Что касается беспорядков, происходящих сейчас, они только предвестники великой революции, которая, надеюсь, начнется везде одновременно и будет состоять в уничтожении государственной власти».³¹

Эту же мысль писатель, в сущности, повторил в письме к японскому литератору, редактору журнала «The Independent» Кенджио Токутоми. Он писал: «Вы говорите в своем письме о русской революции и о предстоящих в Японии реформах. Я думаю, что лишь одна революция и одна реформа неминуема во всем мире: это не только разрушение всех великих государств, но и вообще всякого государства, освобождение людей от подчинения человеческой власти».³²

Анархическая утопия – вот идеал будущего общественного устройства России в изображении Л. Н. Толстого. Мыслитель

отчетливо представлял себе, что он не только выражает личную точку зрения на происходящие в стране революционные события, но и является выразителем мыслей, идей и настроений многомиллионного народа России. В письме к В. В. Стасову он писал: «Я во всей этой революции состою в звании, добро и самовольно принято на себя, адвоката 100-миллионного земледельческого народа. Всему, что содействует или может содействовать его благу, я радуюсь, всему тому, что не имеет этой главной цели и отвлекает от нее, я не сочувствую. На всякие же насилия и убийства, с какой бы стороны ни происходили, смотрю с омерзением». ³³ Эти слова написаны в разгар Первой русской революции. И написаны они человеку, литературному критику, которого Л. Н. Толстой очень уважал. Думается, что они отражают взгляды писателя и философа-моралиста на его отношение к революции в России.

Примечания:

1. Толстой Л. Н. – Стасову В. В., 20 сентября 1906 г. // ПСС. Т. 76. С. 193–194.
2. Толстой Л. Н. – Книрше Б. И., 24 января 1905 г. // ПСС. Т. 75. С. 208.
3. Трегубов И. М. – Толстому Л. Н., 24 июня 1905 г. // ПСС. Т. 76. С. 15.
4. Толстой Л. Н. – Трегубову И. М., 20 августа 1905 г. // ПСС. Т. 76. С. 16.
5. Трегубов И. М. – Толстому Л. Н., 22 октября 1905 г. // ПСС. Т. 76. С. 47.
6. Толстой Л. Н. – Трегубову И. М., 26 октября 1905 г. // ПСС. Т. 76. С. 47–48.
7. Трегубов И. М. – Толстому Л. Н., 20 января 1906 г. // ПСС. Т. 76. С. 47.
8. Трегубов И. М. – Толстому Л. Н., 30 мая 1907 г. // ПСС. Т. 77. С. 123.
9. Толстой Л. Н. – Трегубову И. М., 1 июня 1907 г. // ПСС. Т. 77. С. 122.
10. Толстой Л. Н. – Наживину И. Ф., 30 января 1905 г. // ПСС. Т. 75. С. 212.
11. Толстой Л. Н. – Кросби Э., 15 июля 1905 г. // ПСС. Т. 76. С. 5.
12. Толстой Л. Н. – Накашидзе И. П., 1 февраля 1905 г. // ПСС. Т. 75. С. 215–216.
13. Там же. С. 216.
14. Толстой Л. Л. – Толстому Л. Н., 28 ноября 1905 г. // ПСС. Т. 76. С. 71–72.
15. Толстой Л. Н. – Толстому Л. Л., 27 декабря 1905 г. // ПСС. Т. 76. С. 70.
16. Там же. С. 71.
17. Там же.
18. Толстой Л. Н. – Граубергеру Ф. Х., 30 января 1905 г. // ПСС. Т. 75. С. 211.
19. Толстой Л. Н. – Хилкову Д. А., 16 июля 1905 г. // ПСС. Т. 76. С. 7.

20. Толстой Л. Н. – Горбунову-Посадову И. И., 11 ноября 1905 г. // ПСС. Т. 76. С. 49–50.
21. Толстой Л. Н. – Водянскому А. М., 1 января 1906 г. // ПСС. Т. 76. С. 74.
22. Толстой Л. Н. – Бычкову Г. Е., 1 марта 1906 г. // ПСС. Т. 76. С. 112.
23. Толстой Л. Н. – Бычкову Г. Е., 13 февраля 1906 г. // ПСС. Т. 76. С. 97.
24. Толстой Л. Н. – Сутковому Н. Г., 30 июня 1906 г. // ПСС. Т. 76. С. 173.
25. Толстой Л. Н. – Русанову Г. А., 18 февраля 1906 г. // ПСС. Т. 76. С. 102–103.
26. Толстой Л. Н. – Епифанову С. И., 17 января 1907 г. // ПСС. Т. 77. С. 16.
27. Толстой Л. Н. – Дзюбе А. Т., 1 апреля 1906 г. // ПСС. Т. 76. С. 135.
28. Толстой Л. Н. – Оболенской М. Л., 14 июля 1906 г. // ПСС. Т. 76. С. 177–178.
29. Толстой Л. Н. – Гольденвейзеру А. Б., 11 ноября 1905 г. // ПСС. Т. 76. С. 49.
30. Толстой Л. Н. – Никифорову Л. П., 20 августа 1905 г. // ПСС. Т. 76. С. 15.
31. Толстой Л. Н. – Кросби Э., 25 апреля 1906 г. // ПСС. Т. 76. С. 138.
32. Толстой Л. Н. – Токутоми К., 25 апреля 1906 г. // Там же.
33. Толстой Л. Н. – Стасову В. В., 18 октября 1905 г. // ПСС. Т. 76. С. 45.

ГЛАВА IV. ОТНОШЕНИЕ Л. Н. ТОЛСТОГО К ТАКТИКЕ ТЕРРОРА РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ И ПРАВИТЕЛЬСТВА РОССИИ

Если произведения Л. Н. Толстого, его письма и дневники представляют внутреннюю содержательную сторону отношения Льва Николаевича к террору и дают возможность проанализировать и раскрыть сущность его взглядов по интересующему нас вопросу, то свидетельства его близких, родных, его визитеров, его окружения дают возможность существенно дополнить картину, показать выход взглядов Л. Н. Толстого в общественную жизнь России, ее печать, реакцию разных слоев российского общества на взгляды великого писателя, отношение к ним людей разной политической ориентации.

Особенно ценными в этом отношении являются свидетельства, содержащиеся в дневнике его врача Д. П. Маковицкого, который он вел в течение 6 лет (1904–1910) и в котором, как правило, за редчайшими исключениями записывал ежедневные беседы Л. Н. Толстого с его современниками, его суждения по важнейшим вопросам политики царского правительства и событиям российской общественно-политической жизни. Такой источник позволяет отслеживать и существенно дополнять взгляды Л. Н. Толстого по отношению не только к террору революционеров и правительства, но и по другим вопросам, в частности, аграрному, о чем мы будем подробно говорить ниже.

Д. П. Маковицкий приехал в Ясную Поляну 26 октября 1904 г. С этого дня начинаются подробные записи в его дневнике. Одна из первых записей, относящихся к террору, касается убийства эсером Балмашевым министра внутренних дел России Сипягина. По этому поводу Л. Н. Толстой заявил: «Об убийстве Сипягина нельзя судить с той точки зрения, что положение (в России – В. С.) облегчилось; можно было предвидеть, что дальнейшее терпение открыло бы глаза на более глубокие причины и способы излечения государственного зла» (Маковицкий Д. П. Указ. соч. Кн. 1. С. 98). То есть уже здесь, еще до начала первой русской революции, Л. Н. Толстой высказывает точку зрения на террор, согласно которой он не является эффективным способом решения стоявших перед Россией социально-политических и социально-экономических задач.

Л. Н. Толстой осуждал террор в любой его форме и с любой стороны, от кого бы он ни исходил – от революционеров или от правительства. Он был убежден в его бессмысленности и неэффективности. Когда Александра Львовна, Т. А. Кузьминская и М. А. Эрдели привезли в Ясную Поляну известие о том, что великий князь Сергей Александрович убит в Кремле бомбой, брошенной эсером И. П. Каляевым, Л. Н. Толстой «был потрясен этим известием», «он прямо физически страдал» и говорил: «Что же после убийства Александра II лучше стало? Есть и были Треповы, которые вынюхают, засадят, перевешают участников убийства. Все: Лева, Стахович и так далее – учат, учат, а сами не умеют своих дел вести, не умеют самовар поставить, жить». ¹ По поводу убийства Сергея Александровича Л. Н. Толстой заметил: «Ужасно, хуже будет». И это ухудшение жизни в России он предвидел в усилении террора с обеих сторон. Последний он понимал как негодное средство действия для достижения целей.

Революция 1905–1907 гг. характеризуется масштабным выступлением народных масс. Высшей точкой ее является Октябрьская всеобщая стачка и декабрьское вооруженное восстание, а также майские вооруженные восстания матросов в Кронштадте и Свеаборге. После этого революция медленно с боями отступала. Это отступление сопровождалось нарастанием волны индивидуального террора революционеров (прежде всего партии социалистов-революционеров), а также и правительства, введшего военно-полевые суды.

Подавление с их помощью революционного движения являлось для царского правительства действием в составе трех мероприятий: создание Государственной думы, проведение аграрной столыпинской реформы и «скорострельной юстиции», то есть военно-полевых судов, направленных против террористической тактики партии социалистов-революционеров.

В этой главе мы будем рассматривать отношение Л. Н. Толстого к террору правительства царской России – введению военно-полевых судов – и к тактике индивидуального террора партии социалистов-революционеров. Сразу же подчеркнем, что при различных нюансах во взглядах Л. Н. Толстого на террор он всегда был в принципе против насилия и убийства. Однако при этом он все же проводил различие между террором царского правительства и революционеров.

Отрицая в принципе тактику индивидуального террора революционеров, он все же находил смягчающие обстоятельства, заключающиеся в том, что революционеры были раздроблены, не имели одного руководящего центра. 15 августа 1906 г. он говорил Джонсу: «У революционеров нет центральной организации, поэтому они не могут остановить террор. Правительство может». ² Размышляя о путях прекращения террора, Л. Н. Толстой видел их в нравственном совершенствовании народа, особенно молодежи. «Мне в мои старые годы видно ясно, что единственное спасение (от грабежей, убийств) — доброта», ³ — писал он. Л. Н. Толстой говорил о том, что «революционеры стоят выше, чем всякие консерваторы и люди, которые думают, что можно жить по-старому. Революционеры правы в том, что требуют перемены, ошибка их в том, как и на что переменять». ⁴

Л. Н. Толстой осуждал последовательно и бескомпромиссно террор как средство достижения цели революционеров — перемены в общественном устройстве жизни. Из вышеприведенной цитаты можно заключить, что он признавал за революционерами право на борьбу за изменение условий общественной жизни. Однако какие это изменения, зависело от политических партий: у кадетов они были одни, у социалистов-революционеров — другие, у социал-демократов — третьи, причем у последних, в свою очередь, они существенно различались, у правого и левого крыла, у большевиков и меньшевиков.

Внутрипартийные разногласия, а также различия политических программ партий Толстым не рассматривались и не анализировались. А поскольку мы рассматриваем в данном случае отношение мыслителя к террору, то надо полагать, что он имел в виду партию эсеров. Они были популярными в годы первой русской революции. Волна революционной борьбы вознесла их на ее гребень. Однако в этом выражалась и незрелость масс, и неподготовленность их к этой борьбе, и непонимание ее целей, причин и конечных результатов.

Террор являлся, с одной стороны, результатом недооценки эсерами массовой революционной борьбы, а с другой — средством раскачивания масс и включения их в эту борьбу. Он был результатом борьбы одиночек и рассматривался как эксциситивное (возбуждающее) средство для вовлечения масс народа, прежде всего крестьянства, в революционную борьбу.

Однако в действительности он приводил к поединку одиночек с царским самодержавием. И поскольку после этого включения масс в борьбу не происходило, для этого требовался новый террористический акт. В конце концов, поняв, что массы народа не включаются активно в революционную борьбу, эсеры по мере ее затухания решили массовым террором против сколько-нибудь верных слуг самодержавия включить их в эту борьбу.

В результате этого правительство России по инициативе П. А. Столыпина на террор революционеров ответило своим террором и ввело военно-полевые суды. В России каждый день стали совершаться казни. Это возмущало Л. Н. Толстого до глубины души. 27 марта 1908 г. в беседе с одной монахиней, приехавшей в Ясную Поляну, Л. Н. Толстой говорил: «Каждый день десять казней!.. Это ужасно... Ужасаюсь на казни...»⁵ Чашу терпения писателя и философа переполнило сообщение, опубликованное в газетах «Русские ведомости» и «Русь» соответственно от 9 и 11 мая 1908 г., о повешении 20 крестьян, осужденных военно-окружным судом за разбойное нападение на усадьбу помещика Лубенко в Елизаветградском уезде Херсонской губернии. Цифра 20 оказалось ошибочной. В действительности было казнено 12 крестьян.

13 мая 1908 года Л. Н. Толстой набросал первый вариант статьи, посвященной данному вопросу, не имеющей еще названия. В ней он в очень резкой форме осудил тех политических деятелей России, которые, по его мнению, являлись главными виновниками развязанного правительством террора против революционеров, – Петра Столыпина и Николая Романова. Первоначальный текст статьи подвергся им значительной переработке, которая выразилась в том, что он убрал имена политических деятелей и значительно смягчил резкие выражения в их адрес. Весь пафос статьи теперь был направлен против смертной казни, развязанной правительством России, как явления, противоречащего человеческому разуму и «омерзительного» по своей сущности.

В примечании к первой странице своего труда Л. Н. Толстой писал о том, что он «только рад» тому, что газеты ошиблись и вместо 20 крестьян было казнено 12, «все остальное» содержание памфлета он оставляет без изменений, так как все сказанное им относится не к одним двенадцати казненным, а «ко всем тысячам, в последнее время убитым и задавленным людям».⁶

Говоря о бесчеловечности смертных казней и осуждая их, Л. Н. Толстой сравнивает террор правительства России и революционеров: «Вы, правительственные люди, – с возмущением писал он, – называете дела революционеров злодействами и великими преступлениями, но они ничего не делали и не делают, чего бы вы не делали, и не делали в несравненно большей степени. Так что, употребляя те безнравственные военные средства, которые вы употребляете для достижения своих целей, вам-то уж никак нельзя упрекать революционеров. Они делают то же самое, что и вы: вы держите шпионов, обманываете, распространяете ложь в печати, и они делают тоже; вы отбираете собственность людей посредством всякого рода насилия и по-своему распоряжаетесь ею, и они делают то же самое; вы казните тех, кого считаете вредными – они делают тоже. Все что вы только можете привести в свое оправдание, они точно также приведут в свое, не говоря уже о том, что вы делаете много такого дурного, чего они не делают: растрату народных богатств, приготовление к войнам и самые войны, покорение и угнетение своих народностей и многое другое». ⁷

«Так в чем же различие террора революционеров и правительства», – спрашивает Л. Н. Толстой? Прежде всего в цели. Правительство хочет, чтобы все в обществе оставалось по-старому, а революционеры хотят «перемен». «Во всем же остальном, – подчеркивает Толстой, – они делают только то самое, что вы делаете, и теми же самыми средствами... Они не только ваши ученики, они – ваше произведение, они ваши дети». ⁸

«И все же, если есть разница, – продолжает Толстой, – между вами и ими, то никак не в вашу, а в их пользу. Смягчающие для них обстоятельства заключаются, во-первых, в том, что их злодеяния совершаются при условии большей личной опасности, чем та, которой вы подвергаетесь, а риск, опасность оправдывают многое в глазах увлекающейся молодежи.

Во-вторых, в том, что они в огромном большинстве своем молодые люди, которым свойственно заблуждаться, вы же – большей частью люди зрелые, старые, которым свойственно разумное спокойствие и снисхождение к заблуждающимся.

В-третьих, смягчающие обстоятельства в их пользу еще в том, что как ни гадки их убийства, они все-таки не так холодно – систематически жестоки, как ваши Шлиссельбурги, каторги, виселицы, расстрелы.

Четвертое, смягчающее вину обстоятельство для революционеров в том, что все они совершенно определенно отвергают всякое религиозное учение, считают, что их цель оправдывает средства, и поэтому поступают совершенно последовательно, убивая одного или нескольких, для воображаемого блага многих. Тогда как вы, правительственные люди, начиная от низших палачей и до высших распорядителей их, вы все стоите за религию, за христианство, ни в каком случае несовместимое с совершаемыми вами делами».⁹

Толстой – гениальный художник слова, и он не может не воспользоваться этим в своем политическом памфлете. Он рассказывает, как его знакомый художник задумал картину «Смертная казнь» и ему нужно было для натуры лицо палача. Он узнал, что в Москве дело палача исполнял сторож-дворник. Художник пошел к нему домой. Это было на святой. Разряженные семейные сидели за чайным столом. Хозяина не было, он спрятался на чердаке. Художник объяснил его жене, зачем ему нужен ее муж – для картины. Чтобы задобрить хозяйку художник пообещал взять к себе на выучку мальчика-сына. Она вышла и через некоторое время вернулась, а за ней шел глядящий исподлобья, мрачный, беспокойный, испуганный хозяин. Он долго выпытывал у художника, почему для картины нужен именно он. Он подробно выпытывал у него где, когда, в какой одежде он его встретил. И, в конце концов, он отказался позировать.

«Палач знал, – пишет Толстой, – знал, что он делает дурно и что за это его ненавидят много людей». И он боится их, и этот страх, по свидетельству Л. Н. Толстого, искупает хотя бы часть его вины.

«Вы же, – обращается он к правительству России, – от секретаря суда до главного министра и царя посредственные участники ежедневно совершаемых злодеяний, вы как будто не чувствуете своей вины и не испытываете того чувства стыда, которое испытывал дворник-палач».

«Правда, – продолжает Л. Н. Толстой, – вы боитесь за совершаемые вами преступления, и этот страх у вас тем больше, чем более высокий пост вы занимаете». Толстой ставит перед собой задачу не мириться с ежедневными казнями, а осудить их, не молчать, а обличить их и посвятить этому свою жизнь. «Да подумайте, все вы, – писал он, завершая памфлет, – от высших до низших участников убийств, подумайте о том, кто вы, и пере-

станьте делать то, что делаете. Перестаньте – не для себя, не для своей личности и не для людей, не для того, чтобы люди перестали осуждать вас, но для своей души, для того бога, который, как вы ни заглушаете его, живет в вас». ¹⁰

Памфлет Л. Н. Толстого написан горячо и страстно. Это не художественное произведение, а написанный резким, хлестким стилем публицистический трактат, которым он хотел воздействовать на правительство России, на проводимую им политику в отношении смертных казней.

2 июня Д. П. Маковицкий записывает: «2 июня (1908 г. – В. С.) Л. Н. вчера кончил «Не могу молчать». Сегодня переписали в трех экземплярах... Л. Н. сегодня послал «Не могу молчать» Черткову в Петербург для напечатания. Марии Александровне знакомой и соседке Толстого по имению больно за эту статью. Это не он Л[ев] Н[иколаевич]. Писал не с любовью, а с озлоблением, – говорит Мария Александровна». ¹¹

Массовые казни революционеров, совершавшиеся в 1907–1908 гг. вызвали у Л. Н. Толстого не только основанное на рациональной основе неприятие их, но и эмоциональный гнев, который нашел выражение в его публицистике.

Л. Н. Толстой очень хотел и неоднократно пытался осудить террор царского правительства революционеров художественно. Об этом свидетельствуют многочисленные варианты его рассказа «Кто убийцы? Павел Кудряш». История писания и печатания. ¹² Содержание сохранившихся набросков рассказа сводится к тому, как деревенский юноша Павлуша уехал в Москву, поступил работать на парфюмерную фабрику, получал 18 рублей в месяц и хорошо присылал домой.

Толстой эскизно описывает образ жизни Павла в Москве, его попытки читать книги, его мысли о смысле жизни, о том, для чего стоит жить, о несправедливостях жизни, о богатстве одних и бедности других. То общество рабочих и интеллигентов, в котором Павел жил и с представителями которого он общался, приобщило его, как внимательного и читающего молодого человека, к деятельности местного комитета партии социалистов-революционеров. Комитет поставил перед собой задачу: для усиления пропаганды необходимо приобрести и создать подпольную организацию, а для этого были необходимы деньги. Их нужно было срочно достать. Возникал вопрос: где и как? Ответ вытекал из программы и практической деятельности партии со-

циалистов-революционеров – путем экспроприации, которую было решено произвести путем изъятия денег из кассы парфюмерной фабрики, на которой работал Павел.

Л. Н. Толстой в яркой художественной форме, правда фрагментарно, описывает то смятение чувств, которое охватывает Павла, когда он узнает о том, что именно ему и Аносову поручено сделать это. Экспроприация первоначально удалась, деньги из кассы были взяты. Однако вследствие того, что хозяин фабрики М. Б. Шиндель выбежал из двери кассы и закричал: «Держи!», завязалась потасовка между экспроприаторами и дворниками, во время которой Павел выстрелил несколько раз в воздух, заявил Аносову: «Стреляй ты – я не могу» и пустился бежать, но был пойман и избит толпой людей, которые собрались, услышав выстрелы. Описывая переживания Павла в тюрьме, Л. Н. Толстой выделяет противоречия в его мыслях: он не должен был бояться, а должен был стрелять в хозяина и в татарина-дворника. Надо было не мимо, а в него стрелять. «Ведь не для себя, а для спасения народа делалось то, что делалось». Эта уже набившая ему оскомину мысль противоречила его мыслям о доме, о матери. Общечеловеческое в Павле во время стычки с дворниками и народом вступило в резкое противоречие с групповым, классовым, партийным, и в этом кратком по времени конфликте общечеловеческое, привитое ему за полтора десятка лет крестьянской жизни, победило, оставив время в тюрьме на то, чтобы спокойно анализировать свои неудачи и просчеты.

Л. Н. Толстой остановился и не мог закончить рассказ, не смог рассказать о том, как и почему крестьянский юноша допустил промах во время первого же революционного акта и каковы будут его дальнейшие шаги на революционном поприще.

Однако эта тема продолжала его волновать. Об этом свидетельствует его отношение к революционной проблематике и к высшим формам ее проявления – террору и смертным казням – в произведениях других писателей. Л. Н. Толстой с определенной симпатией относился к революционерам, но не одобрял их средства достижения новых целей, а именно, насилие и террор как высшую степень революционной борьбы, которая явно противоречила основам его учения. Поэтому преодолеть ее он не мог. Отсюда и неудачи художественного изображения им революционной борьбы.

Однако понимая, что художественное изображение революционной борьбы у него не получается, Л. Н. Толстой с большим сочувствием следит за попытками других писателей в данном отношении. Издатель Э. О. Левинсон послал Л. Н. Толстому корректуру рассказа Л. Д. Семенова «Отрывки», который он намеревался издать. Свой отзыв на рассказ Л. Н. Толстой сообщил Л. Семенову. Откинув «все ненужное, лишнее» он послал рассказ редактору «Вестника Европы» М. М. Стасюлевичу.¹³

Представляет определенный интерес, как и за что сам Л. Н. Толстой оценил произведение Л. Д. Семенова и как это зафиксировали лица его окружения. 10 мая 1908 г. Л. Н. Толстой писал Л. Д. Семенову: «... корректурные листы вашего писания, которые я получил от Левинсона и вчера прочел вместе с Горбуновым и Гусевым, заслуживают того, чтобы высказать о них мое мнение. Начало слабо: не ясно, автор хочет слишком многое сказать и не может сказать ясно и просто, и сильно. Нет строгой последовательности мысли и нет яркости, художественности, нет определенных образов. Есть много мыслей, намеков, мне близких, понятных, но все расплывчато и даже, кажется, многословно. Так что до «Храма». Но и тут с самого начала заключенных, их духовного состояния и казни: инженер, гимназист, священник, доктор, сын дьякона, да все, все это превосходно, так хорошо, что не могу себе представить ничего лучше. То же впечатление произвело на Горб[унова] и Гусева. Я не мог говорить от слез, душивших меня. Непременно надо стараться напечатать».¹⁴

В письме от 6 июня 1908 г. Л. Н. Толстой писал Л. Д. Семенову о его таланте и умении выражать чувства людей. «Но я все-таки рад за вас, что у вас есть эта способность, выражать свои чувства, заражать этими чувствами других. Знайте, – внушал Л. Д. Семенову Л. Н. Толстой, – это она есть в вас, держите в себе эту силу, и, вероятно, придет время, когда она понадобится и вам, и людям».¹⁵

Направив рассказ Л. Д. Семенова редактору «Вестника Европы» М. М. Стасюлевичу, Л. Н. Толстой в сопроводительном письме писал: «Посылаю Вам отрывок рассказа Леонида Семенова. По-моему, это вещь замечательная и по чувству и по силе художественного изображения. Хорошо было бы ее напечатать и напечатать поскорее. Это желание мое напечатать поскорее напоминает мой давнишний разговор с Островским. Я когда-то написал пьесу «Заряженное семейство», прочел ее ему и говорил, что

я желаю, чтобы она поскорее была напечатана. Он сказал мне: «Что же или ты боишься, что поумнеют?»

Слова эти были совершенно уместны по отношению к той моей плохой комедии, но теперь это другое дело. Теперь нельзя не желать того, чтобы поумнели и прекратились эти ужасы, но хотя и нельзя надеяться; всякое искреннее слово, выражающее возмущение против совершающегося, я думаю, полезно». ¹⁶ Интересно то, что Л. Н. Толстой сравнивает рассказ Л. Д. Семенова с некоторыми своими произведениями, причем сравнение дается в его пользу, а не Л. Н. Толстого. Рассказ Л. Д. Семенова был опубликован в «Вестнике Европы» под названием «Смертная казнь» в августовском номере за 1908 г.

Д. П. Маковицкий в своих «Яснополянских записках» приводит некоторые дополнительные подробности, свидетельствующие о высокой оценке писателем рассказа Л. Д. Семенова.

9 мая 1908 г. Д. П. Маковицкий записывает в своем дневнике: «Утром был брат Григорий с письмом от Леонида Семенова ко мне (т. е. Маковицкому Д. П. – В. С.). Приехал ко Льву Николаевичу, чтобы проверить себя (в отношении своих взглядов – В. С.) и уехал успокоенный. Сказал мне: «Лев Николаевич и я – одна копна, во всем согласен с ним». Он крестьянин 40 лет из деревни деда Леонида Семенова. Писал Леониду, когда тот, как революционер, был заключен на 11 месяцев в курскую тюрьму и склонял его к доброте. Леонид потом к нему приехал жить в деревню и работал у него прошлое лето и у них харчевался и теперь работает».

О художественном таланте Л. Семенова Д. П. Маковицкий пишет следующее: «Вечером с 8³⁰ до 10 Л. Н. с Николаем Николаевичем читали в кабинете описание казни пятерых – Л. Семенова. Очень сильно действует. Л. Н. был тронут, потрясен, и Николай Николаевич и Иван Иванович не могли нахвалиться Семеновым, как художником-писателем». Л. Н. Толстой же по этому поводу выразился так: «А заметьте, – говорил Л. Н. им, когда прошли из кабинета в залу, – доктор пьяный, а священник добрый, но начальство – оно знает, что делает (священник оправдывает свое неохотное, вынужденное участие в казни). Если бы написал революционер, доктор был бы хороший, а священник – злой».

О самом писании Л. Семенова Л. Н. Толстой выразился так: «Вначале декадентски неопределенно; приуныли, не знали, что

фантазия, что правда. Потом сразу захватывающе ясно, в нескольких словах, а главное сюжет – о казнях (Должно быть все правда). Ах, как это хорошо, – говорил Л. Н. взволнованным голосом и со слезами на глазах. – Морально эта вся наша революция, с этими казнями, она не пройдет, как она прошла в Европе, она сказывается. Сегодняшние впечатления: такие ужасы, которые описал Семенов ... но видно в этом нарушение любви». ¹⁷

Свидетельством высокой оценки Л. Н. Толстым рассказа Л. Семенова является то, что он Л. Н. Толстым и его окружением рассматривался неоднократно. 20 мая 1908 г. «Л. Н. прочел вслух середину рассказа Леонида Семенова о казни пяти революционеров. Он и все мы были тронуты до глубины души. Л. Н-чу голос изменил, доканчивала чтение Софья Александровна».

Л. Н.: «Удивительно, как хорошо. Это одна из вещей chef d'œuvre. Как это художественно сложено, какие подробности: «Было без семи минут три» – и всегда верные и на своем месте. Заставляют меня переживать. Все эти чиновники ругают правительство. Они себя подстегивают к жестокости, которая им несвойственна». Кто-то из присутствующих при этом разговоре заметил, что «Леонид Семенов, должно быть, присутствовал при казни, был очевидцем».

Знакомый Л. Н. Толстого П. А. Сергеенко назвал Л. Семенова «душевидцем» и стал рассказывать про «Семь повешенных» Леонида Андреева в альманахе «Шиповник», который привез с собой для Льва Николаевича. Он говорил, что в этом рассказе чувствуется влияние «Божеского и человеческого».

Л. Н. Толстой по этому поводу заметил, что «в «Божеском и человеческом» описание того, что переживают в душе приговоренные и исполняющие приговор, несравненно ниже, чем у Леонида Семенова. Ни у Андреева, ни у кого другого не знаю такого описания: удивительно художественно».

Когда кто-то из присутствующих заметил, что Л. Семенов не хочет этот рассказ печатать, Лев Николаевич заметил, что «за двадцать лет ничего такого, что бы можно было сравнить с этим рассказом, не появилось». ¹⁸ Такой высокой оценки художественной стороны произведения у Л. Н. Толстого, пожалуй, мы больше нигде не найдем.

В своей переписке, которая являлась формой его связи с внешним миром, Толстой уделял большое внимание проблеме насилия. С помощью переписки в условиях отсутствия совре-

менных средств информации писатель поддерживал связи с внешним миром. Своим друзьям и единомышленникам он доверял иногда самые потаенные мысли о новых произведениях, о своих отношениях к определенным общественным событиям, в частности о революции 1905–1907 гг. и т. п.

В письме Г. А. Русанову Л. Н. Толстой писал о том, что в России «совершаются большой важности события». «Думаю и надеюсь, что они будут иметь и великие последствия, но, разумеется, не те, которых ожидают те, кто их производит. Написал об этом статью «Конец века», в которой высказываю то, что думаю о могущих и долженствующих быть великих последствиях». ¹⁹

Революционное обновление российского общества «совершается с необыкновенной быстротой и правильностью», — писал Л. Н. Толстой В. В. Стасову. «Быть недовольным тем, что творится, все равно, что быть недовольным осенью и зимой, не думая о той весне, к которой они нас приближают». ²⁰ Понятие закономерности общественного развития, его неодолимости и естественности сказывается у писателя со всей определенностью, хотя, разумеется, писатель не делает отсюда соответствующих выводов.

Протест Толстого против насилия, творимого властями России в отношении отказников от службы в армии, выразился в его письме, направленном в редакцию газеты «Русские ведомости». В нем он писал, что ссылка отказников в прошлые времена в Якутскую область при всей ее тяжести была все же легче дисциплинарного батальона. Письмо Л. Н. Толстого было опубликовано в газете 3 декабря и последствий не имело. Двух крестьян, за которых он ходатайствовал, оставили в дисциплинарном батальоне. Однако публикация письма вносила мощный голос Л. Н. Толстого в общий хор протеста против системы насилия и угнетения, существовавшей в России. ²¹

В письме к сыну Льву писатель отмечал, что «вся эта общественная деятельность не только никогда не содействует улучшению состояния людей, но самым решительным способом ухудшает ее. Ухудшает тем, что, как мы видим это теперь, страшно понижает уровень нравственности. А понижение уровня нравственности выгодно и удобно всем людям безнравственным, а потому, чем безнравственнее люди, тем они усерднее занимаются общественными переворотами». ²² В письме отчетливо звучит мысль о том, что верующие люди не должны заниматься обще-

ственной борьбой, а должны заниматься теми делами, которые угодны Богу, а именно: любить людей, жалеть их, а не устраивать «ту или иную думу или учредительное собрание. Изменения к лучшему при такой постановке вопроса вытекают из внутреннего совершенствования людей или из ненасильственных действий, как это было в Индии во времена Махатмы Ганди».

О том, каким путем это сделать, Л. Н. Толстой говорил в письме к А. М. Водянскому. Толстой согласен с А. М. Водянским в том, что «желательно бы было, чтобы в печати раздавался голос, обсуживающий события нашего времени не с партийной точки зрения, но с высшей, христианской, примиряющей». ²³ И такие голоса раздаются в разных печатных органах. Создание для этого специального печатного органа писатель считал нецелесообразным, поскольку такие его черты, как «периодичность», «обязательность», Л. Н. Толстой считал несовместимыми с серьезностью, искренностью и обдуманностью. Всякий протест против насилия и произвола писатель считал полезным. «Для мысли нет спеха. Она возьмет свое», – писал он.

В письме к А. В. Толстой – жене его сына Михаила – Л. Н. Толстой писал: «Отвечаю на твой ужас и удивление перед зверством людей. Не скажу, чтобы я не испытывал теперь мучительного чувства негодования, сострадания и отвращения от того, что делается, но я не испытываю ни малейшего ни удивления, ни ужаса». ²⁴ И Толстой излагает своей снохе «тот ужас», который он испытал 25 лет тому назад, когда он перешел с позиций «мировоззрения богатых классов» на мировоззренческие позиции простого народа. Первые живут, как животные, не подчиняясь никаким абсолютно законам, кроме своей выгоды и приятности. Человека, у которого нет высших духовных законов, которым он, несмотря ни на какие страхи и страдания, повинуетя, является «животным». Понимая, что он повторяет жене сына уже многократно сказанное им, он все-таки это говорит, рассчитывая, что это она сможет передать своим детям.

Л. Н. Толстой придавал большое значение точности переводов и аутентичности изданий своих произведений за границей и в России. Поэтому он передал право на их издание В. Г. Черткову, к которому он через газеты «Новое время» и «Русские ведомости» просил обращаться людей и организации, желающие издать его сочинения. ²⁵ Данное письмо было написано Л. Н. Толстым по совету В. Г. Черткова, поскольку 24 ноября 1905 г. были

опубликованы «Временные правила о печати» об отмене общей и духовной цензуры повременных изданий, после чего многие издатели начали публикацию в периодических органах ранее запрещенных произведений Л. Н. Толстого и других авторов.

Авторитет Л. Н. Толстого в кругах российской интеллигенции был достаточно велик. Об этом свидетельствует письмо к нему В. А. Шейермана, сына врача, который раздал принадлежавшую ему землю крестьянам и через Л. Н. Толстого решил обратиться к другим землевладельцам с предложением последовать его примеру. Л. Н. Толстой не только одобрил его поступок и письмо, назвав его «прекрасным», но и обратился к редактору газеты «Новости дня» с просьбой содействовать помещению этого письма в газетах.²⁶

Из письма к А. Л. Толстой мы узнаем, что В. А. Шейерман раздал крестьянам 840 десятин земли и Л. Н. Толстой обращался в газеты «Новое время», «Русь» и «еще куда-то с моим маленьким письмом» с просьбой, чтобы другие землевладельцы последовали его примеру, а дочери он советует перейти полностью на позиции его мировоззрения, и тогда она будет счастлива.²⁷

Члены семьи В. А. Шейермана были недовольны его поступком – отдачей земли крестьянам. Поэтому он 31 января 1906 г. обратился к Л. Н. Толстому с вопросом: как ему быть в этих условиях. В ответном письме писатель подробно объяснил ему, что такое отношение людей к поступку, вызванному другим мировоззрением, естественно. Он писал, что дети и жена В. А. Шейермана не могут сочувствовать поступкам, «вызванным вашим душевным состоянием». Сочувствовать изменению мирозерцания, замене мирских взглядов христианскими нельзя. Можно разделять или не разделять его. А не разделяя, не только не сочувствовать, но нельзя не относиться к этому враждебно.

Что касается членов его семьи, то Л. Н. Толстой считал, что В. А. Шейерман должен относиться к ним «без раздражения» или, по крайней мере, не обнаруживать «раздражения». Нужно быть внимательным к себе, чтобы «не заразиться их раздражением», понимать их и «не переставать любить их». Толстой рекомендует Шейерману «поступать независимо от того, приятно или неприятно это будет людям, а только по тому, насколько поступки приятны богу». В отношении же людей главное дело в том, чтобы пребывать в любви к ним, то есть не испытывать к ним недоброжелательства, хотя бы они ненавидели и оскорбляли

вас. «Надо, – подчеркивал Л. Н. Толстой, – сделать то, чего требует совесть, и, понимая их положение, не переставать любить тех, кому неприятен твой поступок». ²⁸

Объяснение, данное Л. Н. Толстым, вполне в духе толстовской теории непротivления. Писатель очень дорожил основами своего мировоззрения, и он не допускал мысли об изменении каких-то его положений. В письме к Альберту Шкарвану он выражает это следующим образом: «Положите с одной стороны любовь к людям, особенно таким, как Чертков, и с другой – какие-то интересы изданий, чтобы смешно стало, что можно это сравнивать». Толстой просит А. Шкарвана не говорить ему об изменении его взглядов, чтобы «мы с вами» могли жить по-прежнему «любя друг друга». ²⁹

Большое значение Л. Н. Толстой придавал правильному истолкованию своего учения. В письме к американскому писателю Болтону Холту он говорил о том, что его теория непротivления не имеет ничего общего со взглядами Болтона. Она не предполагает повиновения «злым силам, участие в дурных жестоких и насильнических поступках». «Мы должны, – указывает Л. Н. Толстой, – не противиться злу, но и не должны принимать в нем участия. В тех именно случаях, когда мы должны воздерживаться от того, что нас просят или приказывают нам сделать, и заключается самая сущность принципа непротivления. Человек, исполняющий все, что ему приказывают – хорошо это или дурно, согласуется оно или не согласуется с волей божьей, которая есть основа, сущность нашей жизни, – такой человек сознательно или бессознательно обманывает себя». ³⁰

В дневнике Л. Н. Толстой поясняет суть ошибки американского писателя: «Холт правильно считает, что человек должен отречься от своей воли и исполнять все, что от тебя требуют. Это надо делать потому, что предъявляемые к тебе требования есть требования мира. А жизнь знает, что ей нужно. Однако это не так, жизнь мира, есть жизнь существ, руководствующихся свойственными каждому органами, высшим из которых является разум. Те действия людей, которые руководствуются разумом, надо исполнять, а те, которые руководствуются другими органами – нет». ³¹

В письме к В. Г. Черткову от 15 августа 1906 г. Л. Н. Толстой писал: «Меня не столько эти убийства, сколько разговор вчера с двумя босяками привел к несомненному убеждению, что раздражение (в обществе – В. С.) неостановимо силой, но что пра-

вительство, т. е. люди правительственные, обязаны перед богом, перед людьми, перед самими собой прекратить все насилия – сделать все, что от них требуют, снять с себя ответственность: и учредительное собрание, и выборы общие, равные, прямые, тайные и амнистию и все...

Я говорю и сказал бы то же революционерам, чтобы они ничего не требовали, не раздражали народ, не убивали, да у них нет центрального органа, некому сказать».³²

Об этом же почти в тех же выражениях писал Толстой в дневнике 24 августа 1906 г.: «Думал о том, что теперь делать правительству, и стало совершенно ясно, что главное – прекратить все репрессии, согласиться на все требования и не для того, чтобы стало лучше (хуже не будет, и очень может быть, что станет лучше), но для того, чтобы не участвовать в зле, не быть в необходимости сдерживать, карать».³³

По поводу смертных казней Толстой писал В. Г. Черткову: «Посылаю вам, милый друг, несколько страниц, написанных мною о теперешних смертных казнях у нас. Это так мучает меня, что я не могу быть спокоен, пока не выскажу всех тех чувств, которые во мне это вызывает. Надеюсь, что вы поможете мне поместить это, если возможно, в русских газетах или, по крайней мере, за границей».³⁴

Свое отношение к революции Л. Н. Толстой пытается осмыслить на страницах дневника. 31 июля 1905 г. он записывает в нем: «Русская революция должна разрушить существующий порядок, но не насилием, а пассивно, неповиновением».³⁵ Последнее относится к средствам проведения революции – к тем, которые есть в России, и к тем, какими они, по мнению Л. Н. Толстого, должны быть. Писатель считал, что «Все революции – это только видимые проявления (скачки, подъемы на ступени) осуществления высшего, одного для всех закона справедливости».³⁶

23 октября 1905 г. он записывает «... Революция в полном разгаре. Убивают с обеих сторон. Выступил новый, неожиданный и отсутствующий в прежних европейских революциях элемент «черной сотни», «патриотов», в сущности людей, грубо, неправильно, противоречиво представляющих народ, его требования не употреблять насилие. Противоречие в том, как и всегда, что люди насилием хотят прекратить, обуздать насилие».

Отношение Л. Н. Толстого к революции выражено им в следующих словах: «Вообще легкомыслие людей, творящих эту ре-

волюцию, удивительно и отвратительно: ребячество без детской невинности». «Я тебе и всем говорю, что главное дело теперь каждого человека – смотреть за собой, строго относиться к каждому поступку, не участвовать в борьбе. А возможно это только человеку, относящемуся религиозно к своей жизни. Только с религиозной точки зрения можно быть свободным от участия, даже сочувствия той или другой стороне и содействовать одному: умиротворению тех и других». ³⁷ Конечно, это было невозможно. Противоречия между силами революции и старого режима измерялись силой, применение которой Л. Н. Толстой последовательно отрицал.

Различие партийных интересов и идеалов писатель понимал как отсутствие у революции последних вообще, поэтому иногда в дневнике он оценивал ее не как революцию, а как «бунт», т. е. как стихийное народное движение без программ, идеалов и отчетливо сформулированных целей. С особой не содержательной, а эмоциональной степенью неприятия он писал о Московском вооруженном восстании: «В Москве продолжают ужасы озверения. Известий нет. Поезда не ходят. Иногда думаю написать соответственно Обращение к царю и его помощникам, к интеллигенции и народу. Но нет сильного желания, хотя ясно знаю, что сказать». ³⁸ Причины возникновения вооруженных форм борьбы, по мнению Толстого, связаны «с детской страстью к разрушению». ³⁹

Основным вопросом революции 1905 г. был аграрный вопрос. В решении его Л. Н. Толстой стоял на радикальных позициях, считая, что нужно передать землю крестьянам и ликвидировать частную собственность на землю. Талантливый журналист «Нового времени» М. О. Меньшиков в преддверии толстовского 80-летнего юбилея написал и опубликовал в газете статью «Толстой и власть», в которой говорил о том, что отрицание власти и ее устоев со стороны революционеров не страшно, но дело меняется, когда против правительства выступает великий писатель, восстающий против врожденного закона природы – частной собственности. Он стремится подговорить власть (здесь журналист имел в виду письма Толстого к П. А. Столыпину – В. С.) к величайшему насилию, какое мог бы придумать тиран, к отмене частной земельной собственности. Но до чего силен инстинкт собственности, – иронизирует М. О. Меньшиков, – можно судить по тому факту, что сам Толстой ни в молодости, ни позднее не по-

дарил земли крестьянам, бедственную жизнь которых он всю жизнь наблюдал». ⁴⁰

Журналист задел за живое писателя. Толстой в течение нескольких десятилетий страдал, что по этому вопросу вынужден был пойти на компромисс с женой и детьми, и только темной ноябрьской ночью 1910 года решил порвать с семьей и отречься от всего этого. Н. Н. Гусев замечает, что, к его удивлению, Л. Н. Толстой не обиделся на Меньщикова, а написал к нему письмо, в котором признал справедливость упреков последнего. Он писал: «К большой и неожиданной радости моей, не испытал не только неприятного чувства, но, напротив, одно из самых желательных и дорогих мне чувств – не просто доброжелательства, а прямо любви к вам – той самой любви к обижающим, к которой я давно стремлюсь и только изредка испытываю... Чувство это – любовь без возможности всяких исключений, любви к ненавидящим, обижающим, гонящим есть то же самое, как и то, которое вызвало во мне не только доброжелательство, но и любовь к вам».

Л. Н. Толстой пытается найти истоки этого чувства. Оно не понятно ему: «Чувство это, по-моему, до такой степени свойственно человеку, что я могу только удивляться, как могут люди не признавать его и лишаться этого высшего, не передаваемого словами блага. Для меня ясно тоже, – продолжает он, – что, это дело только времени, что очень скоро будет казаться странным, что люди, как вы, могут защищать казни». ⁴¹

Толстой последователен и бескомпромиссен в этом вопросе. Об этом свидетельствует тот факт, что он просил Н. Н. Гусева сделать к его письму приписку о том, что если М. О. Меньщиков пожелает ответить ему, то просит прислать письмо без штампа «Нового времени», поскольку считал газету причастной к разжиганию правительственного террора.

Л. Н. Толстой понимал, что все насилие в обществе держится армией. Отвечая на письмо группы матросов и солдат – всего 32 подписи – из Тифлиса от 22 августа 1908 г., Толстой писал 29 августа 1908 г.: «Все, что вы пишете о незаконности и несовместимости христианства с военной службой, все больше и больше понимается людьми. А в этом понимании – спасение от того рабства и жестокости, в котором теперь живут люди. Все зло держится на насилии, – подчеркивал Толстой. – А насилие поддерживается только войском. Стоит только людям, составляющим

войско, понять, что христианское учение не в молитвах и обрядах, а в исполнении евангельского закона, не говоря уже о любви, а только в воздержании от самого противного человеческой природе поступка – убийства ближнего, – стоит понять это и отказаться участвовать в противных закону бога поступках, и само собой уничтожится все это страшное зло, от которого теперь страдают люди, и потому вся надежда на вас». ⁴² Поскольку письмо солдат и матросов было без обратного адреса, оно не было отправлено.

О том, какое большое значение Л. Н. Толстой придавал своей публицистике, обличающей насилие российского правительства и революционеров, свидетельствует письмо, отправленное им в редакции газет. «Почему я считаю, – писал он, – распространение моих книг, тех, которые вызывают преследование правительства, полезным и даже обязательными для себя. ... во-первых, потому, как я и говорил это, не хочу хотя бы одним молчанием о тех злодеяниях, которые совершаются правительством признавать себя участником в них; а во 2^х, и главное, потому что только в распространении и усвоении людьми тех христианских истин, которые я старался, как умел, выразить, или, скорее подтвердить в этих книгах, только в этом спасение от ужасов нашей жизни. Истина христианства в том, что какое бы то ни было насилие и участие в нем, и тем более насилия с мучительством в тюрьмах, всяким рабством и убийством несовместимы не только с исповедуемым в мире христианским учением, но ни с какой, хотя бы с самой низкой человеческой нравственностью. Только в одном распространении и признании этой истины вижу спасение от ужасов нашей жизни.

Только тогда могут прекратиться злодеяния как врагов правительства, так и правительственных лиц, когда большинство людей христианского мира поймет, что насилие, какое бы оно ни было, и всякое участие в нем в виде губернатора, судьи, полицейского, солдата, несовместимо не только с христианством, которое мы исповедуем, но с самой низкой ступенью нравственности, главное же, несовместимо с мирной жизнью людей, – только тогда могут уничтожиться ужасы нашей жизни.

Если же в книгах я указываю преимущественно на злодеяния правительства, а не столько на злодеяния врагов его, то происходит это от того, что злодеяния врагов правительства совершаются временно лицами неизвестными и скрывающимися,

тогда как злодеяния правительства совершаются постоянно и лицами всеми известными, не только не скрывающимися, но как бы гордящимися своими принимаемыми ими за полезное дело злодействами.⁴³

Солдату из крестьян П. В. Ежевскому, который просил «взять его под свое покровительство», Лев Николаевич писал, что он не понимает, «какого рода покровительства тот хочет». «Вы сами хорошо понимаете, что христианин не может быть солдатом, отказываясь убивать, кого ему велют; знаете тоже, что для того, чтобы исполнить обязанности христианина перед своей душой и перед богом, нужно пострадать, если так угодно богу. Одно могу вам посоветовать: решать это дело, т. е. отказаться от присяги только тогда, когда вы будете чувствовать, что перед богом не можете поступать иначе. А то нет того хуже, как взяться за такое дело, какое не в силах исполнить».⁴⁴

О том, как высоко ценил Л. Н. Толстой религиозную мораль в том виде, в каком он ее понимал, свидетельствует его письмо студенту естественного отделения физико-математического факультета Московского университета Л. А. Арсеньеву. В письме к Л. Н. Толстому от 18 декабря 1908 г. он прислал вырезку из газеты «Новое время» со статьей брата всеильного главы российского правительства А. А. Столыпина под названием «Заметки». В ней А. А. Столыпин стремился доказать, что закон, влекущий смертную казнь, Христос «называет словом Божиим». На конверте этого письма Л. Н. Толстой написал: «Стыдно».⁴⁵

20 декабря 1908 г. Толстой написал А. А. Столыпину резкое критическое письмо:

«Александр Аркадьевич,
Прочел то, что вы написали 18 декабря,
Стыдно, гадко.
Пожалейте свою душу.
Я любил вашего отца и мне больно за вас.
20 декабря 1908 г. Лев Толстой».⁴⁶

А в ответном письме Л. А. Арсеньеву Л. Н. Толстой писал: «Оправдывать смертную казнь словами Христа не решался до сих пор ни один изувер. Такое оправдание, кроме своей искусственности, и глупо, и бессовестно.

Вывод из такого толкования буквы писания, называемого священным, только один: тот, что нет ничего более вредного для понимания учения Христа и более губительного и для истинной

религии и истинной нравственности, как приписывание непогрешимости букве бытия, так как нет больших неясностей, гадо-стей и жестокостей, чем те, которые основывались на этой букве. На статью же Столыпина можно ответить только одним словом: «Стыдно», что и написал ему».

Когда Н. В. Орлов, любимый художник писателя, спросил Л. Н. Толстого, согласился ли бы он идти от имени крестьян в Земский Собор, то он ответил, что да, пошел бы. Однако убийство великого князя Сергея Александровича так подействовало на него, что он сказал по этому поводу: «Ужасно, хуже будет». ⁴⁷ Под этим «хуже будет» он понимал, что террор революционеров с неизбежностью влечет нарастание террора со стороны правительства и, следовательно, закрывает мирные способы решения стоявших перед страной задач революции.

Через двадцать дней Маковицкий записывает в своем дневнике: «Толстой обращается к своей племяннице Елизавете Валерьевне: «Коля занимается политикой? Если бы те, которые совершили убийство Сергея Александровича, встали бы во главе правительства, было бы не лучше, а хуже». ⁴⁸ Толстой в данном случае имел в виду то, что они выступали инициаторами насилия в форме индивидуального террора, а последнее противоречило его взглядам. «Революция в России наступит, – говорил он Дунаеву, – но она наступит путем распространения умственного и экономического воспитания и особенно путем того, что люди будут производить революцию в их собственной личной жизни и проникаться истинно революционным духом», при условии передачи земли народу. ⁴⁹

«17 мая 1905 г. появился первый номер «Московской недели», стоящей за Конституцию», – записывает Д. П. Маковицкий. По этому поводу Л. Н. Толстой заявил: «Конституция хороша, если бы была достигнута без убийств, озверения. Но этот путь к ней – убийства тысяч, а хуже того озверение сотен тысяч...» ⁵⁰

Чем дальше шло время, тем больше царское правительство преследовало революционеров.

19 января 1906 г. Л. Н. Толстой узнает, что студент пошел просто из любопытства осмотреть Пресню, его задержали, нашли у него какую-то бумагу и избили до смерти, по слухам, на Ходынке каждый день расстреливают революционеров. ⁵¹

Л. Н. Толстой заявляет: «Я читал газеты – какие убийства, казни в Остзейском крае». Андрей Львович замечает: «Ведь ты

виноват в революции, тебе, твоим взглядам приписывают, что она происходит».⁵²

Толстой возражал, он говорил, что «мои мысли» действуют, как действуют мысли других десятков миллионов людей. Русский народ может жить без правительства. В захолустьях без него будет лучше жить. Здесь сказываются элементы анархистских взглядов Л. Н. Толстого на будущее России.

Вернувшись из Москвы 24 февраля 1906 г. вместе с Софьей Андреевной, Михаил Сергеевич рассказывал Льву Николаевичу, ссылаясь на газету «Русь», что уже 10 дней изо дня в день в газете публикуются письма о М. Спиридоновой от матерей, от жен, от рабочих. Он прочел Толстому «вслух» некоторые из них. Письма кончаются клятвой, что ее смерть будет отомщена. Однако в них нет ни слова о том, что она убивала, а только о том, как ее истязали во время следствия.⁵³

Когда на следующий день Михаил Сергеевич прочитал вслух письмо Спиридоновой, напечатанное в «Руси», Л. Н. Толстому, по свидетельству Д. П. Маковицкого, «было тяжело слушать», а когда он закончил, Лев Николаевич сказал: «Она из тех женщин, у которых нет никакого мировоззрения», в результате они кидаются на какую угодно деятельность, в том числе и на «социал-революционную». Л. Н. Толстой считал, что «надо было спасти Луженовского (в которого стреляла Спиридонова – В. С.), когда в него стреляли, а ее (Спиридонову – В. С.), когда ее ловили».

Маковицкий пишет, что Лев Николаевич понимает причину освирепения казаков, «хотя, разумеется, не одобряет, не допускает этого». Андрей Львович, бывший в Тамбове, когда это случилось, говорил, что доктор Богородицкий, лечивший Луженовского, «получал анонимные письма с угрозами».⁵⁴ Отсюда видно, что влияние эсеров на общественное мнение России в какой-то период времени было значительным. Однако их попытки воздействовать на Л. Н. Толстого, чтобы он силой своего авторитета повлиял на судьбу Спиридоновой, выступил публично на ее защиту, окончились неудачей. Поступить так он не мог, потому что это противоречило основам его мировоззрения. Это значило бы взять под защиту тактику индивидуального террора. При этом он ссылаясь на свой возраст и состояние здоровья. 13 марта 1906 г. Д. П. Маковицкий записывает в своем дневнике: «Л. Н. получил письмо с вырезками из «Нашей жизни», чтобы отозвал-

ся на истязания Спиридоновой. Сказал на это – неужели меня в мои года и в моем положении не оставят в покое?»⁵⁵

Этой позиции он придерживался последовательно. 13 июля 1906 г. Маковицкий записывает в дневнике: «У Л[ьва] Л[ьвовича] и Андрея Л[ьвовича] был тяжелый спор с отцом. Член Думы защищал смертную казнь. Голос отца дрожал, он прослезился. Он считал, что убийца Плеве, убийца Герценштейна – одинаково жалки. Здесь он ставит вопрос не о правомерности террора со стороны левых и правых, а о бесчеловечности самого факта убийства как способа решать общественные проблемы».⁵⁶

Л. Н. Толстой был удивлен покушением на Столыпина и количеством жертв при этом. Д. П. Маковицкий записывает: «Приехал Андрей Львович» и рассказал о фактах покушения на Столыпина, которые имелись в Московских газетах: «В приемной его дома было убито бомбами 26 человек. Среди них четверо бросивших бомбы». Утром, когда Л. Н. прочел о покушении на Столыпина, он прошел в кабинет и сказал Лебрену: «Я еще подумаю насчет этого покушения. Еще не понял ясно, что это такое».⁵⁷ Он не мог понять безрассудной тактики эсеров-максималистов, которые произвели это покушение.

В беседе с английским химиком Джонсом Л. Н. Толстой спрашивал его, в чем взрывная сила бомб? Джонс объяснил, тогда Лев Николаевич рассказал о покушении на Столыпина. Джонс, в свою очередь, рассказал о покушении на Скалона в Варшаве, через которую он проезжал, направляясь в Россию. В Варшаве при покушении было убито 39 городских, двое убийц и «100 невинных из публики». Джонс пояснял Л. Н. Толстому, что и в Варшаве, и в Томске пострадали не убийцы, а окружающая публика. В Варшаве во время покушения городские стреляют кругом в народ, в публику. Л. Н. Толстой возражал: «Вы напрасно обвиняете одну сторону», – говорил он. Он отмечал «что бывали времена, когда известному слою общества было выгодно правление насилием, тюрьмами, казнями. Этот способ для одного меньшинства целесообразен, но теперь нет этого».⁵⁸

По мере того как революция отступала, террористические акты со стороны эсеров усиливались, усиливался и террор со стороны правительства. 8 октября 1906 г. Д. П. Маковицкий записывает в своем дневнике: «Третьего дня по газетам 22 повешенных и расстрелянных, а обыкновенно по 7, 10, 12, 16 ежедневно, если газеты не преувеличивают». Михаил Сергеевич Сухотин

(зять А. Н. Толстого – В. С.), ссылаясь на газеты, рассказывал, какой необыкновенный случай произошел в Кронштадте во время суда над матросами. «Публику не допускали. Солдат принес сверток, отдал пересыльному, чтобы тот отдал конвойному, а тот матросу. Это была бомба, очень сильная, которую должен был бросить один из матросов под стол судей. Солдат, конвойный и матрос были в заговоре. Арестованы и те, кто передавал бомбу солдату». ⁵⁹ «Какая отчаянность, – сказал Михаил Сергеевич!.. – Ведь взорвало бы бросившего, всех подсудимых, их защитников, свидетелей – 100 человек».

Л. Н. Толстой: «Я объясняю, как войну. Это настроение молодчества, ухарства, их испугать ничем нельзя. Эти молодые люди знают, что их товарищи, люди восхваляют». ⁶⁰

Толстой объясняет также безрассудные проявления террора отсутствием жизненного опыта у молодежи и поддержкой их со стороны части российского общества, делавшей из них героев. В свою очередь, часть населения России, и особенно молодежь, ненавидела верных слуг царизма и рассматривала их, как извергов, организовала против них террористические акты (военный прокурор Павлов, полковник, командир Семеновского гвардейского полка, подавившего Московское вооруженное восстание в декабре 1905 г.; полковник Г. А. Мин). 13 августа 1906 г. членом боевого отряда партии эсеров Зинаидой Коноплянниковой полковник Мин был убит. 29 августа она была повешена по приговору военного суда.

Софья Андреевна Толстая говорила Д. П. Маковицкому, что Л. Н. Толстой «возмущался», что повесили Коноплянникову, убившую Мина, командира Семеновского полка. «Действительно, – продолжает Д. П. Маковицкий, – Толстой был очень огорчен этим. Это произвело на него сильное впечатление. Этот приговор должен был утвердить и утвердил великий князь Николай Николаевич. «Это возмутительно, – говорил Л. Н. Толстой, – теперь я вижу, с кем имею дело. Это не люди». Был очень взволнован», – добавляет Д. П. Маковицкий. ⁶¹

Николай Николаевич был очень популярен у части народа и армии. Он умел очаровывать людей. Сын Л. Толстого Андрей после разговора с ним характеризовал его: «Он совсем русский человек». В ответ на это Л. Н. Толстой возразил, что он мог бы «уничтожить дисциплинарные батальоны и одиночное заключение». Однако он этого не делает, а всякий раз, как узнает, что

там находится заключенный, просит командиров «отдельно» о смягчении наказания.⁶²

Л. Н. Толстой и его окружение интересовались событиями первой русской революции. Особенно их волновал террор, с одной стороны, как наиболее бесчеловечный способ оказать влияние на исход борьбы сил революции и правительства, а с другой – как ошибочный путь борьбы той и другой противоборствующей стороны. 2 декабря 1906 г. записывает Д. П. Маковицкий: «Заговорили о бомбе, посланной киевскому губернатору в семью и вообще о покушениях».

Л. Н. Толстой заметил: «Какая инерция, привычка должна быть, чтобы остаться служить. Не этак из страха быть убитым, а самому участвовать в судах, приговорах. Столыпина (министра – В. С.) я не знаю, но знал отца, его братьев. Он для блага России так делает (борется с революционерами, учреждениями полевых судов, казнями)». И делает вывод о том, «как он знает, что из этого будет благо России».⁶³

В подтексте высказываний Л. Н. Толстого о Столыпине, с одной стороны, звучит неприятие его мер по подавлению революции, а с другой – некоторое уважение, которое основывается на знании им его отца и братьев. 20 октября 1906 г., когда во время обеда М. С. Сухотин привел данные статистики убийств и казней за год революции с 17 октября 1905 г. по 17 октября 1906 г. И сказал, что в один последний месяц казнен 241 человек, Лев Николаевич удивился, как Столыпин может это делать и не уходит в отставку.⁶⁴

В конце декабря в Ясную Поляну приехал Сергей Львович. Он сообщил, что вчера разговаривал с Д. А. Олсуфьевым, который был на приеме у Столыпина. Он говорил, что ему «совсем ордена не нужны», а он считает своим долгом делать то, что делает. Столыпин говорил Олсуфьеву о том, что не знает, доживет ли до Думы. Сергей Львович прокомментировал это так: если он не будет этого делать – усмирять, казнить, его место займет другой, и ничего не изменится.⁶⁵

Спад революционного движения в конце 1906 г. и в 1907 г. привел к тому, что террористические акты участились. 28 февраля 1906 г. П. А. Сергеенко привез в Ясную Поляну газету «Утро» с известием об убийстве военного прокурора Павлова; 15 февраля 1907 г. дочери Л. Н. Толстого Татьяна и Александра, вернувшись из Тулы, рассказали о неудавшемся покушении на вагон, в

котором ехал великий князь Николай Николаевич. Покушавшийся вырвался от кондуктора и скрылся на ожидавшем его извозчике; 3 апреля 1907 г. за столом шел разговор об экспроприации казначейства Петербургского университета.

По поводу этих покушений Л. Н. Толстой заметил, «что у революционеров идет большая работа: так часты выдающиеся покушения: на днях Лауница». Однако их результативность низка: «удаается одно из двадцати, к которым делают приготовления». ⁶⁶

Покушения действовали на Л. Н. Толстого. Он очень тяжело переживал известия о каждом из них. Об этом свидетельствует следующий факт. Когда летом 1907 г. Маковицкий вернулся из поездки домой в Чехословакию, он застал у Толстых Звегинцева с племянником Черкасским, адъютантом варшавского генерал-губернатора Скалона. Он рассказал про ряд покушений. Лев Николаевич просил перестать говорить об этом. Ему было «больно». ⁶⁷

По мере продолжения террора правительства против революционеров росло число жертв. Цифры об этом попадали в печать, обсуждались в Ясной Поляне и вызывали соответствующие замечания Л. Н. Толстого. 1 сентября 1907 г. Д. П. Маковицкий записывает: «В «Слове» приводится число жертв освободительного движения. С февраля 1905 г. до июня 1907 г. убито, ранено и казнено 44 020 человек. Из них убито 19 144, ранено 20 074 и казнено по суду и самосуду 2 381 человек... Пострадал больше всего народ, но и представители власти и капитала дали внушительную цифру в 8203 человека», в том числе на долю войск и полиции приходится 3 158 человек. Из высших властей пострадало 148 человек. Из них 4 министра и члена Государственного совета, 83 губернатора и генерал. Цифры были настолько впечатляющи, что Л. Н. Толстой воскликнул: «Все хорошо, все хорошо! Это муки роста, как в жизни человека есть периоды болезненные, так и в жизни народов». ⁶⁸ Нужно заметить, что эти цифры жертв революции были известны и Л. Н. Толстому.

После выборов в III Государственную Думу, когда стало ясно, что она правая, Л. Н. Толстой, тем не менее, возражал М. С. Сухотину, когда последний говорил о том, что правые сами захотят уничтожить Думу и создать самодержавие. Он говорил о том, что в какой-то мере правые пойдут на уступки левым, что революция – это роды, при которых пробуждается духовное сознание. Теперь редко говорят про царя и священника. И что единственное спасение от убийств, грабежей – доброта. И казни

только усиливают озлобление, революцию. Он считал, что для успокоения России «не надо казнить...». И что человечество не хочет и не в состоянии пока познать эти истины.⁶⁹

Л. Н. Толстой считал, что революционеры в понимании задач общественного развития, которые стоят перед Россией, стояли выше «чем всякие консерваторы и люди, которые думают, что можно жить по-старому. Они (революционеры) правы в том, что требуют перемены, – подчеркивает Л. Н. Толстой, – ошибка их в том, как и на что переменять, когда религии нет – все можно делать».⁷⁰

Л. Н. Толстой считал, что в «озверении» людей виновны «и казни». 13 января 1908 г. Д. П. Маковицкий записывает в дневнике: Л. Н. говорил ему: «Я нынче захватил нечаянно Русь. Восемь смертных казней! Это ужасно! Я читаю «Новое время», а оно про казни только мельком упоминает. Не надо его читать. Сколько смертных казней в год? – задает Л. Н. Толстой вопрос своим собеседникам. Н. Н. Гусев отвечает: «что такого подсчета нет. Его ведут только революционные газеты, по своим сведениям». Через два месяца Л. Н. Толстой вновь обращается к этому вопросу и отмечает, что в «озверении» народа «виноваты казни». Разве это может проходить даром, что в день шесть казней? И это делают правительственные люди, благословляют священники».⁷¹

Л. Н. Толстой возражал своим собеседникам, оспаривая точку зрения К. Линнея, утверждавшего, что «люди разумные существа». Он говорил, что это «изречение ошибочно. Казни совершаются, а люди об этом и не задумываются». Сын писателя Лев Львович возражал на это, говоря: «Все-таки вследствие казней уменьшилось число убийств, разбоев». Л. Н. Толстой возражал, заявляя, что не верит в это. Сын предлагал сравнить результаты «прошлого года и нынешнего». Подчеркивая негативное влияние смертных казней на людей, Л. Н. Толстой говорил: «Они (убийства) переходят в духовное раздражение». Люди заряжаются негативными чувствами «против правительств».⁷²

«Грустно при этом то, – продолжал Л. Н. Толстой, – что партия, которая с ними (революционерами) борется, – еще хуже их. Она одобряет казни, царя, церковные обряды».

Л. Н. Толстой написал своему другу московскому юристу Н. В. Давыдову письмо, в котором просил его сообщить ему про приговоры смерти и про казни – как, где, кем они «совершаются».⁷³

Л. Н. Толстой тщательно отслеживает факты морального падения людей. Он их видел и в том, что цена за повешенного падала. М. М. Сухотин сообщил ему, что за убийство исправника в Орле присудили к смерти двух человек – еврея и русского. Нашелся человек, который повесил его за 75 рублей. Это Льва Николаевича «ужасно поразило», замечает Д. П. Маковицкий. Палач нанялся за 50 рублей, однако «перед казнью потребовал прибавки». Потом нашелся другой человек, который предложил себя в палачи 5 человек, вновь приговоренных, по 15 рублей за каждого казненного человека.

Великий писатель и гуманист тщательно отслеживает факты оправдания смертных казней со стороны ученых, резко осуждая последних за их «вредность» для общества. Е. И. Попов дал Толстому прочесть выписку из Геккеля о том, что смертная казнь полезна для породы человеческой, т. к. убивают «вредных членов общества». Л. Н. Толстой дал прочесть эту выписку Маковицкому и заметил, что «вреднее Геккелей нет деятелей», а дочь Толстого Александра Львовна заявила: «Не верится, что это признаваемый первым ученым преемник Дарвина». Поэтому поводу Л. Н. Толстой заметил: «Кто это будет решать – кто вредный?.. Не верю в смертную казнь, а Геккель говорит, что это полезно». По свидетельству Д. П. Маковицкого, Л. Н. Толстой «на днях написал, а вчера (т. е. 1 мая 1908 г. – В. С.) поправил воспоминания о суде над солдатом для Бирюковской биографии. И там стоит: «Должен сказать, что смертная казнь, приговоры одними людьми других к смерти и еще других к совершению этого преступного, противного самым низким требованиям человеческой природы поступка не то, что возмущало меня, но представлялось чем-то невозможным, выдуманном поступком, в который нельзя верить, несмотря на то, что знаешь, что он совершается и что даже мне пришлось видеть его».⁷⁴

Через несколько дней, 6 мая 1908 г., Д. П. Маковицкий записывает в дневнике: «Сегодня (т. е. 6 мая 1908 г. – В. С.) говорили о смертных казнях в Москве. Л. Н. Сказал: «Вы говорите про эти ужасы, как вешают в сарае. В Англии публично черный флаг вывешивают, то они ходят смотреть на это».⁷⁵

Когда в окружении Л. Н. Толстого речь пошла об ограничении зла, к которому могут привести смертные казни, Лев Николаевич возразил: «Тут фарисейство, лицемерие величайшее. Какие могут быть ограничения нравственных требований? Вопросы

нравственные абсолютны. Не убивать – никогда, не прелюбодействовать – никогда. Никаких ограничений. 99 процентов из всего зла делается во имя практических выгод (соображений). Это мне до такой степени ясно». ⁷⁶

22 мая 1908 г. Л. Н. Толстой показывал Д. П. Маковицкому фотографии смертных казней в Сибири (там еще казни днем производятся). Говорил, что «читал рассказ Л. Андреева «Семь повешенных» и ужасался, как цензура пропустила такой бред. Просто набор слов». ⁷⁷

В течение нескольких месяцев лета 1908 г. Л. Н. Толстой буквально задыхается в атмосфере смертных казней в России: «5 июня 1908 г. разговор с Сергеем Львовичем о смертных казнях. Лев Николаевич, где-то прочитал, что правительство уже перевешало с января 1907 г. до сих пор (т. е. до июня 1908 г. – В. С.) 2000 человек. По мнению Л. Н. Толстого, это уже столько, сколько было казнено во Французской революции. Сергей Львович не согласился с этим. Он утверждал, что тогда было казнено больше». ⁷⁸

20 июня 1908 г. Л. Н. Толстой спрашивает у своих знакомых, что нового в газетах? Он их уже неделю не читал. Молоствов ответил, что ничего нового в газетах нет. Одни смертные казни каждый день. В подтверждение этих слов Иван Иванович подал прочесть Л. Н. телеграмму «Русского слова» от 27 июня: «Харьков 26. VI. Крестьяне Грайворонского уезда Чепцов и Дудкин явились в лавочку в слободе Починке и потребовали бубликов. Когда же лавочник отказал им, они пригрозили ему револьвером, взяли бублики, 2 рубля денег и скрылись». «Вчера (т. е. 19 июня 1908 г. – В. С.) приговорил обоих крестьян к смертной казни. через повешение». ⁷⁹

Толстой ожидал, что правительство «одумается» и запретит смертные казни. Однако этого не происходило. Чем больше казней революционеров со стороны правительства, тем больше надобностей для революционеров продолжать «эти убийства». «Когда идет борьба», складывается желание оградить себя. ⁸⁰

В условиях правительственного террора Л. Н. Толстой несколько изменил свое отношение к террору революционеров. 11 июня 1908 г. Маковицкий записал: «При нем (Черткове – В. С.) Л[ев] Н[иколаевич] сделал замечание Михаилу Сергеевичу, что о революционерах он иронизирует от себя. Михаил Сергеевич возразил, что Лев Николаевич хуже к ним относится, чем тут

написано. Я (Маковицкий – В. С.) объяснил Н. Н. Гусеву влиянием присутствия В. Г. Черткова. Гусев же на это сказал, что Л[ев] Н[иколаевич] раньше гораздо резче высказывался о революционерах, чем теперь. При Муравьеве – адвокате Л[ев] Н[иколаевич] сказал, что прежде действия революционеров возмущали, а теперь, сравнивая с теми ужасами, которые Муравьев рассказывал про военные суды, смертные казни, он видит, что революционеры в сравнении с ними – святые люди. И в статье «Не могу молчать» Л[ев] Н[иколаевич] мягче пишет о революционерах.⁸¹

Л. Н. Толстой решительно выступал против всякого восхваления насилия в печати. Об этом свидетельствует его письмо к П. И. Бирюкову от 10 марта 1906 г. Письмо это представляет ответ на письмо от 16 марта н. с., в котором Бирюков сообщал, что получил письмо от В. Г. Черткова, решительно возражавшего против помещения письма Л. Н. Толстого к Александру III в журнале «Былое». Л. Н. Толстой писал о том, что он получил февральский номер журнала «Былое» за 1906 г. и ужаснулся при мысли, что «вы и я можем прямо или косвенно участвовать в этом журнале», возводящем убийство в подвиг и добродетель.⁸² «Прямо больно и жалко людей. Больно и то, что я, не получая еще письма от Черткова, должен взять назад свое согласие на печатание моего письма к Александру III».

Вечером того же дня, пробежав первый номер «Былого» за 1906 г., Толстой пришел к выводу, что может только подтвердить то, что написал утром. «Как были восхвалители насильников правительственных и в исторических сочинениях... так теперь возводятся в героев и благодетелей человечества Халтурины и современные убийцы. Они были жалки тогда своими страданиями, теперь они жалки своими заблуждениями, в к[оторых] такие издания, как «Былое», поддерживают их».

«Былое» – исторический журнал, вышедший в Петербурге в 1906–1907 гг. Всего вышло 22 номера. В нем подробно освещалась деятельность народничества и террористическая борьба.

Л. Н. Толстой первоначально разрешил опубликовать на страницах журнала его письмо к императору Александру III, но потом решительно изменил свою точку зрения.

В основе изменения Л. Н. Толстым своей позиции в отношении журнала «Былое» лежало его знакомство с позицией журнала по вопросу о терроре.

3 марта 1906 г. Л. Н. Толстой писал П. И. Бирюкову о том, что он вчера получил письмо от сотрудника редакции журнала «Былое» А. С. Пругавина. Редакция журнала желает напечатать «мое письмо к Александру III и письмо ко мне Победоносцева. Я хотел отказать ему – продолжает Л. Н. Толстой, – так как мне неприятно было от себя посылать письмо, да его у меня и нет, но против того, чтобы поместить у вас в статье, я ничего не имею и очень рад хоть этим услужить вам».⁸³

Впервые отрывок из письма Л. Н. Толстого был опубликован П. И. Бирюковым в его статье «Событие 1 марта и Л. Н. Толстой», вышедшей в октябрьском журнале «Голос» 1906 № 1 от 27 апреля.

В письме к П. И. Бирюкову Л. Н. Толстой подробно освещает по памяти свое отношение к событию 1 марта 1881 г. Поскольку это связано с его отношением к насилию в истории, причем с отношением, которое у него сохранилось в период написания письма (март 1906 г.), остановимся на этом подробнее.

«О том, как на меня подействовало 1 марта, – пишет Л. Н. Толстой, – не могу сказать ничего определенного, особенного», т. е. спустя четверть века после этого события он ничего сколько-нибудь значительного не помнит. Однако, продолжает он, «суд над убийцами и готовящаяся казнь произвели на меня одно из самых сильных впечатлений моей жизни. Я не мог перестать думать о них, но не столько о них, сколько о тех, кто готовился участвовать в их убийстве и особенно А[лександр] III. Мне так ясно было, какое радостное чувство он мог испытать, простив их. Я не мог верить, что их казнят и, вместе с тем, боялся и мучился за них и за убийц. Помню, с этой мыслью я после обеда лег внизу на кожаный диван и неожиданно задремал и во сне, в полусне, подумал о них, о готовящемся убийстве и почувствовал так ясно, как будто все б[ыло] наяву, что не их, а меня казнят, и казнят не Ал[ександр] III с палачами и судьями, а я же и казню их, и я с кошмарным ужасом проснулся. И тут написал письмо. Первое место было гораздо лучше. Потом я стал переделывать, и стало холоднее».⁸⁴

Л. Н. Толстой информирует П. И. Бирюкова, через кого он переслал письмо к Александру III, причем сообщает ему, что не знает, прочтено ли оно было и как принято.

Однако он твердо помнит основное во всей этой истории, а именно: «Не скажу, чтобы это отношение к письму имело влия-

ние на мое отрицательное отношение к государству и власти. Началось это и установилось в душе давно, при писании «Война и мир», и было так сильно, что не могло усилиться, а только уяснилось. Когда казнь совершилась, я только получил еще большее отвращение к властям и к Алек[сандру] III». ⁸⁵

В письме к Александру III Л. Н. Толстой писал: «Только одно слово прощения и любви христианской, сказанное и исполненное с высоты престола, и путь христианского царствования, на который предстоит вступить вам, может уничтожить то зло, которое точит Россию». ⁸⁶

На письмо это Александр III велел сказать графу Л. Н. Толстому, что «если б покушение было на него самого, он мог бы помиловать, но убийц отца он не имеет права простить».

А К. П. Победоносцев, через которого Н. Н. Страхов, по просьбе Л. Н. Толстого, первоначально хотел передать письмо Александру III, отказался это сделать, и письмо было передано через профессора К. Н. Бестужева-Рюмина великому князю Сергею Александровичу для передачи по назначению. Что и было сделано.

В ответном письме Л. Н. Толстому К. П. Победоносцев мотивировал свой отказ тем, что его Христос «не Ваш Христос»: «Своего я знаю мужем силы и истины, исцеляющим расслабленных, а в Вашем показали мне черты расслабленного, который сам требует исцеления. Вот почему я по своей вере и не мог исполнить Ваше поручение». ⁸⁷

В этом письме, как и во многих других, Л. Н. Толстой излагает основное положение своего учения, которое получило название «толстовства». В письме к мичману канонерской лодки «Запорожец» А. И. Лебедеву Л. Н. Толстой писал о том, что «задача человека христианина не может состоять в борьбе с правительством или с кем бы то ни было.

Человек, понявший свое назначение в жизни, в служении богу, этим самым освобождается от всяких связей со всяким злом...» И потому смысл жизни его «состоит в неподчинении, в неучастии во всяком зле, в том числе и государственности. Проповедовать же христианину ничего не нужно. А нужно только по мере сил жить по-христиански, на все явления и запросы жизни отвечая, как того требует христианская совесть. И это самая могущественная и нужная проповедь». ⁸⁸

Л. Н. Толстой свою христианскую, толстовскую точку зрения ставил выше революционной. В письме к издателю Н. Е. Фель-

тену он подробно обосновывает это положение. Он пишет, что Николай Евгеньевич «не заметил», как уже давно катит по «революционным» рельсам, воображая, что он по-прежнему находится на «христианском пути», потому что печатаются и распространяются книги «христианского духа».

«Вы сравниваете, – подчеркивает Л. Н. Толстой, – нравственные величины революционеров и правительственных людей, но вы сравниваете одних числителей (это свойство молодости), а не знаменателей. А я вижу знаменателей и потому без всякого сомнения знаю, что солдат, офицер, чиновник, губернатор, выросшие на этом, кормящие свою семью и покоряющиеся существующему, т. е. человек смиренный, с крошечным знаменателем несравненно нравственнее г-жи или г-на NN, твердо знающих, что нужно для блага России, и браунингом достигающих этого блага».⁸⁹

Л. Н. Толстой предпринимает попытку наставления Н. Е. Фельтена на путь истины. Он предлагает ему освободиться от «окружающего» его «гипноза». «Христианину надо жить перед богом и своей совестью, – поучает он, – а воздействовать на других не надо и нельзя, потому что он не знает и не может знать, что для них хорошо». Для того чтобы подчеркнуть важность этого положения, Л. Н. Толстой говорит: «Вы печатаете мои книги и распространяете их... но я не знаю, хорошо ли это, и вам следует точно так же не знать этого и не класть на это своих сил». Перед нами настоящая автаркия личности, заключающаяся в том, что человек знает только то, что ему нужно, а что касается других, то это не его дело, – он этого не знает и не должен знать. Это настоящий агностицизм, который принял у Толстого христианскую окраску и фактически сводил на нет революционную активность масс.

О том, что это действительно так, мы видим из дальнейших рассуждений писателя-моралиста. Критерием людям, «желающим идти по христианскому пути в наше время, – писал он, – является проверка их отношения к революции». Толстой сообщает Фельтену, что нынче же с его письмом получил письмо от М. Н. Макаровой, «которая меня упрекает серьезно и горячо за то, что я не пишу о Спиридоновой, не возмущаюсь ее мучениями, не сострадаю ей».

Л. Н. Толстой объясняет причины такого своего поведения. Они вытекают из сущности его учения. «Ведь это ужасно! – сар-

кастически замечает он, – Несчастную девушку, к[оторая] страшна жалка тем заблуждением и развратом душевным, к[оторый] довел ее до хладнокровного убийства, требуют, чтобы мы жалели ее физическ[ие] страдания.

Да если бы она опомнилась, поняла, что она сделала, она просила б мучений, чтобы чем-нибудь заплатить за свой грех». ⁹⁰ Л. Н. Толстой в случае с М. А. Спиридоновой проявил волю и, несмотря на неоднократные просьбы, обращения к нему, не пошел навстречу просителям, а остался верен основам своего учения. Он в печати в поддержку Спиридоновой не выступил.

В период наивысшего подъема революции 1905–1907 гг. Л. Н. Толстой допускал колебания в смысле возможности победы революции, сохраняя, однако, свою позицию человека «над схваткой».

Не принимая тактику насилия двух сторон (революционеров и правительства) Л. Н. Толстой все же считал себя выразителем интересов крестьянства.

Интересны мысли Л. Н. Толстого в письме к харьковскому заводчику, разделяющему взгляды Толстого на амнистию: «Амнистия на теперешнем жаргоне означает разрешение на безнаказанные политические убийства. Я считаю, – продолжает Л. Н. Толстой, – что никто не имеет права никого наказывать, но не вижу причины, почему люди, признающие необходимость наказания, не будут наказывать убийц, их сообщников и подстрекателей, а будут наказывать вдову, за то, что она кормит семью корчемством, и крестьянина, срубившего в лесу дерево для починки завалившегося сарая.

Кроме того, амнистия означает прощение преступника. Люди же, о которых вы пишете, не только не преступники, а хорошие, ни в чем не виноватые ни перед кем люди, и потому их нельзя приравнять к тем, которых хотят амнистировать». ⁹¹

Последователь толстовского религиозно-нравственного учения Н. Г. Сутковой в письме к Л. Н. Толстому писал о том, что революционеры тоже начинают понимать, что главное зло в армии. Они широко ведут пропаганду в ней. Распространяют толстовские произведения «Солдатскую памятку», «Письмо к Фельдфебелю» и другие произведения Л. Н. Толстого.

Л. Н. Толстой писал Н. Г. Сутковому о том, что «по слабости своей я радовался на вашу работу распространения моих мыслей, и был и есмь благодарен вам». Однако он пишет дальше о том,

что не знает, надо ли, «чтобы теперь распространялись мои мысли и даже чтобы они вообще распространялись. Знаю, что мне надо было выражать их, но не больше. Про то же, чтобы сознательно употреблять их на дело революции – насилия, зла, – я знаю несомненно, что этого не должно быть. Знаю, что противвоенные мои писания могут иметь значение как необходимый вывод из христианского мировоззрения, но никак не желаю давать им главное – и еще менее служебное значение не только чуждых, но прямо противных мне. Само собой разумеется, чтобы солдаты не стреляли в братьев и вообще в людей, но чтобы они воздержались от этого ради бога, а не для того, чтобы содействовать революции, т. е. замены одной власти другою. Революционеры не желают, чтобы солдаты стреляли в них, но едва ли откажутся о того, чтобы солдаты стреляли в их врагов. Они могут с моими писаниями делать, что им угодно, я не могу им препятствовать в этом, но давать им, содействовать им – это все равно, что употреблять Евангелие (книжку) на поджог деревни».⁹²

В таких словах Л. Н. Толстой раскрывает взаимодействие субъективного и объективного в отношении своего творчества в деле революционного просвещения народа.

Авторитет Л. Н. Толстого в разных слоях российского общества был достаточно велик, поэтому к нему обращались солдаты с вопросами, как им быть, если их пошлют усмирять восставших.

Отвечая на письмо А. К. Дарагана от 20 декабря 1906 г., в котором он обвинял Толстого в том, что он своими сочинениями возбуждает к борьбе с угнетателями русский народ и разрушает его религиозные верования, Л. Н. Толстой заявляет: «Если бы все православные так же, как вы, понимали христианское учение в том, чтобы любить друг друга и подставлять щеку и терпеть, а не бороться силою, я никогда не разошелся бы с церковью. К сожалению, церковники призывают к борьбе и насилию, противному учению Христа. Против этого я боролся и буду бороться до последнего издыхания».⁹³

Свое мнение о безнравственности борьбы с насилием Л. Н. Толстой отразил в письме к А. А. Ягн. В конце сентября 1906 г. она написала Толстому письмо, в котором просила его осветить ей вопрос о бесцельности борьбы с насилием. Этим вопросом она попала в цель – на любимый конек Льва Николаевича, и он с «удовольствием» ответил ей.

Он подчеркнул, что «его мнение о безнравственности борьбы и участия в борьбе с насилием так же мало может измениться, как мнение о том, что безнравственно убивать, красть или развратничать». Он разъясняет Александре Александровне, что «участие в революции есть грубое суеверие, гипноз, вроде того, вследствие которого происходили всякие, и детские в том числе, крестовые походы. Люди, делавшие тогда эти глупые и безнравственные поступки, не видели тогда их глупости и безнравственности так же, как теперь, не видят революционеры глупости и безнравственности своих. – Я понимаю, что большей частью безнравственные люди, участвующие в правительстве, приведенные к этому дурному делу своим прошедшим и положением, могут совершать мерзкие поступки, не видя всей их мерзости и оправдываясь тем, что этого от них требуют. Но с какой стати частный человек, которого ничего не привлекает к борьбе и преступлениям, вдруг ни с того, ни с сего, решив, что существующее правительство не такое, какое ему кажется, что должно быть, начнет делать всякие гадости, лгать, обманывать, раздражаться и раздражать и под конец убивать, а может быть и грабить.

Если ему тяжело жить при дурном правительстве, то он может или уйти за границу, как это делал Герцен и другие, или, если противно его совести повиноваться требованиям правительства, перестать повиноваться им: не платить податей, не пользоваться учреждения[ми] правительства, не служить ему, не идти в солдаты; если и это ему тяжело, то устроить себе со своими единомышленниками такую жизнь, которая имела бы как можно меньше отношения к правительству. Одним словом, устроить свою жизнь самыми разнообразными способами, только не тем глупым и безнравственным способом, которым устраивают ее себе революционеры, – безнравственным, потому что, будучи революционером, нельзя не лгать, нельзя быть смиренным и добрым, а надо быть готовым для будущей мнимой благой цели на всякого рода гадости и совершать их».⁹⁴

Этот способ Л. Н. Толстой считает «поразительно» глупым «потому, что если революционеры возмущаются тем и борются против права, приписываемого себе некоторыми людьми (правительством), употреблять насилие против других, и это – то самое право приписывают себе революционеры. Это до такой степени глупо, – считает Л. Н. Толстой, – что не видеть этого могут толь-

ко люди, находящиеся в полном гипнозе. Столь же очевидно глупым, — считает писатель, — стремиться улучшить положение общества не только рядом преступлений, но и приписыванием себе самозванного права совершать эти преступления во имя того же самого мнимого общего блага, во имя которого совершаются преступления правительства».

Л. Н. Толстой поясняет, почему, с его точки зрения, это представляется «глупым». Всякий мыслящий человек не может не видеть, что улучшение жизни общества, т. е. отношений людей между собой, может происходить только «вследствие нравственного улучшения людей общества».

Революционная деятельность, состоящая из преступлений и вызывающая все большие и большие преступления со стороны правительства, может только развращать членов общества, а никак не улучшать их нравственно.

Поэтому в такое время, как наше, считал Л. Н. Толстой, для всех людей, желающих служить богу, есть только одно самое нужное и важное дело. Оно заключается в том, чтобы не поддаться «всеобщему опьянению», удержать в себе высшие человеческие свойства, своих обязанностей перед богом и перед ближними и не только не участвовать во всеобщем, как со стороны правительства, так и революционеров «преступном сумасшествии», а, по мере сил, стараться отрезвлять, выводить из охватившего их дурмана «несчастных заблудившихся людей», чтобы не дать им окончательно погрязнуть «в этой восхваляемой ими гадкой деятельности», которой они заняты. Таким образом, Л. Н. Толстой видит и представляет свою позицию в той раскладке общественных сил, которая сложилась тогда в России.

В письме к Ивану Леонову 22 июня 1907 г. Толстой писал: «Задача как отдельного человека, так и собрания людей, народов, обществ состоит не в том, чтобы придумывать условия того положения, в котором он будет находиться на следующих ступенях своего пути, а в том, чтобы неуклонно идти по тому пути, который указывает человеку его совесть: его любовь и разум и совесть и разум мудрейших и светлейших людей прошедших поколений. Только поступая так, придет он к новому великому и радостному будущему, всегда неизвестному нам именно потому, что оно, будущее, придет всякий, и отдельный человек и общество людей. В этом мой ответ на 2^й вопрос, ответ из которого вытекает само собой отрицание всякого насилия и кровопроли-

тия, несогласного с самыми первыми требованиями совести, и верное, неизбежное достижение высшего и лучшего положения и отдельных лиц и общества, чем те жалкие желаемые результаты, которые представляются высшими человеческими идеалами заблудшим людям.

Достичь желаемых результатов нельзя ни революционным, ни мирным путем, потому что самое желание определенных результатов есть самое обычное и самое грубое и вредное заблуждение как относительно отдельного человека, так тем более, относительно известного соединения людей». ⁹⁵

В письме к П. Ф. Безверхому 7 июля 1907 г. Толстой писал о том, что жизнь «проявляется в нас любовью». «В ней только жизнь. И это сознание можно иметь, живя в миру, и точно так же в том положении, в котором находитесь вы. И где бы ни жил человек этим сознанием, он везде счастлив и спокоен и делает то дело божие, для которого предназначен. Представляю себе человека в вашем положении, всегда кроткого, смиренного, любовного, несмотря на оскорбления, и другого, энергетически действующего в мире для уничтожения существующего зла не только революционным насилием, но даже мирной пропагандой, и для меня совершенно ясно и несомненно, что первый, не говоря о том несомненном благе, которое он даст себе, будет иметь несравненно большее благотворное влияние на жизнь людей вообще, чем второй. Очень вероятно, что он – первый – не будет видеть этих благотворных последствий (если он делает то, что делает, для своей души, ему и не нужно видеть), но что последствия этих действий будут вернее, чем то, что взойдет завтра солнце, потому что в этом, только в этом, в внесении в мир все большего и большего сознания своей божественной сущности, только в этом жизнь всего мира и каждого человека». ⁹⁶

О причинах террора Л. Н. Толстой писал П. А. Столыпину 26 июля 1907 г. «Причины тех революционных ужасов, которые происходят теперь в России, имеют очень глубокие основы, но одна, ближайшая из них, это недовольство народа неправильным распределением земли. Если революционеры всех партий имеют успех, то только потому, что они опираются на это, доходящее до озлобления, недовольство народа». ⁹⁷

Подробнее об этом мы будем говорить в специальной главе. О сущности новой жизни Толстой писал П. П. Картушину 6 декабря 1907 г. Л. Н. Толстой считал, что она должна состоять (о чем

вы и приблизительно пишете, говоря о нежности) в стремлении к единению с другими существами и богом. Это стремление, по мнению Толстого, проявляется в любви. На воспитание, удержание в себе, увеличение, приучение себя к этой любви должны быть направлены все, все силы.⁹⁸

Мещанин из города Екатеринодара Т. С. Трухтанов, член партии эсеров, высланный летом 1907 г. в Архангельскую губернию в ссылку на три года, 8 декабря 1907 г. спрашивал Л. Н. Толстого: «Как бы следовало поступить вам, если бы вам грозила смерть, избежать которую можно было бы только нарушив заповеди Христа «не убий, не противься злу»? Как бы вам следовало поступить в этом случае, следуя учению Христа еще в тот момент вашей жизни, когда вы только что уразумели истинность Христа и ложность учения мира, и когда вы еще только задумали дело перевоспитания мира согласно учению Христа? Я прошу вас ответить мне на вопрос: как бы следовало вам поступить в этом случае, и почему так, а не иначе? Мне, Лев Николаевич, – продолжал он, – представляется противоречие между заповедями Христа: любви к ближнему и непротivления злу». В конце письма он просил писателя-моралиста не думать, что «это письмо написано с какой-нибудь пошлой задней мыслью».

Нас интересует «смягченный» вариант ответа Л. Н. Толстого на поставленные Т. С. Трухтановым вопросы. В своем ответе писатель прежде всего обращает внимание на тезис Т. С. Трухтанова о том, как бы он поступил, если бы «мог избежать смерти только убийством». Толстой пишет о том, что таких положений «никогда не бывает», не говоря уже о том, что человек, «который бы задумал перевоспитать мир, был бы очень глупый человек и смерть такого человека была бы небольшой потерей для мира».⁹⁹

Для всякого человека, думавшего о смысле человеческой жизни, не может представляться возможным закон «не убийства», делания добра, любви к врагам. Это такая, не подлежащая никаким толкованием, истина, что он (Толстой – В. С.) «может только удивляться на такие вопросы».

Л. Н. Толстой отвергает и положение Т. С. Трухтанова о том, что неразумно не сохранять свою жизнь, даже убийством другого, в тот момент, когда человек задумал «благодетельное для людей дело», в результате которого «моя жизнь принесет великую пользу людям». Эту мысль Л. Н. Толстой считает «и глубоко-

ко несправедливой, и безумно горделивой и ужасно безнравственной». Писатель говорит о том, что человек «никак не может знать», принесет ли «распространение его мыслей» благо человечеству. И поэтому во имя своего воображаемого блага нарушить закон «не убий», исписанный во всех религиозных законах и в каждом сердце человека, «есть верх неразумия и безнравственности».

Религиозный человек, считал писатель, точно так же не знает, какими внешними средствами может быть достигнуто благо людей, и никак не думает, что его жизнь нужна для достижения этого блага, но он знает, что для этого ему надо исполнять вечный, общий закон. И если для исполнения этого закона ему нужно умереть, то он знает, что смерть его нужнее для достижения этого блага, чем его жизнь, хотя он и не может знать, каким путем смерть его будет содействовать благу. Он считал, что не знал об этом и Христос.

В подтексте вопросов, заданных Т. С. Трухтановым Л. Н. Толстому, лежит положение идеологии эсеров о том, что для блага человечества, а именно народов России, можно и нужно убить (Николая II, П. А. Столыпина и др. людей) мешающих, стоящих на пути к счастью страны. Это положение противоречило основному положению религиозно-гуманистического мировоззрения Л. Н. Толстого – его теории ненасилия.

Примечания:

1. Маковицкий Д. П. Указ. соч. Кн. 1. С. 162. Запись в дневнике за 4 февраля 1905 г.
2. Там же. Т. 2. С. 209. Запись в дневнике за 15 августа 1906 г.
3. Там же. С. 342. Запись в дневнике Д. П. Маковицкого за 17 сентября 1907 г.
4. Там же. С. 530. Запись в дневнике за 8 октября 1907 г.
5. Толстой Л. Н. ПСС. Т. 37. С. 425.
6. Там же. Т. 37. С. 83.
7. Там же. С. 91.
8. Там же.
9. Там же. С. 92.
10. Там же. С. 96.
11. Маковицкий Д. П. Указ. соч. Т. 3. С. 105. Запись в дневнике за 2 июня 1908 г.

12. Толстой Л. Н. ПСС. Т. 37. С. 454–459.
13. Там же. Т. 78. С. 137, 138, 156, 169.
14. Толстой Л. Н. – Семенову Л. Д., 10 мая 1908 г. // ПСС. Т. 78. С. 137–138.
15. Толстой Л. Н. – Семенову Л. Д., 6 июня 1908 г. // ПСС. Т. 78. С. 156.
16. Толстой Л. Н. – Стасюлевичу М. М., 23 июня 1908 г. // ПСС. Т. 78. С. 169.
17. Маковицкий Д. П. Указ. соч. Кн. 3. С. 82. Запись в дневнике за 9 мая 1908 г.
18. Маковицкий Д. П. Там же. Запись в дневнике за 20 мая 1908 г.
19. Толстой Л. Н. – Русанову Г. А., 11 ноября 1905 г. // ПСС. Т. 78. С. 51.
20. Толстой Л. Н. – Стасову В. В., 30 ноября 1905 г. // ПСС. Т. 78. С. 59.
21. Толстой Л. Н. – В редакцию газеты «Русские ведомости», 1 декабря 1905 г. // ПСС. Т. 76. С. 61.
22. Толстой Л. Н. – Толстому Л. Л., 27 декабря 1905 г. // ПСС. Т. 76. С. 71.
23. Толстой Л. Н. – Водянскому А. М., 1 января 1906 г. // ПСС. Т. 76. С. 74.
24. Толстой Л. Н. – Толстой А. В., 1 января 1906 г. // ПСС. Т. 76. С. 75.
25. Толстой Л. Н. – В редакцию газет «Новое время» и «Русские ведомости», 14 января 1906 г. // ПСС. Т. 76. С. 81.
26. Толстой Л. Н. – В редакцию газеты «Новости дня», 16 января 1906 г. // ПСС. Т. 76. С. 83–85.
27. Толстой Л. Н. – Толстой А. Л., 22 января 1906 г. // ПСС. Т. 76. С. 85–87.
28. Толстой Л. Н. – Шейерману В. А., 18 февраля 1906 г. // ПСС. Т. 76. С. 104.
29. Толстой Л. Н. – Шкарвану А., 18 февраля 1906 г. // ПСС. Т. 76. С. 106.
30. Толстой Л. Н. – Болтону Х., 15 февраля 1907 г. // ПСС. Т. 77. С. 35.
31. Толстой Л. Н. Запись в дневнике за 16 января 1907 г. // ПСС. Т. 56. С. 7–8.
32. Толстой Л. Н. – Черткову В. Г., 15 августа 1906 г. // ПСС. Т. 89. С. 41.
33. Толстой Л. Н. Дневник. Запись за 24 августа 1906 г. // ПСС. Т. 55. С. 238.
34. Толстой Л. Н. – Черткову В. Г., 1 июля 1908 г. // ПСС. Т. 89. С. 97.
35. Толстой Л. Н. ПСС. Т. 55. С. 156. Запись в дневнике за 31 июля 1905 г.
36. Там же. С. 161. Запись в дневнике за 19 сентября 1905 г.
37. Там же. С. 167–168. Запись в дневнике за 23 октября 1905 г.
38. Там же. С. 173. Запись в дневнике за 16 декабря 1905 г.
39. Там же. С. 175. Запись в дневнике за 23 декабря 1905 г.
40. Толстой Л. Н. – Меншикову М. О., 20 августа 1908 г. // ПСС. Т. 78. С. 207.
41. Там же. С. 208.
42. Толстой Л. Н. – Ответ матросам и солдатам, 29 августа 1908 г. // ПСС. Т. 78. С. 214.
43. Толстой Л. Н. – В редакции газет, 21 сентября 1908 г. // ПСС. Т. 78. С. 234.
44. Толстой Л. Н. – Ежевскому П. В., 14 декабря 1908 г. // ПСС. Т. 78. С. 282.
45. Толстой Л. Н. – Арсеньеву Л. А., 20 декабря 1908 г. // ПСС. Т. 78. С. 293.
46. Толстой Л. Н. – Столыпину А. А., 20 декабря 1908 г. // ПСС. Т. 78. С. 294.
47. Маковицкий Д. П. Указ. соч. Кн. 1. Запись в дневнике за 4 февраля 1905 г. С. 183.
48. Там же. С. 183. Запись в дневнике за 24 февраля 1905 г.

49. Там же. С. 188. Запись в дневнике за 27 февраля 1905 г.
50. Там же. С. 326. Запись в дневнике за 17 мая 1905 г.
51. Там же. Кн. 2. С. 21. Запись в дневнике за 19 января 1906 г.
52. Там же. С. 40. Запись в дневнике за 4 февраля 1906 г.
53. Там же. С. 60. Запись в дневнике за 24 февраля 1906 г.
54. Там же. С. 61. Запись в дневнике за 25 февраля 1906 г.
55. Там же. С. 76. Запись в дневнике за 13 марта 1906 г.
56. Там же. Кн. 2. С. 170. Запись в дневнике за 13 и 30 июля 1906 г.
57. Там же. Кн. 2. С. 207. Запись в дневнике за 14 августа 1906 г.
58. Там же. С. 209. Запись в дневнике за 15 августа 1906 г.
59. Обнаружение бомбистского заговора против Кронштадского военно-полевого суда // «Новое время», 6 октября 1906 г. № 10979.
60. Маковицкий Д. П. Указ. соч. Кн. 2. С. 256–257. Запись в дневнике за 8 октября 1906 г.
61. Там же. С. 223. Запись в дневнике за 30 августа 1906 г.
62. Там же. 28 сентября 1906 г. С. 246.
63. Там же. С. 317.
64. Там же. С. 270. Запись в дневнике за 20 октября 1906 г.
65. Там же. С. 340. Запись в дневнике за 26 декабря 1906 г.
66. Там же. С. 342. Запись в дневнике за 28 декабря 1906 г.
67. Там же. Кн. 3. С. 468. Запись в дневнике за 2 августа 1907 г.
68. Там же. Кн. 2. С. 496, 498. Запись в дневнике за 1 и 2 сентября 1906 г.
69. Там же. Кн. 2. С. 514. Запись в дневнике за 19 сентября 1907 г.
70. Там же. Кн. 2. С. 530. Запись в дневнике за 8 октября 1907 г.
71. Маковицкий Д. П. Указ. соч. Кн. 3. С. 15. Запись в дневнике за 15 января 1908 г.
72. Там же. Кн. 3. С. 50. Запись в дневнике за 8 апреля 1908 г.
73. Толстой Л. Н. – Давыдову Н. В., 9 апреля и 9 мая 1908 г. // ПСС. Т. 78. С. 119–120, 130.
74. Маковицкий Д. П. Указ. соч. Кн. 3. С. 72. Запись в дневнике за 24 апреля 1908 г.
75. См. Толстой Л. Н. ПСС. Т. 37. С. 68–69.
76. Маковицкий Д. П. Указ. соч. Кн. 3. С. 80. Запись в дневнике за 6 мая 1908 г.
77. Там же.
78. Маковицкий Д. П. Там же. 22 мая 1908 г. Кн. 3. С. 95.
79. Маковицкий Д. П. Там же. 5 июня 1908 г.
80. Там же. 20 июня 1908 г. С. 128.
81. Там же. 29 июня 1908 г. С. 129.
82. Там же. 11 июля 1908 г. С. 139.
83. Толстой Л. Н. – Бирюкову П. И., 10 марта 1906 г. // ПСС. Т. 76. С. 118.
84. Толстой Л. Н. – Бирюкову П. И., 3 марта 1906 г. // ПСС. Т. 76. С. 113.
85. Толстой Л. Н. – Бирюкову П. И. Там же. С. 114.

86. Толстой Л. Н. – Императору Александру III. Черновое, 8–15 марта 1881 г. // ПСС. Т. 63. С. 52.
87. Толстой Л. Н. ПСС. Т. 63. С. 55.
88. Толстой Л. Н. – Лебедеву А. К., 7 июня 1905 г. // ПСС. Т. 75. С. 254.
89. Толстой Л. Н. – Фельтену Н. Е., 15 марта 1906 г. // ПСС. Т. 76. С. 122.
90. Толстой Л. Н. – Фельтену Н. Е., 15 марта 1906 г. Там же. С. 123.
91. Толстой Л. Н. – Успенскому П. Л., 25 мая 1906 г. // ПСС. Т. 76. С. 159.
92. Толстой Л. Н. – Сутковому Н. Г., 30 июня 1906 г. // ПСС. Т. 76. С. 173.
93. Толстой Л. Н. – Дарагану А. К., 27 декабря 1906 г. // ПСС. Т. 76. С. 262.
94. Толстой Л. Н. – Ягн А. А., 3 октября 1906 г. // ПСС. Т. 76. С. 210.
95. Толстой Л. Н. – Леонову И., 22 июня 1907 г. // ПСС. Т. 77. С. 143.
96. Толстой Л. Н. – Безверхому П. Ф., 7 июля 1907 г. // ПСС. Т. 77. С. 147.
97. Толстой Л. Н. – Стольшину П. А., 26 июля 1907 г. // ПСС. Т. 77. С. 164.
98. Толстой Л. Н. – Картушину П. П., 6 декабря 1907 г. // ПСС. Т. 77. С. 254.
99. Толстой Л. Н. – Трухтанову Т. С., 8 декабря 1907 г. // ПСС. Т. 77. С. 269.

ГЛАВА V. АГРАРНЫЙ ВОПРОС В РОССИИ В ОСВЕЩЕНИИ Л. Н. ТОЛСТОГО

Л. Н. Толстой понимал, что главным вопросом революции 1905–1907 гг. является вопрос аграрный и от его решения зависит будущее России. Важность данного вопроса определялась тем, что он касался самого многочисленного класса России – стомиллионного крестьянства. Однако актуальность решения данного вопроса не ограничивалась этим – он касался господствующего класса страны – дворянства, которое владело половиной земли. Состояние аграрного вопроса в России к началу XX в. было в значительной степени обусловлено реформой 19 февраля 1861 г., согласно которой значительная часть крестьянских земель в форме «отрезков» перешла от крестьян к дворянам. Малоземелье и чересполосица крестьянских земель сдерживали развитие капитализма в России, несмотря на то, что оно происходило быстрыми темпами.

Для Л. Н. Толстого аграрный вопрос имел первостепенное значение, поскольку, во-первых, это был вопрос о социальной справедливости для подавляющей части населения страны – крестьянства. Во-вторых, это был, с его точки зрения, вопрос мирного решения земельной проблемы без применения насилия, а тем более террора. Он в это верил и на это надеялся. Таким способом можно было, с его точки зрения, разрешить эту напряженную и ставшую в годы революции кровавой коллизией между дворянством и крестьянами. Универсальное средство для решения аграрного вопроса в России Л. Н. Толстой видел в уничтожении права собственности на землю и в установлении возможности равного для всех пользования землею на основе «Единого налога» американского экономиста Генри Джорджа. Л. Н. Толстой был в России главным пропагандистом его учения.

Видный представитель радикальной экономической мысли Запада Генри Джордж в своей работе «Социальные проблемы», вышедшей в свет в 1884 г., изложил свое понимание язв капитализма, а также способов их разрешения. Основное зло капитализма он видел в частной собственности на землю, считая, что антагонизма между трудом и капиталом нет. Он разъяснял, что капитал – это труд и является накопленным трудом. Капитал состоит из орудий, считал Генри Джордж, которые дают доход, увеличивая производительность труда. Труд не может обойтись

без капитала, так как применение капитала дает приращение производственного продукта, которое не производно от воли и желания человека или общественной организации, а является продуктом сил природы. Конечно, это, мягко говоря, не точно. Произведенный человеком продукт зависит от него, от общественной организации и от природы, например хороший урожай.

«Антагонизм существует не между трудом и капиталом, – писал Г. Джордж, – а между трудом и капиталом с одной стороны и земельной рентой с другой, которая растет вместе с ростом производительных сил общества и передает собственнику земли все увеличивающуюся часть общественного продукта. Уничтожьте ренту, и весь общественный продукт будет поделен между капиталом и трудом, которые вместе, правда в разных соотношениях, будут расти. Тогда земля будет доступна всякому, кто захочет ее обрабатывать. И не рабочие будут конкурировать между собой, а предприниматели будут конкурировать за рабочего, повышая заработную плату».

Для уничтожения ренты нет необходимости прибегать к уничтожению частного землевладения. Для этого достаточно облагать ренту высоким налогом, примерно равным ей. И это даст возможность аннулировать все прочие налоги, лежащие тяжелым бременем на производстве и обмене. Заработная плата будет увеличиваться, увеличится и прибыль капитала, пауперизм будет вырван с корнем, бедность будет упразднена и каждый получит занятие за справедливое вознаграждение. Таково вкратце содержание экономического учения Генри Джорджа с его ядром – единым налогом. Л. Н. Толстой увидел в нем оптимальный способ решения аграрного вопроса в России вместе с уничтожением частной собственности на землю. В ней он видел главное зло в развитии аграрных отношений. Поэтому столыпинская аграрная реформа, суть которой заключалась в разрушении общины, насаждении хуторского и отрубного хозяйства, в переселении крестьян в Сибирь, вызвала его резко отрицательную реакцию.

Однако Л. Н. Толстой не сразу и не безоговорочно принял теорию Генри Джорджа. Его смущала высокая ставка единого налога, которую не захотят платить крестьяне, которые мечтают получить землю бесплатно. «Вопрос более сложен, чем его разрешает Генри Джордж», – говорил Л. Н. Толстой. Он считал, что в Тульской губернии на двор падает 35 рублей косвенного налога с водки. Если бы его не было, то в Тульской губернии поме-

щики в большинстве своем не выдержали бы высокой ставки единого налога по 8–10 рублей с десятины, а крестьяне платили бы эту сумму и «были бы в барышах». ¹ «Для меня, – говорил Л. Н. Толстой, – основной вопрос, что земля не может быть, не должна быть предметом собственности, но как избавиться от этого рабства – вот вопрос, который трудно решить».

С материальной точки зрения его нужно не отделять от вопросов нравственных. Община стоит за вопрос о нравственности и во имя этой справедливости готова жертвовать материальными выгодами. По свидетельству Н. Н. Гусева, Л. Н. Толстой говорил, что в вопросе о теории Генри Джорджа он «некомпетентен». ² Однако частые беседы с С. Д. Николаевым, переводчиком многих работ Генри Джорджа на русский язык, а также сравнительный анализ аграрных программ российских политических партий: кадетов, эсеров, эсдеков убедили его в том, что это самый лучший способ решения аграрного вопроса в стране, и он рекомендовал его в письме к П. А. Столыпину 26 июля 1907 г. как наиболее справедливый способ решения аграрного вопроса.

П. А. Столыпин в своих взглядах и в своей политике придерживался совершенно другого направления. Он полагал, что необходимо увеличить число крестьян-собственников, зажиточных и грамотных, считая, что крестьянин такого типа является лучшей опорой буржуазного либерализма.

С этой целью он провел Указ 9 ноября 1906 г. о свободном выходе крестьян из общины. Этот указ давал возможность каждому крестьянину получить находящийся в его пользовании участок общинной земли в его полную собственность и свободно отчуждать, продавать и дарить его по своему усмотрению.

Л. Н. Толстой резко отрицательно относился к попыткам П. А. Столыпина уничтожить земельную общину в России, так как он считал ее «исконно народным учреждением», при помощи которого сходка крестьян решает все дела, касающиеся данного населенного пункта.

По свидетельству литературного секретаря писателя Н. Н. Гусева, он давал резко негативную оценку тем людям, которые совершали это дело – разрушение общины. Он называл их легкомысленными, поверхностными, не имевшими никогда ни одной серьезной мысли в голове. ³

И тем не менее, к этим людям – Николаю Романову и П. А. Столыпину – Л. Н. Толстой обращался с предложениями по улучше-

нию положения народа. Возникает вопрос: «Почему?» По свидетельству А. Б. Гольденвейзера, Л. Н. Толстой говорил ему: «Я рад, что писал царю, а потом Столыпину. По крайней мере, я все сделал, чтобы узнать, что к ним обращаться бесполезно».⁴

Если письмо Л. Н. Толстого Николаю II от 16 января 1902 г. не содержит упоминания о едином налоге Генри Джорджа, а в общем плане ставит вопрос об уничтожении права частной земельной собственности,⁵ то в письме к П. А. Столыпину от 26 июля 1907 г. Л. Н. Толстой уже не только осуждает попытки насильственными методами подавить революционное движение в России, но и предполагает свои способы сделать это бескровно, ненасильственными методами на основе ликвидации частной собственности на землю и введения единого налога согласно учению Генри Джорджа.

Большое письмо Л. Н. Толстого к П. А. Столыпину проникнуто его искренним стремлением склонить последнего на свою сторону. По мнению Л. Н. Толстого, это привело бы к прекращению кровопролития и «доходящего до озлобления недовольства народа». Эта попытка с точки зрения ее содержания являлась утопической от начала и до конца.

Во-первых, не было субъекта, той общественной силы, которая бы взяла на себя выполнение этой задачи. И правые и левые политические партии были, хотя и по разным причинам, против этого. Во-вторых, против этого были не только политически оформленные партии и движения, но и в целом классы помещиков и крестьян. Первые не хотели лишаться своей собственности и были против высокого единого налога, вторые хотели получить землю, но получить ее бесплатно, а платить высокий единый налог они не хотели. Сам Л. Н. Толстой понимал это и писал про два рода возражений против освобождения земли посредством единого налога: «Один род возражений, исходящий от консерваторов, состоит в признании несправедливости лишать владельцев их собственности, земли, тогда как владельцы капиталов остаются неприкосновенными.

Другое возражение самых передовых социалистически и анархически настроенных политиков состоит в том, что владение капиталами так же несправедливо, как и владение землею, и что поэтому право собственности как на то, так и на другое, одинаково должно быть уничтожено. Возражения и те и другие, – считал Л. Н. Толстой, – неосновательны. И те, и другие не признают

того, что уничтожение земельной собственности не есть одна из многих политических мер, которая может быть проведена теперь, сейчас, а может быть и отложена, а есть такая мера, как освобождение крестьян, такое дело, без исполнения которого все другие меры могут только путать и расстраивать общественную жизнь, а не устраивать ее.

Первые либеральные социалисты и анархисты должны понять, что как бы ни сложилось в будущем общественное устройство, уничтожение земельной собственности есть первая настоятельная мера, без исполнения которой невозможно никакое изменение к лучшему общественной жизни.

«Не верьте этому, – обращался Л. Н. Толстой к П. А. Столыпину, – и не думайте, что уничтожение земельной собственности и осуществление единого налога произведет большие потрясения в общественной жизни. Перенесение податей с косвенных налогов на землю может быть совершено постепенно, в продолжение нескольких лет».⁶

Л. Н. Толстой писал П. А. Столыпину, что причины «революционных ужасов», которые происходят теперь в России, имеют очень глубокие основы, но одна ближайшая из них, это недовольство народа несправедливым распределением земли. Несправедливость состоит в том, чтобы владеть землей как собственностью. «Земля есть достояние всех, – поясняет Л. Н. Толстой, – и все люди имеют одинаковое право пользоваться ею... земля не должна, не может быть собственностью отдельных людей точно так же, как когда было рабство, законы, ограждающее рабство были такими законами, какими не должны были быть». Писатель разъясняет Столыпину, что право владения как собственностью хотя бы одним «осьминником земли» так же незаконно и преступно, как владение богачом или царем миллионом десятин. Поэтому вопрос не в том, кто владеет землей и каким количеством, а в том, чтобы уничтожить право собственности на землю и сделать пользование ею одинаково доступным всем.

И такое решение земельного вопроса, заключающееся в уничтожении права собственности на землю и установлении возможности равного для всех права пользования ею, ясно и определено выработано учением «Единого налога» Генри Джорджа.⁷

Опасаясь, что П. А. Столыпин под влиянием распространенных отрицательных суждений о Генри Джордже не потрудится

вникнуть в то, что Л. Н. Толстой предлагает, он просит его пригласить к себе С. Д. Николаева – «великого знатока» учения Генри Джорджа, переводчика его работ на русский язык. Л. Н. Толстой выражает уверенность, что он «не откажется съездить к вам для того, чтобы по мере сил содействовать этому великому делу». Свидание П. А. Столыпина с С. Д. Николаевым не состоялось, хотя первоначально он намеревался это сделать.

Л. Н. Толстой был уверен, что революционное движение в России опирается на недовольство крестьян земельным устройством. Разрешив его, правительство вынет почву из-под ног революционеров, потушит разгоревшийся революционный пожар. Писатель предлагал П. А. Столыпину начать эту работу до Думы, и Дума «будет не врагом вам, а помощником», помощниками, а не врагами будут П. А. Столыпину все лучшие люди России, как из образованных людей, так и из народа.⁸

Л. Н. Толстой убеждал главу российского правительства, что «если есть хоть один шанс из ста в том, что вы успеете в этом великом деле, Вы обязаны начать его. Но я думаю, напротив, что шансов успеха больше, чем неуспеха. Только начните это дело, – взывал он, обращаясь к П. А. Столыпину, – и вы увидите, как тотчас же примкнут к вам лучшие люди всех партий; с вами же будет все стомиллионное крестьянство, которое теперь враждебно Вам. С Вами будет могущественнейшая сила общественного мнения».⁹

Правда, при этом Л. Н. Толстой обещал для российского премьера «великие трудности». Они, по мнению писателя, будут заключаться в том, что все придворные сферы во главе с императором Николаем II будут против этого, а они находились у власти, которая, правда, была ослаблена революцией 1905 г. Однако, разгоняя II Думу и изменяя избирательный закон для выборов в III, Столыпин изменял его в направлении расширения представительства в ней правых элементов, представителей тех самых придворных сфер и верхушки российской буржуазии, которых Л. Н. Толстой считал противниками предлагаемой им реформы национализации земли и единого налога Генри Джорджа.

Реформа, предлагаемая Л. Н. Толстым, не могла быть реализована в России того времени. Для этого не было необходимых условий. Не было общественного субъекта, который бы мог сделать ее. Мысли о ней, изложенные в письме Л. Н. Толстого к

П. А. Столыпину от 26 июля 1907 г., были утопическими. И П. А. Столыпин понимал это. Поэтому первоначально он не хотел отвечать на письмо Л. Н. Толстого.

Однако последний ждал ответа и, не получая его, обратился к брату премьера, журналисту А. А. Столыпину 24 августа 1907 г. с большим письмом, в котором он излагал суть своей просьбы. Здесь он вновь повторял, что система единого налога Генри Джорджа есть средство освобождения земли от права собственности и что она вполне возможна и может пройти с гораздо меньшими смутами, чем те, которые вызвало в свое время освобождение крепостных. Он просил А. А. Столыпина спросить у брата и ответить ему, поскольку ему очень интересно знать мотивы, которыми тот руководствовался, проводя земельную реформу. Л. Н. Толстой писал брату всесильного тогда премьера: «Знаю я, что он завален делами, которые, как и должно быть человеку в его положении, кажутся очень важными, дело же, о котором я пишу, кажется фантастичным, но ведь важно не то, чтобы удержать существующий порядок. Это не только не важно, – по мнению Л. Н. Толстого, – но это вредно, а важно то, чтобы содействовать, служить законному, доброму, вечному движению человечества».

¹¹ А уничтожение собственности на землю есть стоящий на очереди вопрос, решение которого успокоит Россию.

В ответном письме от 2 сентября 1907 г. А. А. Столыпин уведомил Л. Н. Толстого, что его брат еще «не удосужился» написать ему. Однако он считает мысль Л. Н. Толстого об уничтожении частной собственности на землю «несбыточной».

П. А. Столыпин ответил Л. Н. Толстому 23 октября 1907 г. Он писал, что обладание собственностью есть неистребимое свойство человеческой природы, поэтому он проводит аграрную реформу, в результате которой должно возрасти количество крестьян, собственников земли. «Природа вложила в человека некоторые врожденные инстинкты, – писал П. А. Столыпин, – как то: чувство голода, половое чувство и т. п. И одно из самых сильных чувств этого порядка – чувство собственности. Нельзя любить чужое наравне со своим и нельзя обхаживать, улучшать землю, находящуюся во временном пользовании, наравне со своею землею».¹² П. А. Столыпин рассматривал общину с негативной стороны, как «явление искусственное», «как оскотление нашего крестьянина», как «уничтожение в нем врожденного чувства собственности», которое «ведет ко многому дурному и, главное, к бедности».¹³

Бедность крестьян П. А. Столыпин рассматривал как «худшее из рабств». Наличие свободы у российских крестьян П. А. Столыпин связывал с наличием у них собственности: «Смешно говорить этим людям о свободе или о свободах. Сначала доведите уровень их благосостояния до той, по крайней мере, наименьшей грани, где минимальное довольство делает человека свободным. А это достижимо только при свободном приложении труда, т. е. при наличии права собственности на землю».¹⁴

Конечно, нужно отдать дань должному пониманию момента в политической истории России. Его аграрная реформа при всех ее недостатках была одним из возможных вариантов развития сельского хозяйства России. Возможность ее реализации признавал В. И. Ленин.¹⁵

П. А. Столыпин в письме к Л. Н. Толстому признает учение Г. Джорджа, но ограничивает и отодвигает по времени его практическую реализацию. Он считает, что «единый налог» со временем поможет борьбе с крупною собственностью. «Но теперь я не вижу, – писал он Л. Н. Толстому, – цели у нас в России сгнать с земли более развитый элемент землевладельцев и, наоборот, вижу несомненную необходимость облегчить крестьянину законную возможность приобрести нужный ему участок земли в полную собственность».¹⁶

П. А. Столыпин пишет Л. Н. Толстому о том, что он его не убедил, и поэтому он не хотел отвечать ему. «Вы мне всегда казались великим человеком, я про себя скромного мнения. Меня вынесла наверх волна событий – вероятно на один миг! Я хочу все же этот миг использовать по мере моих сил, пониманий и чувств на благо людей и моей родины, которую люблю, как любили ее в старину, как же я буду делать не то, что думаю и создаю добром?»¹⁷

Завершая письмо, П. А. Столыпин писал о том, что он, находясь часто на волосок от близкой смерти, задумывается над вопросами добра и зла в общественной жизни России и пытается идти «прямой дорогой» общественной справедливости.

Письмо П. А. Столыпина произвело на Л. Н. Толстого большое впечатление. Д. П. Маковицкий записывает в своем дневнике: «После чтения книги И. Ф. Наживика «В долине скорби» читали письмо П. А. Столыпина к Л. Н. Пишет, что он – за собственность на землю и потому против Генри Джорджа, отрицающего собственность. Письмо скромное. Конец трогательный. У Л. Н. дрожал голос, когда его читал.

Л. Н.: Столыпин так, как Олсуфьев не имеет понятия о Генри Джордже. Генри Джордж – сторонник собственности. Он за обложение рентой земельной и за освобождение от податей труда, улучшение земли, построек.

Об этом спор между Л. Н. и Михаилом Сергеевичем, который утверждал, что Генри Джордж не признает права завещания, продажи земли. Л. Н. утверждал, что право завещания останется за владельцем земли.

Столыпин охотно согласен поговорить о Генри Джордже с Николаевым, которого рекомендовал ему Л. Н. Л. Н. поручил Олсуфьеву сказать Столыпину, что Николаев охотно придет к нему, и послал Столыпину свою книжку «Единое возможное решение земельного вопроса», отметив некоторые места.

Л. Н. сделал это, поручив Дмитрию Адамовичу (Олсуфьеву – В. С.) передать на словах свой ответ Столыпину, с видимой безнадежностью переубедить Столыпина или добиться чего-либо в пользу Генри Джорджа. Но Л. Н. делал как свой долг стойко. На слова Столыпина в его письме Л. Н. сказал, что отстранить себя от распределения земли по тем будущим результатам – нельзя; одни догадки могут быть. Л. Н. сказал, что он не станет опровергать Столыпина на том основании, что тот может указывать непрактические результаты в применении теории Генри Джорджа на деле, т. к. эта теория, в сущности, соответствует высшей справедливости». ¹⁸ Поэтому он не согласился с П. А. Столыпиным и 28 января 1908 г. написал ему больше письмо, в котором, в отличие от первого, большое внимание уделил личному положению премьера. С большой силой художественного выражения он писал: «Теперь же я пишу о том же (что и в первом письме – В. С.), но уже совсем не для себя и даже не для общего дела, а только для вас, для того, что желаю вам добра, истинного добра, потому что люблю вас». ¹⁹

Всем содержанием и тоном этого письма Л. Н. Толстой выражал тревогу за личную судьбу П. А. Столыпина. Он поясняет ему, что установление единого налога и признание земли общей собственностью не только не противоречит свойству людей владеть собственностью, но оно одно вполне удовлетворяет ему, потому что «истинно законное» право собственности есть только одно: право собственности на произведения своего труда. Именно это право нарушается присвоением людьми незаконного права на собственность земли. ²⁰

Столыпинская аграрная реформа имеет прямое отношение к насилию в его социальной форме. Она привела к дифференциации крестьянства, к разорению и пауперизации миллионов крестьян, а с другой стороны – к возникновению сотен тысяч богатых крестьян, которых в период социализма называли кулаками. Л. Н. Толстой последовательно и бескомпромиссно выступал против столыпинской аграрной реформы. Он видел в ней прежде всего насилие над крестьянами и разрушение векового инструмента жизни крестьянства – общины. Насилие здесь проистекает от того крестьянина, который выходит из общины, обладая лучшим участком общинной земли. Он сохраняет его за собой, получив возможность для этого со стороны государства. При сохранении общины этот лучший участок при очередном переделе земли мог перейти к другому крестьянину, а тут он навечно закреплялся за ним.

Выступление Л. Н. Толстого против столыпинской аграрной реформы было составной частью его взглядов, направленных против частной собственности, что свидетельствует об их известной анархистской направленности.

Д. П. Маковицкий записал в дневнике следующие слова Л. Н. Толстого о столыпинской аграрной реформе (Указ 9 ноября 1906 г.), позволяющей крестьянам выход из общины: «Л. Н. возмущался этим законом, вводящим земельную собственность и разрушающим общинное землевладение.

– Они делают это при условиях, когда рядом стоят люди, говорящие: «Вы делаете это, разоряя нас», а они все-таки это делают. Тут главное – не вмешиваться в дела других людей. Требуя свободы для себя, оставлять и других делать свободно, что они хотят. Если существуют люди, которые признают за собой право насилием заставлять людей поступать так, как они считают хорошим, так будут другие люди, которые будут заставлять других поступать по-своему».²¹

Отсюда видно, что Л. Н. Толстой понимал насильственный характер столыпинской аграрной реформы. Он не понимал только одного, а именно, что в тех условиях общественного развития России она была шагом вперед, ускорившем развитие капитализма в сельском хозяйстве России. На эту сторону ее и указывал П. А. Столыпин в ответном письме Л. Н. Толстому от 23 октября 1907 г. О чем мы уже выше говорили.

4 сентября 1907 г. после обеда в яснополянском доме Толстых Лев Николаевич убеждал В. Г. Черткова, чтобы он не строился в

Телятинках. «Потом Л. Н. говорил о письме своем к П. А. Столыпину, которое перестало быть секретом». Сын писателя Андрей Львович рассказал, что обедал с братом премьера А. А. Столыпиным и «тот ему сказал, что письмо Л. Н. его брату было очень приятно, но что он ошибается, если думает, что на него великие князья имеют влияние.

Л. Н.: Если не нашел другого что ответить, это самое последнее».

Владимир Григорьевич Чертков уточнил: «Вы даже пишете – царь и великие князья (вливают на Столыпина). И что он не отвечает, сделает ли что?»

Л. Н. сказал: «Видно – ничего из этого не будет (т. е. из того, чтобы Столыпин подал проект единого налога). И что он теперь это дело кончил. «Сказал и спас душу свою», и что у него есть другие, более серьезные дела». ²² Поэтому, заканчивая письмо к П. А. Столыпину от 28 января 1908 г., Л. Н. Толстой просил его, что если он не согласен с ним в отношении единого налога Генри Джорджа, то «может ему не отвечать». ²³

Перед Л. Н. Толстым, как пропагандистом единого налога Генри Джорджа, с неизбежностью вставал вопрос: какой вид хозяйства выгоднее – общинное или хуторское, частное. Он считал, что общинное хозяйство обладает преимуществом перед частным. При этом он исходил из того, что этот вопрос надо рассматривать не только с точки зрения материального благосостояния, богатства, но и с точки зрения нравственной. Община стоит за вопрос нравственности и во имя справедливости готова жертвовать выгодами материальными. ²⁴

По свидетельству Н. Н. Гусева, Л. Н. Толстой даже признавался, что он «не компетентен» в этом вопросе. Его отталкивала следующая ситуация, которая складывалась в России: ввести основные положения теории Генри Джорджа можно только с допущения государства с его законами и указами, которые приводятся в действие насильем. «Вот ведь в чем трудность», – заметил Л. Н. Толстой.

Если представления Л. Н. Толстого о применении единого налога Генри Джорджа в России были утопическими, то его выступления против насилий, связанных с реализацией столыпинской аграрной реформы, отличались последовательностью.

Примечания:

1. Гусев Н. Н. Два года с Л. Н. Толстым. М.: Художественная литература, 1973. С. 168.
2. Там же.
3. Там же. С. 18.
4. Гольденвейзер А. Б. Вблизи Толстого. М.: Захаров, 2002. С. 193.
5. Толстой Л. Н. – Николаю II, 16 января 1902 г. // ПСС. Т. 73. С. 184–191. Здесь же опубликован отдельно черновик этого письма. С. 191–196.
6. Толстой Л. Н. – Столыпину П. А., 26 июля 1907 г. // ПСС. Т. 77. С. 170.
7. Там же. С. 166.
8. Там же. С. 168.
9. Там же.
10. Толстой Л. Н. – Столыпину А. А., 24 августа 1907 г. // ПСС. Т. 77. С. 181.
11. Там же.
12. Столыпин П. А. – Толстому Л. Н., 23 октября 1907 г. // Столыпин П. А. Переписка. М.: Росспэн, 2004. С. 175.
13. Там же.
14. Там же.
15. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 20. С. 324–333.
16. Столыпин П. А. Указ. соч. С. 175.
17. Там же.
18. Маковицкий Д. П. У Толстого. Яснополянские записки. Кн. 2. С. 546. Запись в дневнике Д. П. Маковицкого за 28 октября 1907 г.
19. Толстой Л. Н. – Столыпину П. А., 28 января 1908 г. // ПСС. Т. 78. С. 41.
20. Там же.
21. Маковицкий Д. П. Указ. соч. Кн. 3. С. 245. Запись в дневнике за 8 ноября 1908 г.
22. Там же. Кн. 2. С. 500. Запись в дневнике за 4 сентября 1907 г.
23. Толстой Л. Н. – Столыпину П. А., 28 января 1908 г. // ПСС. Т. 78. С. 44.
24. Гусев Н. Н. Указ. соч. С. 169. Запись за 29 мая 1908 г.

ГЛАВА VI. ГУМАНИЗМ Л. Н. ТОЛСТОГО В ДЕЙСТВИИ

Под гуманизмом мы понимаем прогрессивное направление общественной мысли, характеризующееся защитой достоинства личности, ее свободы и всестороннего развития, защитой человечности общественных отношений.

«Гуманизм – это обеспечение всесторонних предпосылок для свободного саморазвития человека, когда воздействие внешнего мира стимулирует у индивида положительное проявление его задатков и склонностей», – писал В. В. Ильин.¹ Во всем этом проявляется фактическое соблюдение практического человеколюбия, констатирующего:

- признание личности наивысшей ценностью;
- признание высшей целью социальной деятельности неуклонное повышение качества жизни, движение ко все более полному удовлетворению многообразия потребностей, создание оптимальных условий для гармоничной самореализации индивида;
- признание каждого не средством, а целью общественной практики, полномочным субъектом коллективных действий;
- внутреннее единство основных намерений членов общества от равноправия народов до международного сотрудничества на базе взаимотерпимости, невмешательства во внутренние дела;
- уважение к достоинству граждан, их правам;
- гарантии экзистенциальной свободы, ее социального участия;
- инициацию самовозвышения индивида.

Вводя мощный духоподъемный идеал, корректируя вершение истории в соответствии с требованиями достойной жизни, гуманизм акцентирует «автономное воление», «независимое целеполагание», «продуктивное усилие». Инициативное родовое движение во времени, переход от худшего к лучшему, которое задним числом для человечества является прогрессом, «не имеет того же значения для индивидуума». Однако, представляя амбивалентность прогресса, гуманизм не строит идиллий раскрепощено-свободных состояний человечности. Он делает то, что можно понять как заинтересованное беспокойство о человеке ранее, нежели появляются для того поводы.

«Ничто не строится на камне, все на песке. Но долг человеческий строить, как если бы камнем был песок», – говорит Борхес. Полагая онтологию жизни «от первого лица», усматривая в че-

ловеке «не звериную морду», а «чудо свободы», «где происходит встреча лица с богом», гуманизм видит смысл мироздания в исполнении сапиенсом назначения быть Человеком.

С вековой дистанции очевидно: интенции на человеческую свободу, индивидуальную самобытность, личностную самодостойность обуславливают единственно глубокое жизнеутверждающее кредо. В сообществе людей нет места отношению «к другому как вещи». «Быть для себя во имя всех» – составляет непреходящий канон респектабельного существования. Тем более, в ситуации кризисного века, когда всегда имевший дело с сущим человек неожиданно оказался один на один с самим собой. И данное положение удивительно совпало по некоторым параметрам с гуманизмом Л. Н. Толстого, у которого он принял разные формы помощи обращающимся к нему людям.

Разъясняя принципы своего гуманизма, Л. Н. Толстой в статье «Обращение к русским людям. К правительству, революционерам и к народу» попытался изложить свое понимание исторических событий, которые происходили в России. Он писал о том, что правительство России борется с революционерами такими же хитростями и жестокостями, какие применяют против него революционеры.

Однако эти жестокости служат разным целям и направлены на достижение разных результатов. Революционеры стремятся к «какому-то новому устройству жизни», правительство же желает только одного «удержаться в том выгодном положении, в котором оно находится», т. е. сохранить в России существующий общественный порядок. «И потому, – считал Толстой, обращаясь к правительству, – вам не устоять против революции, хотя бы и с конституционными поправками и всякого рода мистическими толкованиями». Все это отжило свой век и не может быть восстановлено. «Спасение правящих округов России, – писал Л. Н. Толстой, – не в думах, не в насилиях и казнях, а в том, чтобы признать свой грех перед народом и постараться искупить его, выставив перед народом идеалы добра и справедливости, более высокие, чем те, которые выставляют революционеры.

Перед правительством России, по мнению Л. Н. Толстого, стоит альтернатива: «либо братоубийственная бойня и все ужасы революции» и притом неизбежная и позорная гибель, либо осуществление справедливого требования всего народа и указание

другим христианским народам пути уничтожения той несправедливости, от которой так долго и жестоко страдают люди.

Обращаясь к революционерам, писатель выступал с осуждением тех насилий, которые они совершают по отношению к правящим кругам России. Эти насилия революционеры совершают для блага народа. Однако «стомиллионный» русский народ не просил их об этом. «Те реформы, которых вы добиваетесь, – продолжал Л. Н. Толстой, – «чужды этому народу. У него другие задачи, народ глубже революционеров видит предстоящую ему цель».

Л. Н. Толстой считал, что революционеры, т. е. представители интеллигенции – люди, высасывающие результаты труда народа. «Ваша борьба с правительством, – писал он, – есть борьба двух народов на здоровом теле, и для народа одинаково вредны обе борющиеся стороны». Он предлагал революционерам: «Боритесь с правительством, если не можете удержаться от этого, но знайте, что вы боретесь для себя, а не для народа». И эта борьба есть «глухое» и «вредное», а главное «безнравственное дело».

Для того чтобы улучшить положение людей, надо чтобы люди стали лучше, а для этого надо, чтобы они больше внимания обращали на свою внутреннюю жизнь. «Внешняя жизнь, – считал Л. Н. Толстой, – в особенности общественная борьба, отвлекает внимание людей от внутренней жизни и потому понижает уровень общественной нравственности».

А понижение уровня общественной нравственности делает то, что самые безнравственные люди все больше и больше всплывают наверх и устанавливается безнравственное общественное мнение, одобряющее преступления, грабежи, разврат и даже убийства. В результате героями времени становятся самые безнравственные люди. Поэтому общественная борьба – это глупое, вредное, безнравственное дело. «Революционерам надо, – считал Л. Н. Толстой, – не хождение по улицам с револьверами, а строгого отношения к себе, к своей жизни, которое улучшит общее состояние людей».

«В России теперь два правительства, – считал Л. Н. Толстой, – и задача стомиллионного народа (крестьянства) состоит в том, чтобы не приставать ни к старому, ни новому правительству», не участвовать в делах того и другого. А не участвовать в делах революционеров, значит не участвовать в вооруженных восстаниях.

«Говорят, – пишет Л. Н. Толстой, – что невозможно жить без правительства. Однако это не так. Русские рабочие, особенно крестьяне, живут по деревням мирной жизнью, решая свои общественные дела миром, правительство им не бывает нужно». Толстой излагает свою теорию непротивления злу насилием, которая заключается в том, чтобы не платить податей, не давать рекрутов, не повиноваться всякому правительству, а «начать жить без него». ^{1a} Вывод мыслителя-моралиста сводился к тому, чтобы народу не участвовать ни в какой насильнической власти, смиренно и кротко переносить насилие, но не участвовать в нем.

Толстовская мораль нашла развернутое освещение в его ответах на многочисленные письма корреспондентов, которые обращались к нему с просьбами, касающимися разных сторон их жизни.

Более широкий круг людей обращался к Л. Н. Толстому, жалуясь на свою неблагоприятную судьбу, на свою трудно складывающуюся жизнь и прося его совета по этим жизненным вопросам. Ответы писателя и мыслителя-моралиста так или иначе сводились к религиозной интерпретации человеческих судеб. Л. Н. Толстой не только писал прошения в официальные инстанции, он писал и письма-утешения к тем людям, которые обращались к нему с подобными просьбами.

Жена члена Ковенского окружного суда В. В. Полякова жаловалась писателю на смерть своего мужа С. П. Полякова. Отвечая ей, Л. Н. Толстой писал, что он «всей душой сочувствует ее горю», и вместе с тем он осуждает свою корреспондентку за то, что она свои упреки обращает чуть ли не самому богу. Толстой считал, что если бы был жив муж Веры Владимировны, он не одобрил бы их. Что касается физических страданий ее мужа перед смертью, то в них нет зла. Напротив они вызывают в людях переход сознания из телесной области в духовную, а это великое благо, – считает Л. Н. Толстой.

«Если верить в бога, – продолжает Л. Н. Толстой, – то нельзя не верить в то, что внешнее, совершающееся не по нашей воле, все нам на благо. Зло есть только внутреннее, то что мы сами делаем, противясь воле бога. Надо полагать во всем, – наставляет он В. В. Полякову, – не моя воля, но твоя, и не то, что я хочу, а что ты хочешь, и не так как я хочу, а так как ты хочешь. Если вы будете, – писал Л. Н. Толстой В. В. Поляковой, – всегда смотреть на все именно таким образом, – это даст вам ненарушимое спо-

койствие и доброе расположение к людям». ² Толстой излагает здесь свою традиционную, сложившуюся у него в конце XIX века точку зрения о том, что внутреннее в человеке, безусловно, довлеет над внешним.

Человеческое горе заставляло людей обращаться за советом к Л. Н. Толстому. Сын фабриканта города Вязников Владимирской губернии М. Г. Пашинин в середине сентября 1904 г. был у Толстого в Ясной Поляне и советовался с ним: уходить ли ему с братом и матерью из дому от тирана-отца. Л. Н. Толстой советовал ему не уходить, а постараться улучшить положение матери дома.

14 ноября 1904 г. М. Г. Пашинин писал Толстому о том, что не прошло и месяца с тех пор, как он был у Толстого, и он убедился, что ничем не может помочь матери. Его отец – «пьяница, развратник и богач и бьет насмерть мать». Пашинин просил у Л. Н. Толстого совета, «как ему помочь матери». В ответном письме писатель писал о том, что «надо терпеть». «Делайте, что можете и терпите, – писал Толстой, – и вы увидите, что положение ваше и вашей матери и главное вашего отца непременно улучшится». «Не столько жалок страдающий, сколько тот, от кого страдают, хотя мы по слабости жалеем больше жертву и испытываем недоброе чувство к мучителям». Он предупреждает сына фабриканта, что если он уйдет из дому, то потом раскается. Чем тяжелее ему теперь, тем радостнее будет потом. Он рекомендует Пашинину: «Делайте, что велит совесть и бог, и все будет хорошо, хотя совсем не так, как мы хотим и предвидим». ³ Терпение, к которому Л. Н. Толстой призывает в письме Пашинина, есть понятие из его концепции непротivления злу насиле- ем. За него бог выдает страдающим лучшее будущее. Кроме того, оно вызывает пробуждение совести у мучителя и не только прекращение мучений, но и желание у мучителя делать людям добро, в том числе и тем, по отношению к которым в прошлом поступал несправедливо.

В письме к В. В. Плюснину, последователю взглядов Л. Н. Толстого, последний поучал сына сибирского миллионера, что не беда, если образ жизни его богатых родителей не совпадает с его взглядами. «То, что родные не доброжелательны к вам – не беда, – поучал он. – Только сами не заражайтесь не добрым к ним чувством, и вы победите и их, и, главное, себя». «Ваше положение, – отмечал Толстой, – не только не является неприятным, оно может быть источником величайшей радости, если вам удастся

своей разумностью, спокойствием и добротой привлечь их не к себе, а к разумности и доброте». ⁴ Абстрактное чувство добра, считал Л. Н. Толстой, дано человеку богом, оно у него затирается и временно отходит на задний план под влиянием неблагоприятных условий жизни, и видя разумность других и в частности детей, оно пробуждается и в широком смысле распространяется не только на тех, кто вызвал это чувство к жизни, а на всех людей, не только ближних, но и дальних.

О том, что это происходит именно так, Л. Н. Толстой писал Л. Д. Соколовой. «Не обижаться, не осуждать, не сердиться, а помогать, кому можно. Только делайте это не для похвалы людской, а для бога, и вам откроются новые обязанности и дела, и вы будете испытывать все большее удовлетворение, исполняя их». ⁵

Эти христианские принципы жизнедеятельности противопоставляются Л. Н. Толстым общественным, революционным.

В двух письмах к Толстому, отправленных в феврале 1906 г. В. И. Скороходов рассказывал писателю о жестокой расправе властей над местным населением, о многочисленных арестах и о том, как пребывание в тюрьме стало для «разноместной толпы почтенных тружеников настоящим университетом». Отвечая Скороходову, Л. Н. Толстой образно сравнивает два образа жизни – религиозный и революционный – с двумя «стрелками», которые коренным образом отличаются одна от другой. «Есть на наших рельсах стрелка, – писал Л. Н. Толстой, – с которой легко и незаметно переходить с пути христианской жизни на путь общественной, революционной деятельности. Стрелка эта в том месте, где христианин начинает думать о последствиях влияния своей деятельности на других, где желает проявить себя. И я думаю, – продолжает развивать свою мысль Л. Н. Толстой, – что вы перешли на эти другие рельсы. Они никуда не ведут, кроме как к озлоблению и разъединению. Тогда как рельсы христианской жизни, имеющей целью только удовлетворение своей совести, делание другому, всякому того, что хочешь, чтобы тебе делали, ведут очень далеко, бесконечно далеко и, не имея цели влиять на других людей, сильнее всего действует на людей». ⁶

Эти положения о превосходстве христианской морали над революционной были подробно развиты Л. Н. Толстым. Вместе с Н. Г. Сутковым в 1906 г. Н. Е. Фельтен основал в Петербурге издательство «Обновление», которое печатало и распространяло запрещенные ранее произведения Л. Н. Толстого. Фельтен счи-

тал слишком резким тон статьи Л. Н. Толстого «Обращение к русским людям. К правительству, революционерам и народу». Н. Е. Фельтен находил слишком резким тон статьи в отношении революционеров. «Я не вижу в этом обращении, – писал он, – той мягкости, которая всегда чувствуется в ваших письмах, когда вы хотите помочь человеку исправиться, указываете ему на его ошибки! И притом, что такое гадости революционеров по сравнению с гадостями, которые делает наше правительство».⁷

Отвечая Н. Е. Фельтену, Л. Н. Толстой в очередной раз высказывает свою любимую идею, согласно которой христианин должен жить перед богом и своей совестью и не пытаться воздействовать на других, потому что «он не знает и не может знать, что для них хорошо».⁸

Это утопическая точка зрения, при буквальном следовании ей получается, что общественного мнения и общественных интересов нет и не может быть. При буквальном понимании ее общественная жизнь вообще невозможна.

Таким образом получается, что Л. Н. Толстой вставляет гуманистический принцип ненасилия в рамки утопического миропонимания. В письме к дочери М. Л. Оболенской писатель объясняет сущность этого процесса. Он пишет: «... советую тебе воспользоваться всем, что можешь взять от Европы. Я лично ничего не хотел бы взять, несмотря на всю чистоту и выглаженность ее. А к сожалению, вижу, что мы все капельки подбираем, партии, предвыборные агитации, блок и т. п. Отвратительно. Такой разврат, в который втягивают крестьян, развращая их. Может быть, это неизбежно и надо и крестьянам перейти через этот разврат для того, чтобы понять всю его бесцельность и злобредность. А иногда не могу не думать, что этого не нужно. И доказательство ненужности этого вижу в том, что я, например, да и многие со мной, мы видим, что все эти конституции ни к чему другому не могут привести, как к тому, что другие люди будут эксплуатировать большинство – как это происходит в Англии, Франции, Америке, везде и вся, будут беспокойно стремиться, чтобы эксплуатировать друг друга, и все больше и больше будут кидать единственную разумную, нравственную земледельческую жизнь, возлагая этот серый труд на рабов в Индии, Африке, Азии и Европе, где можно».⁹

Причину такого отношения к европейской цивилизации Л. Н. Толстой видел в том, что она «очень чиста материально эта

европейская жизнь, но ужасно грязна духовно. Так я иногда сомневаюсь – нужно ли русскому народу пройти через этот разврат, придти в тот тупик, в который уже зашли западные народы?»

Л. Н. Толстой, не замечая, противоречит себе: с одной стороны, он отвергает всякую внешнюю жизнь христианина, считая более глубокой и единственно содержательной внутреннюю, а с другой – отрицает как недостойную внешнюю жизнь народов Западных стран, не указывая, по крайней мере, здесь, какой же должен быть общественный порядок в России.

Очень важно отметить отношение к земельной собственности, поскольку крестьянство составляло основную массу населения страны, и Толстой знал об этом.

Отвечая А. С. Марову, приславшему Л. Н. Толстому вырезку из газеты «Биржевые ведомости» от 20 февраля 1906 г. со статьей К. Г. «Рабочие у графа Л. Н. Толстого (рассказ рабочего)», в котором содержалась информация о том, что владельцы Ясной Поляны вызывали казаков для наказания крестьян за порубку леса в имении, Л. Н. Толстой объясняет свою позицию по вопросу о собственности. Он пишет: «На такие клеветы как та, которая напечатана в присланной вами вырезке, я никогда не отвечаю. На всякое чихание не наздравствуешься. А разных клевет обо мне пишут очень много. Вам отвечаю, потому, что вы, в сущности, не верите этому».

Отношение Толстого ко всякой собственности вообще «такое, что всякий христианин не должен ничего считать своим и потому не должен насилем защищать свою собственность, и даже когда эта собственность есть произведение его труда, а тем более не должен считать своею и защищать насилем землю, на которую все люди имеют одинаковые права». ¹⁰ Писатель отмечал, что этого принципа по отношению к собственности он придерживался в течение последних 25 лет своей жизни. Он распределил всю принадлежавшую ему собственность между членами своей семьи, у «него не осталось ничего». Л. Н. Толстой отрицал, что владелица Ясной Поляны, его жена Софья Андреевна, могла вызвать казаков для наведения порядка в этой части толстовского наследства.

В этих условиях, когда у писателя и мыслителя сложилась такая утопическая система взглядов в отношении к собственности, имеющей определяющее значение для развития настоящего и будущего российского общества, проходила его жизнь, напол-

ненная мучительными размышлениями о будущем страны и народов, ее населяющих.

Специфической формой отношений собственности являются деньги, представляющие всеобщий товар, на который охотно обмениваются все другие товары. Из произведений, написанных Л. Н. Толстым в последний период его жизни, наибольшее значение в этом смысле имеет повесть «Фальшивый купон», которая писалась Л. Н. Толстым почти четверть века. В ней в яркой художественной форме повествуется о том, какие необычные, порой трагические приключения происходят с фальшивым купоном, написанным гимназистом Махиным, как необычно они отразились на множестве человеческих судеб.

В конце рассказа Митя Смоковников, по просьбе которого был «написан» фальшивый купон, встречается с каторжником Степаном Палагеюшкиным, убийцей «шести душ», к тому времени ставшим «Святым человеком», и под влиянием последнего задумывается в первый раз над своей жизнью. Он решил изменить свою жизнь. Ему предлагали место службы, на котором он приносил бы большую пользу обществу. Однако он отказался. Он купил имение, женился и решил «как сумеет служить народу».

Для начала он решил приехать к отцу, с которым у него были неприязненные отношения. Он решил улучшить их и примириться с отцом. Наблюдая необычные поступки сына, отец сначала удивлялся и смеялся над ним, а потом перестал и вспомнил многие случаи, когда он сам был виноват перед ним. На него толстовская проповедь непротivления злу насилием оказала плодотворное влияние.

Сюжетно это выразилось таким образом. Бывший дворник владельца магазина фотографических принадлежностей Василий послал с посылным к нему 100 рублей, в которых он нуждался с запиской и письмом, в нем было написано со ссылкой на Евангелие «делай добро за зло». ¹¹

Несомненно, что художественная форма произведения способствовала популяризации содержащейся в рассказе идеи непротivления злу насилием.

Однако если в рассказе эта идея принимала идеальную форму, то в реальной жизни – материальную, выражаясь в конкретной помощи людям.

Студент III курса Лесного института Трушкин 7 июня 1906 г. обратился с письмом к Л. Н. Толстому, в котором писал, что он

служил в управлении городской конно-железной дороги, и просил писателя помочь ему найти какой-нибудь дополнительный заработок. Л. Н. Толстой обратился к В. В. Стасову¹² и А. М. Хирьякову¹³ с письмами, в которых он просил их помочь студенту Лесного института Трушкину найти «какой-нибудь» дополнительный заработок.

Просьбы к Л. Н. Толстому касались самых различных сторон. Учитель сельской школы села Вновь-Юрмитского Камышловского уезда Пермской губернии С. П. Тумашов, которому наскучило учительствовать, обратился к Л. Н. Толстому с письмом, в котором спрашивал его: «Что ему делать? Продолжать ли учительство? Жениться или уже нет?» Ответ Л. Н. Толстого предельно краток: «1) Учительствовать продолжать; 2) Лучше не жениться. Жениться только тогда нужно, когда не можешь жить без этого».¹⁴

Сын врача Н. Н. Кромарев, музыкант, 16 августа 1907 г. приезжал в Ясную Поляну и беседовал с Л. Н. Толстым, а еще раньше, 10 апреля этого года, обратился к нему с письмом, в котором спрашивал его, «продолжать ли ему заниматься музыкой, и что делать, если его любит одна девушка, а ему нравится другая».¹⁵ Отвечая на вопросы Кромарева, Л. Н. Толстой писал, что «изменить свою жизнь: отказаться от занятий музыкой, к которой имеешь склонность и способность, или от одинокой свободной жизни, соединив себя с женою, можно и должно не тогда, когда в голове решил, что это было бы хорошо, а только тогда, когда не можешь поступать иначе. И решить это в своей душе может только тот, кому предстоит этот вопрос». Л. Н. Толстой советовал Н. Н. Кромареву читать «Круг чтения», который представлял компендиум знаний по этим вопросам.¹⁶

Нравственный авторитет Л. Н. Толстого был так велик, что к нему обращались за советом по вопросам, касающимся выбора жизненного пути, и его советы отличались предельной взвешенностью и продуманностью. Последнее подтверждается его перепиской с дочерью торговца из села Рожнова Нижегородской губернии А. Ф. Тумановской. 1 марта 1904 г. она обратилась к Л. Н. Толстому с письмом, в котором писала о своей тяжелой жизни, о неудачном браке, об одиночестве, о своем деспоте-отце, от которого она с детьми материально зависела. Она ушла с детьми от отца, однако жить ей было не на что, и она просила Л. Н. Толстого посоветовать, что ей делать.

Писатель ответил ей. Он советовал ей вернуться к отцу и «попытаться» вызвать доброе чувство к нему. Это доброе чувство, в конечном счете, вызовет в нем такое же ответное чувство. «Спокойствие, – писал Л. Н. Толстой, – вы найдете только во внутренней работе над своей душой, стараясь быть более покорной, смиренной, доброй и не для достижения внешних целей, а для исполнения того, чего хочет от нас бог. И это же будет наилучшим средством, – подчеркивал Л. Н. Толстой, – для достижения того, что нужно вам и вашим детям». В духе теории непротивления злу насилием Л. Н. Толстой писал А. Ф. Гумановской о том, что «несчастья нужны нам для нашей вечной жизни». ¹⁷

Таких писем, в которых люди разных профессий и разного социального положения обращались к Л. Н. Толстому, прося его совета и нравственной поддержки, писатель получал множество. Его друг и биограф П. И. Бирюков, который в течение нескольких лет жил в Швейцарии близ Женевы, где имел свой дом и участок земли, стал испытывать притеснения со стороны авантюриста К. А. Васильевского, который поселился у него и стал вымогать деньги.

Л. Н. Толстой писал П. И. Бирюкову о том, что он сочувствует ему и напоминает о том, что «все внешнее пройдет, не оставив следа, а оставит след одно духовное, подвинув вперед сознание или, напротив, задержав его просветление». Он поучал своего друга и биографа, утверждая, что «спасение от всего только в боге, в своей совести, в обращении к нему, в сознании его в себе... Страшно говорить это другому, – поучал он П. И. Бирюкова, – но думаю, что такие испытания нужны нам в обоих случаях: и когда мы выдерживаем, и когда не выдерживаем их». ¹⁸

Здесь также, правда намеками, звучит мысль о том, что все внешнее имеет преходящее значение и все усилия мысли и души надо концентрировать на внутренних свойствах вещей и предметов; и только при таком условии внешнее будет иметь для человека преходящее значение.

Популярность писателя и проповедника была довольно широко распространенной и среди учащейся молодежи, хотя она, как известно, страдает излишней самонадеянностью и категоричностью суждений, последнее относится и к определению ею своего жизненного пути. Ученик морского кадетского корпуса Петербурга С. Л. Брусилов от имени группы своих товарищей

писал Л. Н. Толстому о том, что у них возникло желание оставить Морской корпус, переехать в деревню и вести там частную жизнь крестьянина. С. Л. Брусилов просил в этом деле совета у Л. Н. Толстого.

В ответе писателя и философа-моралиста звучит известная осторожность. Прежде всего он налегает на мотивы, которыми руководствовались С. Л. Брусилов и его товарищи. «Вообще думаю, – писал он, – что выходить вам из корпуса нужно не тогда, когда вы рассудком решите, что это было бы хорошо, а тогда, когда вы всем существом почувствуете, что эта жизнь так противна не вашим вкусам, а вашей вере, что вы не можете продолжать ее. Только тогда это будет прочно и плодотворно».

Не только учащаяся молодежь обращалась к Л. Н. Толстому с просьбами оказания помощи в выборе жизненного пути, но и люди с солидным жизненным стажем, разочаровавшиеся в своей профессии. Священник села Грязного Задонского уезда Воронежской губернии Т. П. Богатиков писал ему о том, что он решил оставить «бессмысленную деятельность священника», и просил Л. Н. Толстого ответить ему, как быть в связи с этим. Не уехать ли за границу?¹⁹

Уезжать за границу Л. Н. Толстой Т. П. Богатикову не советовал. «Это можно совершить, – писал он, – только в том случае, если вы не найдете в России деятельности, дающей средства к существованию». ²⁰ Он писал священнику о том, что нельзя ли выйти из сана священника по признанию себя неспособным к исполнению обязанностей священника. Л. Н. Толстой обещал Т. П. Богатикову и в России, и за границей оказывать ему помощь. Для того чтобы облегчить Т. П. Богатикову возможность широко ориентироваться в вопросах, которые его волновали, Толстой послал ему книгу Поленца «Деревенский священник». Он писал Богатикову о том, что если «вы не знаете ее, то она будет вам особенно интересна».

Вопрос о том, куда им уехать, чтобы «покончить с бесполезной жизнью», принимал у корреспондентов Л. Н. Толстого различную форму.

Х. А. Киссин обратилась к писателю с письмом, в котором спрашивала его совета: как ей быть – или оставаться с родителями, или уехать. Л. Н. Толстой отвечал, что ей лучше остаться с родителями, стараясь приносить окружающим ту пользу, которую она может.

Л. Н. Толстой поучает Х. А. Киссин, что жить хорошо с пользою для других и счастливо можно везде, и для этого нужно только одно – следовать тому, что сказано в Евангелии: будьте совершенны, как отец ваш небесный. Приближаться к этому совершенству можно всегда и везде; в этом заключается благо жизни.²¹

Мотивы неустроенности семейной жизни заставляли мужчин и женщин обращаться к Л. Н. Толстому за советом: как им поступить в их конкретном случае. Жена монтера А. В. Чуйко обратилась к мыслителю с письмом, в котором писала о том, что она угнетена бесполезной и праздной жизнью. Она хотела бы порвать с мужем и просила совета Л. Н. Толстого. Писатель отвечал, что на этот вопрос «вы можете ответить только сами, потому что только вы сами знаете всю силу ваших требований иной жизни и всю крепость вашей связи с мужем».

Писатель подчеркивал, что нарушить супружескую связь, разлучиться или совершить поступок, который вызовет недоброе чувство в супруге, можно только тогда, когда перед богом и перед своей совестью не можешь поступить иначе. Подчеркивая значение брачных уз, Л. Н. Толстой писал о том, что если «вы замужем, то задача ваша уже не в том, в чем она заключается для незамужней – жить хорошо, а в том, чтобы жить хорошо с мужем».²²

Артист балета Московского театра А. А. Поспехин обратился к Л. Н. Толстому с письмом, где писал о своем разрыве с женой Н. И. Веретенниковой, причиной которого явились его стремления к нравственному совершенствованию. Он писал, что испытывает большие сомнения и колебания по этому вопросу, поэтому решил примириться с женой. Л. Н. Толстой одобрил это решение Поспехина. Отметив, что последствия этого могут показаться дурными, но это только видимость. Мы видим только материальное благо и зло. Всякий поступок перед богом, несомненно, увеличивает благо того, кто его совершает и последствия его всегда благие, хотя мы и не видим их.²³

Нравственный авторитет Л. Н. Толстого был особенно большим у последователей его учения. Они советовались с ним по важнейшим жизненным вопросам. Последователь учения Толстого бессарабский помещик В. Г. Кристи писал ему о расхождении с женой во взглядах на жизнь, о своем желании оставить имение, купить избушку и работать на земле вблизи Толстого.

Отвечая ему, Толстой писал, что не нужно ничего делать внешне, а нужно «усиленно работать внутренне». «Помните одно, – подчеркивал Л. Н. Толстой, – другие живут, как велит им их совесть, я буду жить по своей совести, и пускай судят обо мне как хотят, только бы бог был со мной, или, скорее, я с ним». ²⁴ Здесь в концентрированном виде Л. Н. Толстой повторяет одно из основных положений своего религиозно-нравственного учения.

Переписка Л. Н. Толстого с представителями разных слоев российского общества, его поведение по отношению к нуждающимся и обремененным принимали иногда трогательный и вместе с тем даже неожиданный для него характер. Директор Александровской гимназии в Риге 7 апреля 1906 г. послал Л. Н. Толстому письмо и 30 рублей денег, которые просил передать особенно нуждающимся людям. Отвечая ему, Л. Н. Толстой писал: «Ваши 30 рублей удалось поместить хорошо. Кроме того, передача их доставила мне радость, причиной которой были вы, и поэтому спешу ей поделиться с вами». Писатель рассказал директору гимназии о том, что к нему 18 апреля 1906 г. из далекой деревни Пирогово, отстоявшей от Ясной Поляны на 35 километров, пришли две женщины-вдовы со свидетельством старшины о бедности: у одной четверо, у другой шесть детей «не взрослых». У последней, по ее словам, «издохла» лошадь и корова.

Л. Н. Толстой сообщает в письме к директору рижской гимназии о том, что он хотел отдать женщинам 30 рублей, которые тот послал ему. Однако засомневался. Во-первых, правду ли крестьянка сказала о корове, а во-вторых, дать ей – вызовешь зависть другой. Поэтому Л. Н. Толстой «дал из других благотворительных денег женщинам три рубля: два рубля той, у которой пропала корова, и рубль другой, намереваясь навести справки». В это время к Толстому пришел погоревший крестьянин из этой же деревни и подтвердил «показания» о корове и лошади. Толстой послал вернуть женщину, которой хотел отдать 30 рублей, но «бабы вернулись обе, так что я не мог скрыть от другой и избежать ее зависти, как я думал. Я передал деньги бабе с 6 детьми и сказал другой, чтобы она не завидовала. Но мне стало совестно, когда я взглянул на лицо другой; она сияла от радости. Чего завидовать: она со мной молоком поделится. Как не поделится, мы недалеко живем. И обе бабы ушли счастливые, благодарные через меня вам, и я испытал большую радость сознания нравственного превосходства надо мной этих женщин». ²⁵

Писатель поясняет причину этого: «Я предполагал чувства, которых у них не было, потому что они бедны и потому истинно жалеют друг друга, не так как мы». Концовка письма Л. Н. Толстого замечательна: «Если бы я не рассказал этого вам, – подчеркнул он, – я бы считал, что присвоил себе ваши 30 р[ублей], и то, что дороже миллионов добрые чувства, которые отозвались на вашей».²⁶

В письме необычно четко звучит мысль о том, что нравственность и взаимопомощь в среде народа развита, несомненно, сильнее, чем у господствующих классов России.

Множество людей разного социального статуса обращались к Л. Н. Толстому с различными вопросами, о которых они хотели знать мнение великого писателя. К числу таких вопросов нужно прежде всего отнести вопрос о смысле жизни.

Ученик Полтавской почтово-телеграфной конторы И. Романовский 22 октября 1906 г. обратился к Толстому с письмом, в котором жаловался на беспричинную скуку. Отвечая ему, Толстой писал: «Ваше душевное состояние может зависеть от безверия, от неопределенностей мыслей... и от неправильной жизни». Он конкретно намечает целый ряд занятий, которые приведут его к новому пониманию смысла жизни, и в этом будет заключаться освобождение «от скуки» и обретение нового смысла жизни. «Советую вам, – писал Толстой, – читать Евангелие, а также те книги, которые я посылаю, и, кроме того, не пить ни вина, ни пива, не курить, не есть мясного и каждый день работать физическую работу, хоть два часа или хоть один: колоть дрова, чистить снег, копать. Жизнь дана человеку для блага его и других людей. Если человеку кажется жизнь злом, то виноват он сам, и ему надо постараться найти, в чем он ошибается, и перестать ошибаться».²⁷

Поводы обращения людей разного социального положения к Л. Н. Толстому с жалобами на свое неудовлетворительное душевное состояние были разными, но Л. Н. Толстой всегда видел в этом неправильный образ жизни, отступление от религии, отсутствие любви человека к другим людям. В письме к жене помещика Могилевской губернии О. К. Ярошевской, которая жаловалась на свою «безобразную деревенскую жизнь», Л. Н. Толстой ответил: «Для того чтобы жизнь была хорошею и человек чувствовал бы спокойствие и удовлетворение, нужно думать не о внешнем проявлении своей жизни, а о том, чтобы удовлетворять

внутренним, духовным требованиям, состоящим в том, чтобы все меньше и меньше думать и заботиться о себе, а все больше и больше заботиться о том, чтобы быть в мире и любви со всеми людьми, с которыми сталкивает жизнь, а никак не в недоброжелательности и раздоре. И если человек только в этом поставит свою жизнь, то она сложится и вове самым лучшим образом». ²⁸ Толстой оговаривается, что он «боится», что его совет не понравится О. К. Ярошевской, однако он ничего другого не знает и не может ей предложить.

Иногда к Л. Н. Толстому обращались люди, находящиеся в критическом, безвыходном положении, и их вопросы касались не смысла жизни в отдаленном будущем, а настоящего сиюминутного положения человека. Обращение к Толстому человека в таком положении свидетельствовало о том, что, по крайней мере, в глазах этого человека Толстой представлял большой нравственный авторитет. К писателю обратился крестьянин Я. Г. Катков, который писал ему, что его жена «сошла с ума», у него осталось 5 человек детей, старшему из которых 14 лет. Признавая трудности положения Я. Г. Каткова, Толстой писал, что нужно терпеливо нести посланный богом крест. Он не рекомендует развод и вторичную женитьбу и считает, что «претерпевший до конца спасен будет». ²⁹ В рамках религиозной точки зрения – это единственный разумный выход из создавшегося положения. Здесь понятие смысла жизни сжимается и из представления об отдаленном будущем доходит до текущей повседневной действительности.

Другое дело – письмо ученика 6 ¹⁰ класса Киевской мужской гимназии С. М. Зубаревского, который писал Толстому о том, что все его попытки жить согласно учению Толстого вызывают «насмешки окружающих» и он не знает, как ему выйти из этого положения. Отвечая Зубаревскому, писатель советовал ему направить все свои силы на внутреннее совершенствование и освободиться от тщеславия, от соблазнов животной природы, от заботы о мнении людей. «Поставьте, – подчеркивал он, – выше всего требование любви ко всем людям, и исполнении этих требований приведет вас к той форме жизни, которая соответствует этому исполнению, а не той, которую вы себе воображаете и вперед облюбуете». ³⁰

Иногда корреспонденты Л. Н. Толстого ставили перед ним вопросы о том, какой путь в жизни им избрать. Студент естественного отделения физико-математического факультета Казан-

ского университета Жилинский В. Д. спрашивал у него, как ему поступить: исполнить желание родителей и продолжать учиться, переселиться в деревню и там работать с крестьянами или организовать полонию «единомышленников»?

Толстой отвечает студенту в духе своего религиозного учения. Его ответ характеризуется продуманностью и взвешенностью. Он рекомендует из «трех образов жизни избрать тот, который ему ближе других. А это знает только автор письма В. Д. Жилинский». «Одно только могу смело советовать вам: предпочесть то решение, которое требует наименьшего изменения внешних условий» жизни. «Надо стараться, – поясняет Л. Н. Толстой, – чтобы изменение внешних условий было последствием внутреннего изменения, а не надеяться на то, чтобы изменение внешних условий могло содействовать внутреннему изменению, в котором все дело и от которого зависит истинное благо жизни». ³¹ Поскольку желающих получить у него советы по вопросам нравственности, и в особенности о смысле жизни, было много, Л. Н. Толстой в ряде случаев ограничивался присылкой корреспондентам своих книг, в которых он подробно излагал свое учение по этим вопросам.

Анфисе Крамской из города Старый Оскол, отвечая на ее вопросы о смысле жизни, Л. Н. Толстой послал две книги: «О разуме, вере и молитве» и «Краткое изложение Евангелия»; ³² С. Г. Крашенинникову, окончившему четырехклассное городское училище и поступившему служить на железную дорогу, Л. Н. Толстой послал 5 книг; ³³ учителю города Сочи Д. Г. Панкову, который спрашивал писателя, как ему научиться любить детей, Л. Н. Толстой послал 4 книги: «Христианское учение», «О жизни», «О смысле жизни», «Как читать Евангелие». ³⁴ Писатель был удивлен, как учитель занимается делом – учит детей и их не любит.

Вопросы Л. Н. Толстому о смысле жизни задавали разные и по-разному: от относительно простых, типа – для чего стоит жить, до чрезвычайно сложных «теоретического характера, касающихся разных аспектов смысложизненных мотиваций».

К числу последних относится письмо Е. И. Попова к Л. Н. Толстому на 26 страницах, в котором он писал ему о своих «затруднениях» теоретического характера.

Ответ Л. Н. Толстого также достаточно подробен и обстоятелен. Он основывается на религиозной точке зрения, отступления от которой Е. И. Попова писатель критикует. «Заблуждение всех

нас, – пишет он, – не воспитанных религиозно людей, одно и то же: сначала жизнь для себя, для своих похотей, своего тела, потом, как поправка к этому, жизнь для блага (опять телесного блага) людей и потом обращение к внешнему (вне себя) богу и опять неудовлетворение и разочарование. А между тем теперь мне дело жизни представляется столь очевидным, что удивляешься (теперь), как мог так долго ходить около, не видя его. Жить – значит: желая блага двигаться вперед куда-то (невольное представление времени). Сначала естественно благо это (дети) желать себе, своему телу и вытекающим из него похотям, потом, когда видишь тщету, неудовлетворенность и неизбежность конца – смерть, и ищешь спасения в расширении предмета, которому желаешь блага (любовь подсказывает), и является служение людям.

Потом ясно, что если земное счастье одного Льва Николаевича гроша не стоит, то так же мало стоит счастье миллиардов Львов Николаевичей, и тогда пробуешь, нельзя ли любить того, кто источник, начало всех этих существ. Но любить того, кого не знаешь и к кому не чувствуешь влечения, нельзя. И выходит, что жить незачем, а надо доживать, пока живется. А между прочим, как просто. На первой же ступени, когда понял, что любить свое тело и улучшать его и удовлетворять его желания – тщетно и глупо, надо было не бросать себя, а только понять себя, – кто настоящее я. И, поняв это, перенести всю ту любовь, какую испытывал к телесному я, на это духовное и весь труд, все усилия, которые клал на улучшение этого я и на удовлетворение его желаний, положить на улучшение духовного я – освобождение его от всего скрывающего его, на удовлетворение его желаний, и вместо разочарования получается все большее и большее очарование, и не очарование, а спокойствие, твердость и радость. И та смерть, которая была ужасом, становится желаемым предметом.

Для телесного человека старость, угашение похоти, страстей, даже чувств, считаемых хорошими, есть уничтожение самых основ счастья, смерть же есть ужасный конец всего. Для духовного человека, старость есть помощь в его работе, есть освобождение от всего, затемняющего его сознание, и смерть есть то самое, к чему он стремится – соединение с тем началом, которое он создает в себе.

Мало того и то, чем обыкновенно стараются исправить телесную жизнь: служение людям и вера и любовь к богу сами собой присоединяются к такой жизни. Чем больше человек просвеща-

ется божественным светом, становится лучше, тем он вернее и плодотворнее служит людям, и тем не только естественнее, но необходимее становится для него любовь к богу, тому богу, которого он все больше и больше сознает в себе». ³⁵ Так подробно и обстоятельно Л. Н. Толстой излагает точку зрения на смысл жизни своему сотруднику и участнику издательского дела за границей В. Г. Черткову.

Популярность Л. Н. Толстого выражалась и в том, что он получал массу коллективных, групповых писем, в составлении которых принимали участие не один, а несколько человек. Ответ на вопросы четырех корреспондентов из Петербурга: Б. Явейн, О. Явейн, Т. Морского и Л. Морского от 7 января 1907 г. о существовании загробной жизни и бессмертия души писатель начинает с указания корреспондентам на то, что оба вопроса «так не точно поставлены, что отвечать на них невозможно».

«Жизнь, – пишет он, – есть только здесь и не может быть бессмертна. Бессмертно только то духовное начало, – поясняет Л. Н. Толстой корреспондентам, – которое составляет сущность и основу всего, что есть, и которое мы чувствуем в самих себе». ³⁶ Это духовное начало мы называем богом. «Если мы сливаем с ним свое существование, что совершается тем, что мы исполняем требования этого начала (бога), сознаваемого в самих себе, то не может быть и речи об уничтожении того, что соединено с этим началом – едино с ним».

Философ-моралист считает, что более подробное изложение вопросов о загробной жизни и о бессмертии души он дал в брошюрах «Мысли о боге», «Для чего мы живем?» и в «Круге чтения», к которым и отсылает всех интересующихся этими вопросами, в том числе и авторов цитируемого выше письма.

Широчайшая известность Л. Н. Толстого в условиях широкого духовного кризиса в России в начале XX века заставляла учащуюся молодежь обращаться к нему с вопросами о смысле жизни или «Зачем мы живем»? С таким вопросом обратились к Л. Н. Толстому трое юношей из Одессы 4 января 1907 г. В качестве ответа писатель послал юношам брошюру «Л. Н. Толстой. Для чего мы живем? Мысли о смысле жизни». «В этой книге, – писал Л. Н. Толстой, – я собрал мысли, насколько я сумел ответить на него для себя (думаю и для вас)». ³⁷

Письма Л. Н. Толстого его корреспондентам пестрят конкретными указателями, что и как им нужно делать, как им нужно по-

ступать и понимать его учение. В письме к матросу Черноморского флота Василию Тенькову, который выражал сочувствие религиозно-нравственным взглядам Л. Н. Толстого, он писал: «Только одно замечание хочется сделать на ваше письмо – то, что вы говорите: по-своему жизнь на служение людям, или что-то в этом смысле». Л. Н. Толстой не советует матросу «ставить такую внешнюю цель своей жизни». Он разъясняет ему: «Для человека есть только одна высшая и ближайшая цель, удовлетворяющая все другим, – все большее и большее обожествление души, увеличение в себе главного божественного свойства – любви».³⁸

Некоторые корреспонденты Толстого сомневались в правильности избранного ими жизненного пути. Мыслителю приходилось вникать в конкретные условия жизни своих корреспондентов и давать им советы в духе своего духовно-нравственного учения. Учительница П. Ф. Буклеева спрашивала писателя, имеет ли она нравственное право, окончив только церковно-приходскую школу, будучи недостаточно грамотной, учить детей грамоте.³⁹

Л. Н. Толстой советует П. Ф. Буклеевой «продолжать учить детей, не смущаясь тем, что другие учителя могут больше знать, чем вы».⁴⁰ Советы Л. Н. Толстого П. Ф. Буклеевой сводятся к двум основным положениям: 1) стараться вносить в ее учение религиозные и нравственные начала. Для этого он советует ей читать с детьми Евангелие или изложение его, которое он учительнице высылает; 2) пользоваться всяким случаем внушать детям правила нравственности: воздержание от табака, вина, ругательств, сострадание к животным. Писатель чрезвычайно высоко ценил эти положения. Он писал П. Ф. Буклеевой о том, что если ей удастся этим путем повлиять хоть на одного из 50 детей, то этим она сделает больше добра, чем, если бы она выучила все науки и передала их детям. Если П. Ф. Буклеева спрашивает, имеет ли она право учить детей, мало зная, то городской судья в г. Порхове Псковской губернии П. А. Парвов спрашивал у Толстого, «можно ли как-нибудь совместить обязанности судьи с христианскими заповедями». Здесь уже вопрос корреспондента заключается не в недостатках знания, а в том, соответствует ли деятельность судьи нравственным положениям христианства и можно ли сделать ее соответствующей этим заповедям.

Отвечая судье, Л. Н. Толстой писал о том, что на поставленный им вопрос ответить «вы можете только сами». Он пишет,

что судить, а тем более наказывать наших братьев, мы не имеем никакого права, так же как и не имеем права брать деньги, собираемые с рабочего народа. «Я знаю хорошо, что жить в доме, состоящем из 15 комнат, не хорошо, но я живу, – продолжает Л. Н. Толстой, – но я живу, хотя никогда не забываю, что жить так дурно, стыжусь такой жизни и стараюсь чем-нибудь искупать ее, пока не могу от нее избавиться». ⁴¹ Здесь уже готовый замысел оставления писателем Ясной Поляны, который он практически реализует три года спустя. Писатель замечает, что «в таком же положении находитесь и вы. И решение вопроса: как вам жить, зависит только от вас одного, поскольку вы и только вы хорошо знаете свои соблазны и свои духовные силы». Для того чтобы Парвов мог подробнее ознакомиться со взглядами Л. Н. Толстого, он рекомендует ему «Всемирный вестник», в котором печаталась серия не изданных в России сочинений Л. Н. Толстого. Кроме того, несколько последних номеров этого издания он посылает судье вместе с письмом к нему.

В некоторых письмах к Л. Н. Толстому, в частности А. Т. Рыбки, звучат проблемы жизни и смерти, которые они должны решить в связи со сложившимися обстоятельствами. В письме от 16 января 1907 г. А. Т. Рыбка, в то время ученик фельдшерского училища в Екатеринославле, писал, что он полюбил женщину, ведущую легкомысленный образ жизни, и после неудачных попыток ее изменить свое поведение решил покончить собой, и только страх, что она без него погибнет, удерживает его от самоубийства. Он просил у Л. Н. Толстого совета: как ему выйти из этого затруднительного положения.

Ответ Л. Н. Толстого, явившийся результатом длительных размышлений, сводился к следующему: порвать всякие отношения со своей подругой и постараться употребить свои силы на выработку в себе любви не к одному лицу, а ко всему миру, в чем главное дело жизни всякого человека. ⁴²

Центральным понятием в религиозно-нравственном учении Л. Н. Толстого является учение о боге. Для последователей Толстого и для людей, знакомых с его учением, значительный интерес представляло данное понятие. Им интересовались, о нем его спрашивали в письмах. Так, ученик 6го класса петербургского реального училища Гомолицкий писал Толстому о том, что у них в училище ведутся споры о существовании бога. Он в своем

письме к Толстому излагал свои сомнения по этому вопросу и просил развеять их.

Излагая свое учение о боге, Л. Н. Толстой прежде всего отмежевался от общераспространенного учения о боге, которое существует у людей. Он прямо подчеркнул, что кто верит в людское мнение о боге, тот верит в слова о боге, а не в бога. Л. Н. Толстой считал, что в бога верит только тот, «кто не может мыслить без понятия бога». Л. Н. Толстой дает «ближайшее», но далеко не точное определение бога: «бог это то все, чего я создаю себя частью». ⁴³

Если человек еще не умеет отделить духовное от телесного, то для такого человека бог будет весь бесконечный, непонятный и противоречивый сам в себе беспредельный мир.

Если же человек понимает себя, как духовное, но ограниченное телом существо, то бог для него будет нечто, хотя и недоступное вполне, но, несомненно, существующее.

«А все те изречения, – писал Л. Н. Толстой Н. Н. Гомолицкому, – которые вы приводите, относятся не к метафизическому и истинно религиозному понятию бога, а к грубому церковному представлению о божественном творце, в трех лицах, казнящем, награждающем, спасающем». ⁴⁴

Многих корреспондентов Л. Н. Толстого интересовало не только его понятие бога, но и его представление о загробной жизни. Отвечая на вопрос студента, перса по происхождению, Ф. Х. Бадалбекова, «как понять слово бог», Толстой сослался на изданную им книгу «Круг чтения», где «соединены мысли о боге, с которыми я согласен». Для того, чтобы не иметь ложного представления о боге, надо прежде всего освободиться от допускаемого, как в церковном христианстве, так и в магометанстве, представления о боге, как личности. Он утверждает, что бог есть любовь, поэтому, насколько человек имеет в себе любви, настолько бог живет в нем. Эта излюбленная писателем мысль повторяется в его переписке бесчисленное множество раз. ⁴⁵

На вопрос о том, что ожидает нас за гробом, Л. Н. Толстой отвечал, что, умирая, мы идем туда, т. е. к тому богу, от которого пришли в жизнь. Бог этот есть любовь, и поэтому мы, умирая, не можем ожидать ничего, кроме хорошего. ⁴⁶

Читателей Л. Н. Толстого интересовали разные вопросы, связанные с пониманием им христианского учения. Крестьянин, по профессии сапожник, писать и читать выучившийся в воскрес-

ной школе в возрасте 30 лет, живущий в Благовещенске-на-Амуре, обратился к писателю с вопросом, как он понимает Иисуса Христа. Отвечая на это, Л. Н. Толстой писал, что, по его мнению, «Иисус был такой же человек, как мы с вами, но великой души и совести». ⁴⁷

Нравственный авторитет Л. Н. Толстого был так велик среди определенной части молодежи, что к нему писали письма молодые люди, учащиеся средних и высших учебных заведений, консультируясь с ним по разным сторонам его учения. С. М. Попов под влиянием религиозно-нравственных взглядов Л. Н. Толстого вышел из седьмого класса гимназии и стал стремиться к жизни, согласной с идеалами толстовского учения. Он начал бесплатно работать на людей, но увидел, что это вызывает недовольство у тех, у которых он отнимал заработок. Обосновавшись у Т. С. Дудченко, он понял, что участвует в улучшении его благосостояния, которое стало таким значительным, что Т. С. Дудченко имел возможность ездить на курорты, в то время, как масса бедняков не имела в достаточном количестве хлеба. С. М. Попов хотел быть ближе к бедным людям, поэтому он просил Л. Н. Толстого указать ему «такого нуждающегося человека».

Конечно, сделать этого Л. Н. Толстой не мог. Однако в своем ответе С. М. Попову он попытался изложить свою точку зрения на идеал добра и постепенное приближение к его осуществлению в нашей внутренней духовной жизни. Он считал, что в ней нет непреодолимых препятствий, которые есть во внешней жизни.

Отвечая на вопрос о желательности указания С. М. Попову конкретного бедного человека, которому он мог бы служить, Л. Н. Толстой писал: «Но если бы мы жили во время Христа, и я указал бы вам на него, то вы, вероятно, были бы удовлетворены его жизнью еще меньше, чем жизнью Дудченко». И он поясняет почему: «Святому вполне, бедному вы не нужны, а в несвятом вы всегда найдете причины, по которым незачем служить ему. Идеал потому только и идеал, – поучает Л. Н. Толстой молодого последователя, – что он неосуществим. Если бы он был осуществим, то идеал не был бы идеалом, а тогда не было бы жизни». ⁴⁸

«Из этого, – считает писатель, – никак не следует, что не надо стремиться к осуществлению идеала, напротив, вся жизнь в этом. Однако идеал должен быть не вещественным, а духовным. Если идеал будет вещественным, внешним, то человек будет видеть

препятствия в осуществлении его вне себя, в особенности в других людях и будет осуждать их, как это делаете вы, упоминая о курортах Дудченко и о покупке коров. Если идеал будет в себе, в своей внутренней жизни, в том, чтобы воспитывать в себе наибольшее смирение и наибольшую любовь к другим людям, то будешь осуждать себя, и препятствий к осуществлению идеала будет меньше».

Вопросы о смысле жизни, о потустороннем мире, об общественном идеале так или иначе, прямо или косвенно интересовали всех его корреспондентов. Однако многие из них интересовались вопросами чисто практическими, как им поступать в той или иной конкретной ситуации. Причем конкретность ситуации была разной: от предельно широкой – как жить, чтобы делать людям наибольшее количество добра, до частного конкретного случая – отдавать ли ребенка в школу. А. М. Капустинский – чертежник, работавший на железной дороге в городе Армавире, вместе с женой занимался педагогической деятельностью. Он был сектантом – баптистом и адвентистом. Разочаровался в религии и просил Л. Н. Толстого сообщить ему, как ему жить, чтобы сделать людям наибольшее количество добра.

Отвечая А. М. Капустинскому, Л. Н. Толстой поучает его: «Никто не может знать о том, чем он может принести людям наибольшее благо, да и думать о том, что я могу и должен принести людям благо, не нужно. А нужно думать о том, как я могу прожить жизнь наилучшим, наисогласнейшим с волей бога образом. Чем ближе моя жизнь к исполнению воли бога, тем плодотворнее она будет для людей и радостнее для меня, хотя я большей частью не буду видеть то благо, которое приношу людям».⁴⁹

Крестьянин села Ножовки Оханского уезда Пермской губернии в 1907 г. служил бухгалтером в рыбопромышленном товариществе. Под влиянием религиозно-философских произведений Толстого решил оставить эту службу, вернуться в родное село и там заняться сельским хозяйством. Такое решение вызвало насмешки окружающих, и он стал сомневаться, осилит ли он при своей физической слабости задуманную программу. Почувствовав себя на распутье, он спрашивал у Л. Н. Толстого: как ему быть.

Отвечая ему, Л. Н. Толстой писал: «Я могу посоветовать одно: не изменять или как можно меньше изменять внешние условия своей жизни, а, оставаясь в тех условиях, в которых вас за-

стало духовное перерождение, работать над все большим и большим утверждением, уяснением своего мировоззрения и применением его к своим поступкам, к работе над собой: исправлении, улучшении своей души». ⁵⁰

Л. Н. Толстой повторяет свои излюбленные утверждения о том, что внутреннее изменение, которое будет происходить в душе Н. Сусанина, повлечет за собой и внешнее, которое нужно. Однако, делая усилия для того, чтобы приобрести царство божие внутри нас, Сусанину не надо считать его трудом, а радостью движения вперед. Только при таком состоянии души он достигнет действительно тех результатов, которые ему нужны.

Вопросы, с которыми корреспонденты обращались к Л. Н. Толстому, разделяются в основном на два типа: 1) как поступить корреспонденту в той или иной ситуации и 2) просьба о помощи, материальной или духовной. К числу советов первого типа принадлежат рекомендации, которые он дает сыну врача Л. Е. Остроумову, который спрашивал его о том, как ему решить половой вопрос: нужна ли борьба с проклятым инстинктом и как уберечься от падения.

Л. Н. Толстой свои советы Остроумову подразделяет на материальные и духовные. «Практические советы, – пишет он, – вы, верно, знаете, а не знаете, то прочтете во всякой разумной книге об этом: не пить вина, не есть мяса, не курить, не общаться с легкомыслящими товарищами и в особенности с женщинами. Самый верный совет, – подчеркивает Л. Н. Толстой, – заключается в том, чтобы понять смысл своей жизни, признав его в исполнении воли бога, а не в удовлетворении своих телесных вкусов, жить больше духовной, а не телесной жизнью». ⁵¹

А. С. Королькова из Москвы спрашивает у Толстого, как поступить ей в связи с тем, что ее восьмилетнему сыну впервые предстоят занятия по закону божью: посылать ли его на эти уроки?

Л. Н. Толстой рекомендовал А. С. Корольковой разобраться в нравственно-религиозных вопросах прежде всего самой, а потом уже пользоваться всяким случаем, чтобы передавать детям здоровые понятия о смысле и назначении человеческой жизни. ⁵² И представлять ответы на эти вопросы духовенству Л. Н. Толстой А. С. Корольковой не советовал.

Настоящим драматизмом веет от письма 17-летнего юноши из Вологды Лукина. Он сообщал писателю о своем отчаянии из-за

того, что родители решили отдать его самого и его сестру 15 лет в монастырь. Он был очень недоволен этим решением и просил у Л. Н. Толстого совета. Последний просил Лукина и его сестру обратиться к родителям и просить их изменить свое решение. Л. Н. Толстой спрашивал Лукина: «Если вы хотите, чтобы я написал вашим родителям, пришлите мне их адрес». ⁵³ Однако письмо Л. Н. Толстого опоздало (хотя оно было написано через неделю после отправления письма Лукина). 16 ноября 1907 г. Лукин сообщал Л. Н. Толстому об этом, а так же о том, что его сестра утопилась, а его самого отец выгнал из дома. ⁵⁴

Другим не менее ужасным примером является письмо NN от 30 августа 1908 г. Она писала Л. Н. Толстому, что, когда ей было двенадцать лет, вдовец отец изнасиловал ее. Связь продолжалась шесть лет. В 1907 г. она, достигнув совершеннолетия, решила оставить отца. Он не согласился, она пыталась покончить жизнь самоубийством, но не удачно. Она скрылась в монастырь и решила подать в окружной суд. Отцу угрожал арест, она стала мучиться этим. Отказавшись от обвинения, она могла бы его спасти, в душе она простила его. Спрашивала совета Л. Н. Толстого: как ей поступить.

В своем ответе NN писатель советовал: отказаться от обвинения и простить отца. Однако до тех пор, пока не придет старость или болезнь, не видеться с ним и не иметь личных отношений — свиданий. ⁵⁵ Писатель желал женщине утешения, которое можно найти только в исполнении христианского учения любви.

Вторая группа просьб, с которыми обращались к Л. Н. Толстому представители разных социальных слоев (как правило, низших) заключалась в оказании им помощи, связанной, в конечном счете, с материальными затратами. Не всегда и не все просьбы Л. Н. Толстого к разным официальным лицам России, знакомым, друзьям, единомышленникам достигали поставленной цели. Они имели, однако, положительное значение, поскольку свидетельствовали о готовности писателя-гуманиста помочь находящемуся в трудном положении человеку.

Известный критик и историк литературы С. А. Венгеров обратился к Л. Н. Толстому с письмами от 4 и 11 июля 1905 г., где излагал историю М. А. Дейча, который во время беспорядков в Двинске был избит помощником пристава Ереминым. Он выстрелил в Еремина и ранил его. За это его судили по законам военного времени и присудили к повешению. С. А. Венгеров пред-

лагал Л. Н. Толстому следующий план по спасению М. А. Дейча. Он должен будет написать письмо государю и трем министрам (внутренних дел, военному и двора) с просьбой о помиловании Дейча. Венгеров подчеркивал, что ваша просьба будет иметь «огромное значение», имея в виду огромный нравственный авторитет Л. Н. Толстого в стране и в мире. Через 7 дней 11 июня Венгеров повторил письмо к Л. Н. Толстому, считая, что оно до него не дошло.

Л. Н. Толстой ответил С. А. Венгерову 18 июня письмом, в котором говорил, «как бы я ни желал содействовать спасению того совершенно неизвестного мне лица, я чувствую себя совершенно бессильным и средство, предлагаемое вами, не действительным, что давно уже мною испытано». ⁵⁶ В отличие от кампании в защиту М. Спиридоновой, в которой Толстой отказался участвовать из «принципа», здесь он поступает несколько иначе, ссылаясь на неэффективность такого способа действий. Мотивация, видимо, заключалась в том, что Еремин остался жив. А смертная казнь М. А. Дрейчу вследствие общественной кампании протеста была заменена пожизненной каторгой.

Из многочисленных просьб о разного рода помощи Л. Н. Толстой наиболее сдержанно относился к тем, участники которых (как правило, революционеры) были замешаны в вооруженной борьбе. Когда последователь Л. Н. Толстого ветеринарный фельдшер А. И. Архангельский 28 декабря 1905 г. обратился к Толстому с письмом, в котором просил его похлопотать об освобождении студента Московского университета П. В. Всесвятского, арестованного за участие в Московском вооруженном восстании, Толстой отвечал: «... к сожалению, ничего не могу сделать для жалкого юноши. Даже не знаю, к кому бы мог обратиться». ⁵⁷ Впоследствии П. В. Всесвятский после Октябрьской революции был на дипломатической работе. Сама атрибуция Толстым участника вооруженного восстания «жалкий» характеризует отношение Л. Н. Толстого к подобного рода революционерам.

Довольно часто к Л. Н. Толстому обращались с просьбой о помощи в подыскании работы. Журналист, член РСДРП, а затем РКП(б) С. К. Волошкевич 30 января 1906 г. обратился к Л. Н. Толстому с письмом, в котором просил, ссылаясь на рекомендации тещи Н. Н. Грот (жены Н. Я. Грота – знакомого с Толстым), подыскать ему какой-нибудь заработок. Толстой обратился к

И. И. Горбунову-Посадову и Н. В. Давыдову с письмами, в которых просил помочь найти заработок С. К. Волошкевичу и его жене, отмечая, что они «знают иностранные языки». ⁵⁸

К Толстому обращался за помощью живущий в Смоленске столяр Л. Эпштейн. Он жаловался на свое тяжелое нервное состояние и просил ему помочь. Л. Н. Толстой обратился к своему другу А. Н. Дунаеву с просьбой помочь Л. Эпштейну, поместив в его в клинику для нервных больных. ⁵⁹ Поток людей, обращавшихся к Л. Н. Толстому с просьбами о помощи, был, кажется, бесконечным. Уже через 2 дня (23 февраля 1906 г.) он просит Дунаева помочь «благодетельствованному им» крестьянину Попову, причем просит второй раз, поскольку Попову велели приезжать «через три месяца», ⁶⁰ и этот срок его, видимо, не устраивал. Через несколько дней он обращается к П. А. Буланже с просьбой пристроить старшего сына своего лакея, который от болезни глаз не мог продолжать учиться гравёрству и остался «без места». ⁶¹ Видимо, болезнь С. В. Сидоркова прогрессировала, потому что в 1910 г. он умер. Однако попытка помочь С. В. Сидоркову заслуживает положительной оценки.

Свои просьбы об оказании разного вида помощи людям, несправедливо страдающим от общественных условий, существующих в России, Л. Н. Толстой обращал к тем представителям российской бюрократии, с которыми он был лично знаком или которые, как он знал, хорошо относились к нему и могли способствовать выполнению его просьб.

Писатель часто обращался к Д. А. Олсуфьеву, сыну близкого знакомого Толстых А. В. Олсуфьева, в 1906–1907 гг. члену Государственного совета (группа Центра правых) от Саратовского земства. Л. Н. Толстой просил Д. А. Олсуфьева за народного учителя В. Хорькина, который был выслан из Саратовской губернии в Пензенскую. «Это для него страшное бедствие: у него семья». ⁶² Однако обращение Д. А. Олсуфьева к Саратовскому губернатору было неудачным – он отказал Олсуфьеву в его просьбе. Другая просьба Л. Н. Толстого в отношении Г. А. Новичкова, обращенная к саратовскому губернатору С. С. Татищеву, привела к позитивному результату, Г. А. Новичков был освобожден. ⁶³

Л. Н. Толстому приходилось по несколько раз, несмотря на отказы в его просьбах, обращаться к одним и тем же сановникам, мнение которых могло решить исход дела. Несмотря на отказ в

его просьбе, обращенной к Тульскому вице-губернатору В. А. Лопухину, об освобождении из ссылки сроком на 3 года в Вологодскую губернию слесаря железнодорожных мастерских в Туле В. М. Мосолова,⁶⁴ он вновь обращается к нему с просьбой живущей в Ясной Поляне более 20 лет экономке, касающейся ее племянника Морина. В ответном письме от 29 декабря 1908 г., извиняясь за промедление, В. А. Лопухин сообщил Л. Н. Толстому о том, что Морин был освобожден.⁶⁵

Народные волнения периода революции приводили к неоправданным жертвам, которые, в свою очередь, вели к ужасным последствиям. Об одном из них имеется письмо Л. Н. Толстого от 9 ноября 1908 г. В нем Л. Н. Толстой просил помощи семье, оставшейся после убитого городовым рабочим, состоявшей из вдовы и 7 малолетних детей.⁶⁶ Официально губернатор Д. Д. Кобеко для семьи убитого рабочего сделать ничего не мог. Сделал ли он что-либо неофициальное, оказал ли семье убитого рабочего какую-либо помощь – неизвестно. Однако гуманизм Л. Н. Толстого в данном случае проявился вполне – как напоминание губернатору о необходимости проявления человечности.

Особую позицию занимал Л. Н. Толстой в отношении тех корреспондентов, которые просили у него денег. Он подходил к ним дифференцировано, исходя из общей позиции понимания писателем роли денег в истории общества. В письме к Н. Г. Сулковому Л. Н. Толстой писал: «Деньги, как вы знаете, отвратительная и развратительная вещь». И поскольку Н. Г. Сулковой занимался организацией распределения денежной помощи среди голодающих в Самарской губернии от канадских духоборов, он рекомендует ему организовать ее в виде помощи продовольствием и только в крайнем случае деньгами, подчеркивая, что «добра от денег, в какой бы форме они ни выдавались, нельзя предвидеть».⁶⁷ Такая утопическая точка зрения на роль денег связана у Л. Н. Толстого с его отрицательным отношением к развитию капитализма и научно-технического прогресса, с его руссонистской теорией «назад к природе».

Исходя из этой точки зрения, Л. Н. Толстой в период своего духовного переворота в конце 70^х – начале 80^х гг. XIX в. передал владение с имеющимися у него поместьями в руки Софьи Андреевны и наследников, отказался от права собственности на сочинения, написанные после 1881 г. Они стали общественным достоянием.

Л. Н. Толстой не делал из этого какой-либо тайны ни для кого. Более того, он в письме, направленном редакциям газет «Русские ведомости» и «Новое время», писал о том, что «Единственные суммы, которыми я еще распоряжаюсь, это те деньги, которые я иногда получаю преимущественно из-за границы, для голодающих в определенных местностях, и те небольшие суммы, которые мне предоставляют некоторые лица для того, чтобы я распределял их по своему усмотрению. Распределяю же я их в ближайшей округе для вдов, сирот, погорелых и т. п.». ⁶⁸

«Легкомысленные» газетные сообщения об этом ввели и вводят в заблуждение многих лиц, которые все чаще и во все больших и больших размерах стали обращаться к Л. Н. Толстому за денежной помощью. Поводы для таких просьб были весьма разнообразными, начиная с самых легкомысленных и до самых трогательных и основательных. Самые обычные – это просьбы о денежной помощи для возможности окончить образование, т. е. получить диплом, самые трогательные – это просьбы о помощи семьям, попавшим в бедственное положение.

Примером просьбы первого рода являются письма к Л. Н. Толстому Натальи Барнабовой – ученицы пятого класса Тифлисской женской гимназии, которая несколько раз обращалась к Толстому с просьбой помочь заплатить за право учения, иначе она будет исключена из гимназии. Только на четвертое письмо Барнабовой Л. Н. Толстой ответил, причем его ответ выдержан в духе последовательного толстовского учения. Он писал: «Я ничем не могу помочь вам и, по правде сказать, если бы и мог, не старался бы сделать это, так как считаю гимназическое... образование только вредным, а также еще более курсы». ⁶⁹

Крестьянин Черниговской губернии Н. Е. Никитенко писал в письме к Л. Н. Толстому о своем сочувствии его религиозным взглядам, о своем желании видаться с ним, о своем материальном положении и просил прислать денег «на хату сколько возможно». И получил отказ с мотивировкой, что денег нет, а те, что есть, идут на погорельцев, вдов, сирот, которые имеются в округе. ⁷⁰ О масштабах просительных писем свидетельствует тот факт, что за три последних месяца 1907 г. Л. Н. Толстой получил 180 «просительных» писем. ⁷¹ Поскольку поток «просительных» писем к Толстому продолжался, он вынужден был 30 октября 1908 г. вновь обратиться с письмом в редакции газет. В этом письме Л. Н. Толстой писал о том, что прошло уже 18 лет, как он

отказался «от всякого вознаграждения за все то, что я мог писать и писал с того времени». Он подчеркивал, что находится в полной невозможности удовлетворять просьбы в денежной помощи, достигавшей до 1000 рублей в день.⁷² Толстой просил столичные и провинциальные газеты перепечатать это письмо, за что заранее благодарил те их них, которые это сделают.

В 1908 г. после публикации данного письма за ноябрь-декабрь было получено 82 письма. Из них только в двадцати были указаны суммы, составившие 21 427 рублей.⁷³ В этих условиях обращение Л. Н. Толстого к редакциям газет представляется понятным и обоснованным.

Однако в этом вопросе, вопросе оказания денежной помощи, была и другая сторона, а именно, люди, которые находились в заключении, а также погорельцы, вдовы и сироты, которым Л. Н. Толстой оказывал материальную, в том числе и денежную, помощь, несмотря ни на что. Когда известный Л. Н. Толстому «отказник» Я. Т. Чага стал испытывать затруднения в связи с переездом его семьи из Иркутска в Якутск, Толстой написал ему теплое письмо, в котором обещал написать вторично Иркутскому генерал-губернатору П. И. Кутайсову, чтобы Я. Т. Чаге ехать в ссылку «отдельно» от партии арестантов за свой счет. В отношении денег Л. Н. Толстой пишет здесь уже совсем по-иному. «Напишите, пожалуйста, сколько вам нужно денег, у меня есть деньги, предназначенные именно на такого рода помощь. И я тотчас же вышлю вам».⁷⁴ Здесь отношение Л. Н. Толстого к деньгам и денежной помощи уже совершенно иное. Он не только ее охотно предоставляет, но даже и сам предлагает. Он сожалеет, что деньги, посланные им сектанту-штундисту С. П. Чижову через редактора «Восточного обозрения» И. И. Попова, достигли адресата. И радуется, когда получил известие от Чижова, что деньги 50 рублей получены им.

Л. Н. Толстой внес недостающую сумму залога за Н. Е. Фельтена, который после возвращения из Англии в 1907 г., где он работал у В. Г. Черткова, был привлечен к ответственности за издание статьи Л. Н. Толстого «Не убий». 3 июля 1907 г. после допроса был помещен в одиночную камеру петербургского дома предварительного заключения. Когда стал вопрос об освобождении Н. Е. Фельтена, его сестра М. Е. Фельтен выяснила, что для этого требуется 5000 рублей в качестве залога. Родные Н. Е. Фельтена располагали суммой только в 2600 рублей. М. Е. Фельтен

просила Л. Н. Толстого прислать недостающую сумму. Он сразу же ответил телеграммой: «Недостающая сумма будет доставлена». ⁷⁵ В скором времени после этого Н. Е. Фельтен был выпущен под залог.

Когда Л. Н. Толстой получил письмо отказника А. И. Иконникова с описанием его поведения на суде, приговорившем его к 4 годам «заточения», то, помимо слов восхищения его поведением, писатель спрашивал, не нужно ли ему денег и сколько. ⁷⁶ Здесь уже нет никаких ссылок на ограниченность средств. И одновременно с этим Л. Н. Толстой отказывает в денежной помощи М. П. Новикову, В. И. Скороходову, В. Яровой. ⁷⁷

Л. Н. Толстой оказывал помощь крестьянам деревни Судаково, находящейся в 7 километрах к северу от Ясной Поляны. В 1906 г. семнадцать дворов деревни Судаково, расположенных поблизости от Лихвинской железной дороги, сгорели от залетевших искр проходившего мимо паровоза. Л. Н. Толстой обратился к Тульскому присяжному поверенному, к которому он неоднократно направлял лиц, нуждающихся в юридической помощи. В данном случае он просил его взять на себя ходатайство по делу крестьян села Судаково, погоревших по вине Лихвинской железной дороги. Он конкретно указывает на 3 дела, которые надо решить:

1) Взыскать с дороги вознаграждение за убытки.

2) Получить с дороги средства на перенесение дальше стоящих слишком близко построек.

3) Принять выдаваемые им теперь дорогой 1000 рублей так, чтобы эти деньги были зачтены в счет понесенных убытков. ⁷⁸

Кроме того, через сына А. Л. Толстого писатель обратился к тульскому вице-губернатору В. А. Лопухину с просьбой принять участие в помощи судаковским погорельцам.

В. А. Лопухин в результате переговоров с руководством Лихвинской железной дороги договорился, что дорога уплатит крестьянам 1000 рублей. Признавая возможность полюбовного соглашения с железной дорогой, Л. Н. Толстой считал, что в суд на нее все же надо подать для того, чтобы получить дополнительные средства для возмещения ущерба. А что касается распределения 1000 рублей, Толстой советовал крестьянам избрать стариков, которым поручить разделить деньги. До раздела деньги передать в Волостное правление. На это крестьяне-погорельцы были согласны. ⁷⁹

По совету Н. Г. Суткового, Л. Н. Толстой послал 100 рублей самарским братьям Г. и С. Мироновым, находившимся без работы.⁸⁰ С фактами отсутствия работы Л. Н. Толстому приходилось довольно часто встречаться, и он неизменно ходатайствовал перед знакомыми представителями российской бюрократии о том, чтобы помочь безработным. Крестьянин Егоров просил Толстого помочь ему подыскать работу. Л. Н. Толстой обратился с письмами к И. Д. Сытину и И. И. Горбунову-Посадову, чтобы они помогли крестьянину (предоставили ему работу).⁸¹

Отсутствие, а затем ограничение свобод в России выражалось в том, что лицам, замешанным в революционной деятельности, запрещалось проживание в определенных губерниях. Л. Н. Толстой ходатайствовал перед Воронежским губернатором М. М. Бибиковым о снятии запрета с бывшего учителя М. О. Рябова на проживание в 12 губерниях. Он аттестовал его как «хорошего и безвредного» человека.⁸²

Наряду с разнообразной помощью материального и денежного характера Л. Н. Толстой оказывал помощь многочисленным представителям российской интеллигенции, которые обращались к нему со своими просьбами. Одной из самых распространенных была просьба дать отзыв о написанном произведении.

Крестьянин села Боровкова Тульской губернии А. П. Новиков, служивший у князя Волконского лакеем, совершивший вместе с ним поездку в страны Западной Европы, решил отразить события, которые он видел и наблюдал, в своих воспоминаниях. Первая часть его труда «Записки лакея» под названием «О господской и рабской жизни» была послана Л. Н. Толстому. В письме к нему от 5 апреля 1904 г. он просил, чтобы писатель просмотрел ее. Добавляя, что вторую часть этой правдивой истории он начнет писать тогда, когда получит мнение Л. Н. Толстого о первой части.

В письме к А. П. Новикову от 22 апреля 1904 г. Л. Н. Толстой подробно проанализировал достоинства и недостатки рукописи, в целом высоко оценив ее «как в высшей степени интересную», в «которой прекрасно описана жизнь в деревенской нужде и потом в глупой барской роскоши». Писатель рекомендовал А. П. Новикову переработать рукопись в соответствии с его замечаниями и тогда опять дать ему «просмотреть». Книга А. П. Новикова произвела на Л. Н. Толстого большое впечатление. Все последние годы жизни он неоднократно перечитывал ее, о чем имеются

свидетельства самого Л. Н. Толстого, Д. П. Маковицкого и его литературного секретаря В. Ф. Булгакова. Л. Н. Толстому очень импонировала правдивость тех картин общественной жизни, которые давал на основе личных впечатлений А. П. Новиков.⁸³

Мыслитель оказывал помощь начинающим писателям не только правкой их произведений, указанием в них достоинств и недостатков, но и «проталкиванием» их в журналы того времени.

Сохранилось свидетельство его обращения в редакцию журнала «Исторический вестник», куда он рекомендовал статью Г. Черенкова о жизни в дисциплинарном батальоне. «Статья очень интересная и написана хорошо».⁸⁴ Однако в «Историческом вестнике» статья Г. Черенкова напечатана не была в силу очень резкой критики существующих в дисциплинарных батальонах порядков.

За помощью к Л. Н. Толстому обращались не только начинающие писатели, но и скульпторы, и художники. И всем им он оказывал помощь в меру своих возможностей и своего понимания. А. Е. Алинов – крестьянин деревни Селиной Дмитровского уезда Курской губернии, скульптор-самоучка 19 сентября 1906 г. послал Л. Н. Толстому вместе с письмом статуэтку как образец своего скульптурного мастерства и просил о содействии в смысле своего художественного признания. Л. Н. Толстой отвечал ему, что статуэтка «очень плоха, но благодарю вас за нее и за то выражение доброты, которое вы придали ей».⁸⁵ Он советовал А. Е. Алинову обратиться к В. В. Стасову, который работает в публичной библиотеке: «Он посоветует вам, что вам делать. А вы верьте ему». В письме к В. В. Стасову он повторил, что статуэтка этого «трогательного человека» «очень плоха, но, может быть, у него есть способности. Пусть милый Гинцбург решит, что с ним делать». Однако Стасов заболел, и когда Гинцбург пришел к нему, он уже не говорил и только смог пожать ему руку. Так или иначе, видимо, встреча его с А. Е. Алиновым состоялась, и после Октябрьской революции он работал как профессиональный скульптор.

Естественно, что не всегда отзывы Л. Н. Толстого о литературных произведениях были положительными. Это зависело не только от взглядов, вкусов, художественных пристрастий писателя, но и от художественных способностей авторов, которые присылали писателю на отзыв свои произведения. Один из видных последователей учения Л. Н. Толстого А. М. Бодянский 6 фев-

раля 1908 г. прислал рукопись своей «мистерии в пяти актах» «Драма мира» (Из жизни Христа). Прочитав драму, Л. Н. Толстой заявил Н. Н. Гусеву, что она «не хороша», события в ней описаны «совсем не так, как он описывает», поэтому «не веришь ему совсем». А в письме к А. М. Бодянскому он характеризовал драму следующим образом: «Мысли, чувства, выраженные в драме, мне близки и выражены для меня понятно, но они таковы, что форма драмы несвойственна для их выражения. Они, мысли, не только ничего не выигрывают от того, что выражены в этой форме, а, напротив, теряют». ⁸⁶ Л. Н. Толстой писал, что без чувства святотатства не может себе представить «разодетых актеров, изображающих эти лица».

В отношении судьбы драмы Л. Н. Толстой выразился совсем не деликатно. Он писал, что не желал бы, чтобы она была не только играна, но и напечатана, на что едва ли найдутся охотники, мрачно предрекал он. Однако вопреки его предсказанию это произведение А. М. Бодянского было издано в Москве в 1911 году под заглавием «Драма мира», мистерия в пяти актах. Изд. Португалова. М., 1911.

Общественная деятельность А. М. Бодянского, издание им еженедельной газеты в 1907 г., по направлению близкой мировоззрению Л. Н. Толстого, привело к тому, что она была запрещена. Поскольку Бодянский в виде компенсации стал рассылать подписчикам религиозно-философские произведения Толстого изд. «Обновления», он был привлечен к судебной ответственности и приговорен Харьковской судебной палатой к шести месяцам тюремного заключения. Л. Н. Толстой обратился с письмом к П. А. Столыпину с просьбой освободить от наказания А. М. Бодянского, привлеченного к ответственности за его книгу о духоборах. В результате этой борьбы Бодянский был освобожден. ⁸⁷

Наименее продуктивную помощь Л. Н. Толстой оказывал начинающим поэтам. Считая, что проза дает возможность выражать весь мир человеческих чувств и настроений, Л. Н. Толстой рассматривал поэзию как несколько искусственную сферу литературы. Поэтому он подходил к ней очень строго. На поэтические опыты начинающих поэтов, которые они присылали к нему, отвечал очень кратко и редко. Примером, подтверждающим это суждение, является его отзыв на стихи Н. С. Палагина. «Стихотворение ваше хотя и неправильно, не дурно, но так обыкновенно, что не представляет никакого интереса. Думаю, — писал

Л. Н. Толстой, – что у вас нет сильного дарования, и потому советовал бы вам не заниматься этим пустым делом». ⁸⁸ Так резко и категорично писатель отвечал на письмо крестьянина Тамбовской губернии Н. С. Палагина, окончившего сельскую школу и просившего на основании присланного с письмом стихотворения сказать свое мнение, есть ли у него литературное дарование.

В других случаях, когда у автора стихотворения из народа был талант, Толстой признавал это и советовал, где опубликовать произведение. Он писал Георгию Соколову, часовому мастеру, который в 1904 г. жил на станции Минеральные воды: «Стихотворение ваше мне очень нравится» и предлагал переслать его «по приведенному ниже адресу: В. Г. Черткову в Англию для опубликования в «Свободном слове». ⁸⁹ О том, что стихотворение Г. Соколова об освобождении крестьян понравилось Толстому, имеется свидетельство в Яснополянских записках Д. П. Маковицкого. ⁹⁰ Конечно, здесь сказалась не только форма стиха, но и его большое общественное содержание – освобождение крестьян и одновременно их обезземеливание, чему Л. Н. Толстой придавал существенное значение.

Большой нравственный авторитет Л. Н. Толстого приводил к тому, что к нему посылали на отзыв статьи, имеющие не только литературно-художественный характер, но и философско-мировоззренческий.

Зубной врач Н. Я. Гурович из села Бутурлиновка Воронежской губернии послал при письме на отзыв рукопись своей статьи «Альтруизм. Цель и назначение мироздания (Антропоцентрическая теория и тактика в связи с совершающимися событиями)». Он писал Л. Н. Толстому о том, что его конечная цель – сделать нашу задачу, альтруизм, всемирной, для чего он рекомендовал альтруистические кружки и союзы, слитые в единый всемирный альтруистический союз. Н. Я. Гурович 7 марта 1907 г. приезжал в Ясную Поляну. Между ними состоялась беседа по этому вопросу, однако взаимопонимания не было достигнуто. Л. Н. Толстой еще ранее писал ему: «Стремления ваши мне вполне сочувственны, но выражение их, по моему мнению, недостаточно ясно, и средства осуществления, предлагаемые вами, я думаю, невыполнимы». ⁹¹ Писатель заметил явную неосуществимость предлагаемого им мероприятия и отверг его.

Л. Н. Толстой не советовал заниматься литературой харьковскому заводчику П. Л. Успенскому, поскольку «это пустое и раз-

вращающее занятие». «Мне кажется, – продолжал он, – что теперь вся эта литература (критическая – В. С.) кончилась и нельзя заниматься ею взрослому и разумному человеку», а нужно заниматься религиозными вопросами, которые только прикрываются или скорее кажутся политическими,⁹² а на самом деле имеют глубокое мировоззренческое значение.

Гуманистическая деятельность Л. Н. Толстого, бескомпромиссное осуждение им смертных казней, разнообразная помощь к обращающимся к нему представителям разных социальных слоев населения России, с одной стороны, создали ему широкую популярность, всемирную известность, а с другой – ненависть со стороны крайне правых, о чем свидетельствует письмо и посылка к нему О. А. Марковой.

1 сентября 1908 г. в Ясной Поляне был получен присланный по почте небольшой ящик. В ящике была веревка и письмо следующего содержания: «Граф! Ответ на ваше письмо. Не утруждая правительство, можете сделать сами. Не трудно. Этим доставите благо нашей родине и нашей молодежи. Русская мать».⁹³ На отрезном купоне перевода дан полный адрес: «Ольга Александровна Маркова, 4-я Мещанская, д. Киргоф». Получив такую посылку, литературный секретарь Л. Н. Толстого Н. Н. Гусев растерялся и только 3 сентября решил сказать о ней Л. Н. Толстому. К его удивлению, писатель не расстроился, а сейчас же продиктовал ответ. В нем он сожалел, что «без желания это вызвать вызвал тяжелые чувства, которые выражены в вашем письме». Он просил О. А. Маркову: «Очень порадуете меня, если объясните причину вашего недоброго чувства и постараетесь потушить его в себе. Боюсь, что вы примите это за пустое слово, но совершенно искренне говорю: Соболезнующий вам и любящий вас Лев Толстой».⁹⁴

В декабре 1908 г. Н. Н. Гусев ходил по указанному адресу. Оказалось, что Маркова в этом доме не жила. Найти ее не удалось,⁹⁵ что является убедительным свидетельством того, что О. А. Маркова опасалась негативной реакции на свой поступок со стороны общественного мнения России.

Примечания:

1. Ильин В. В. *Философия*. Т. 2. Ростов-на-Дону. «Феникс». 2006. С. 162–163.
- 1 а. Толстой Л. Н. ПСС. Т. 36. С. 304–313.
2. Толстой Л. Н. – Поляковой В. В., 20 ноября 1904 г. // ПСС. Т. 75. С. 184.
3. Толстой Л. Н. – Пашинину М. Г., 29 ноября 1904 г. // ПСС. Т. 75. С. 185–186.
4. Толстой Л. Н. – Плюснину В. В., 3 марта 1905 г. // ПСС. Т. 75. С. 227–228.
5. Толстой Л. Н. – Соколовой Л. Д., 7 марта 1905 г. // ПСС. Т. 75. С. 230.
6. Толстой Л. Н. – Скороходову В. И., 13 марта 1906 г. // ПСС. Т. 76. С. 121.
7. Фельтен Н. Е. – Толстому Л. Н., 2 марта 1906 г. // ПСС. Т. 76. С. 123.
8. Толстой Л. Н. – Фельтену Н. Е., 15 марта 1906 г. // ПСС. Т. 76. С. 122.
9. Толстой Л. Н. – Оболенской М. Л., 22 марта 1906 г. // ПСС. Т. 76. С. 128.
10. Толстой Л. Н. – Марову А. С., 22 марта 1906 г. // ПСС. Т. 76. С. 126.
11. Толстой Л. Н. ПСС. Т. 36. С. 52.
12. Толстой Л. Н. – Стасову В. В., 11 июля 1906 г. // ПСС. Т. 76. С. 176.
13. Там же // ПСС. Т. 76. С. 177.
14. Толстой Л. Н. – Тумашову С. П., 19 декабря 1904 г. // ПСС. Т. 75. С. 192.
15. Кромарев Н. Н. – Толстому Л. Н., 10 апреля 1907 г. // ПСС. Т. 77. С. 80.
16. Толстой Л. Н. – Кромареву Н. Н., 11 апреля 1907 г. // ПСС. Т. 77. С. 81.
17. Толстой Л. Н. – Тумановской А. Ф., 17 марта 1904 г. // ПСС. Т. 75. С. 62.
18. Толстой Л. Н. – Бирюкову П. И., 17 марта 1904 г. // ПСС. Т. 75. С. 64.
19. Богатилов Т. П. – Толстому Л. Н., 19 марта 1904 г. // ПСС. Т. 75. С. 76.
20. Толстой Л. Н. – Богатилову Т. П., 15 апреля 1904 г. // ПСС. Т. 75. С. 76–77.
21. Толстой Л. Н. – Киссин Х. А., 8 мая 1904 г. // ПСС. Т. 75. С. 102.
22. Толстой Л. Н. – Чуйко А. В., 8 мая 1904 г. // ПСС. Т. 75. С. 103.
23. Толстой Л. Н. – Поспехину А. А., 10 мая 1905 г. // ПСС. Т. 75. С. 244.
24. Толстой Л. Н. – Кристи В. Г., 18 июня 1905 г. // ПСС. Т. 75. С. 260.
25. Толстой Л. Н. – Оннокову Н. В., 18 апреля 1906 г. // ПСС. Т. 76. С. 148–151.
26. Там же. С. 151.
27. Толстой Л. Н. – Романовскому И., 26 октября 1906 г. // ПСС. Т. 76. С. 219–220.
28. Толстой Л. Н. – Ярошевской О. К., 26 октября 1906 г. // ПСС. Т. 76. С. 220.
29. Толстой Л. Н. – Каткову Я. Г., 20 ноября 1906 г. // ПСС. Т. 76. С. 228.
30. Толстой Л. Н. – Зубаревскому С. М., 25 ноября 1906 г. // ПСС. Т. 76. С. 243.
31. Толстой Л. Н. – Жилинскому В. Д., 27 декабря 1906 г. // ПСС. Т. 76. С. 263.
32. Толстой Л. Н. – Крамской А., 27 декабря 1906 г. // ПСС. Т. 76. С. 263.
33. Толстой Л. Н. – Крашенинникову, 27 декабря 1906 г. // ПСС. Т. 76. С. 264.
34. Толстой Л. Н. – Попкову Д. Г., 27 декабря 1906 г. // ПСС. Т. 76. С. 264.

35. Толстой Л. Н. – Попову Е. И., 11 января 1907 г. // ПСС. Т. 77. С. 14–15.
36. Толстой Л. Н. – Явейн В. и О., Мирским Г. и Л., 10 января 1907 г. // ПСС. Т. 77. С. 13.
37. Толстой Л. Н. – Шницер Л., Корольчук С., Ильницкий Р., 10 января 1907 г. // ПСС. Т. 77. С. 12.
38. Толстой Л. Н. – Тенькову В., 11 января 1907 г. // ПСС. Т. 77. С. 15.
39. Буклеева П. Ф. – Толстому Л. Н., 12 января 1907 г. // ПСС. Т. 77. С. 20.
40. Толстой Л. Н. – Буклеевой П. Ф., 30 января 1907 г. // Там же.
41. Толстой Л. Н. – Парвову П. А., 30 января 1907 г. // ПСС. Т. 77. С. 26.
42. Толстой Л. Н. – Рыбке А. Т., 30 января 1907 г. // ПСС. Т. 77. С. 27.
43. Толстой Л. Н. – Гомолицкому Н. Н., 24 ноября 1908 г. // ПСС. Т. 78. С. 268.
44. Там же.
45. Толстой Л. Н. – Козубовскому, 25 декабря 1908 г. // ПСС. Т. 78. С. 301; см. так же Толстой Л. Н. – Алексею И. И., 14 декабря 1908 г. // Там же. С. 281 и др.
46. Толстой Л. Н. – Бадалбекову Ф. Х., 28 декабря 1908 г. // ПСС. Т. 78. С. 306.
47. Толстой Л. Н. – Васякину П. С., 5 апреля 1907 г. // ПСС. Т. 77. С. 73.
48. Толстой Л. Н. – Попову С. М., 2 апреля 1907 г. // Там же. С. 70.
49. Толстой Л. Н. – Капустинскому А. М., 21 сентября 1907 г. // ПСС. Т. 77. С. 203.
50. Толстой Л. Н. – Сусанину Н., 21 сентября 1907 г. // ПСС. Т. 77. С. 204.
51. Толстой Л. Н. – Остроумову Л. Е., 26 сентября 1907 г. // ПСС. Т. 77. С. 210.
52. Толстой Л. Н. – Корольковой А. С., 7 октября 1907 г. // ПСС. Т. 77. С. 213.
53. Толстой Л. Н. – Лукину, 2 ноября 1907 г. // ПСС. Т. 77. С. 232–233.
54. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. Там же. С. 233. Комментарий.
55. Толстой Л. Н. – NN, 2 сентября 1908 г. // ПСС. Т. 78. С. 220.
56. Толстой Л. Н. – Венгерову С. А., 18 июня 1905 г. // ПСС. Т. 75. С. 258.
57. Толстой Л. Н. – Архангельскому А. И., 1 января 1906 г. // ПСС. Т. 76. С. 73.
58. Толстой Л. Н. – Волошкевичу С. К., Горбунову-Посадову И. И., Давыдову Н. В., 2 февраля 1906 г. // ПСС. Т. 76. С. 94–96.
59. Толстой Л. Н. – Эпштейну Л., 21 февраля 1906 г. // ПСС. Т. 76. С. 108.
60. Толстой Л. Н. – Дунаеву А. Н., 23 февраля 1906 г. // ПСС. Т. 76. С. 109.
61. Толстой Л. Н. – Буланже П. А., 26 февраля 1906 г. // ПСС. Т. 76. С. 109.
62. Толстой Л. Н. – Олсуфьеву Д. А., 26 сентября 1907 г. // ПСС. Т. 77. С. 206.
63. Олсуфьев Д. А. – Толстому Л. Н., 7 октября 1907 г. // ПСС. Т. 77. С. 208.
64. Толстой Л. Н. – Лопухину В. А., 31 июля 1908 г. // ПСС. Т. 78. С. 191.
65. Толстой Л. Н. ПСС. Т. 78. С. 292. Комментарий.
66. Толстой Л. Н. – Кобеко Д. Д., 9 ноября 1908 г. // ПСС. Т. 78. С. 257.
67. Толстой Л. Н. – Сутковому Н. Г., 6 мая 1907 г. // ПСС. Т. 77. С. 97.
68. Толстой Л. Н. – Редакциям газет «Русские ведомости» и «Новое время», 17 сентября 1907 г. // ПСС. Т. 77. С. 198–199.
69. Толстой Л. Н. – Барнабовой Н., 9 июня 1907 г. // ПСС. Т. 77. С. 133.
70. Толстой Л. Н. – Никитенко Н. Е., 30 апреля 1907 г. // ПСС. Т. 77. С. 94.

71. Там же. С. 200.
72. Толстой Л. Н. – В редакции газет, 30 октября 1908 г. // ПСС. Т. 78. С. 245.
73. Там же. Комментарий.
74. Толстой Л. Н. – Чаге Я. Т., 27 февраля 1904 г. // ПСС. Т. 75. С. 47.
75. Толстой Л. Н. – Фельтен М. Е., 15 июля 1907 г. // ПСС. Т. 77. С. 160.
76. Толстой Л. Н. – Иконникову А. И., 27 мая 1908 г. // ПСС. Т. 78. С. 145.
77. Там же. С. 186–188, 250–251, 10–11.
78. Толстой Л. Н. – Гольденблату Б. О., 5 октября 1906 г. // ПСС. Т. 76. С. 211.
79. Толстой Л. Н. – Лопухину В. А., 7 октября 1906 г. // ПСС. Т. 76. С. 212.
80. Толстой Л. Н. – Сутковому Н. Г., 15 декабря 1907 г. // ПСС. Т. 77. С. 264.
81. Толстой Л. Н. – Егорову, 22 июня 1908 г. // ПСС. Т. 78. С. 168.
82. Толстой Л. Н. – Бибикову М. М., 31 мая 1908 г. // ПСС. Т. 78. С. 149.
83. Толстой Л. Н. – Новикову А. П., 22 апреля 1904 г. // ПСС. Т. 75. С. 85.
84. Толстой Л. Н. – Редакции журнала «Исторический вестник», 20 июня 1907 г. // ПСС. Т. 75. С. 141.
85. Толстой Л. Н. – Алипову А. Е., 22 сентября 1906 г. // ПСС. Т. 76. С. 194.
86. Толстой Л. Н. – Бодянскому А. М., 12 февраля 1908 г. // ПСС. Т. 78. С. 63–64.
87. Толстой Л. Н. – Столыпину П. А., 18 октября 1907 г. // ПСС. Т. 77. С. 228.
88. Толстой Л. Н. – Палагину Н. С., 20 августа 1904 г. // ПСС. Т. 75. С. 155.
89. Толстой Л. Н. – Соколову Г., 14 января 1905 г. // ПСС. Т. 75. С. 204.
90. Маковицкий Д. П. У Толстого. Яснополянские записки. Т. 1. С. 58. Запись за 29 декабря 1904 г.
91. Толстой Л. Н. – Гуровичу Н. Я., 27 февраля 1907 г. // ПСС. Т. 77. С. 40.
92. Толстой Л. Н. – Успенскому П. Л., 17 мая 1907 г. // ПСС. Т. 77. С. 113.
93. Толстой Л. Н. ПСС. Т. 78. С. 224. Комментарий.
94. Толстой Л. Н. – Марковой О. А., 3 сентября 1908 г. // ПСС. Т. 78. С. 223–224.
95. Там же. С. 224. Комментарий. Другие ругательные письма на памфлет «Не могу молчать». См. Толстой Л. Н. ПСС. Т. 56. С. 505–506.

ГЛАВА VII. ПОМОЩЬ Л. Н. ТОЛСТОГО ДУХОБОРАМ, СЕКТАНТАМ, ЛИЦАМ, ПРЕСЛЕДУЕМЫМ ЗА РЕЛИГИОЗНЫЕ ВЗГЛЯДЫ, И ОТКАЗНИКАМ СЛУЖИТЬ В РУССКОЙ АРМИИ

Л. Н. Толстой оказывал помощь тем лицам и организациям, которые, во-первых, выступали против царского самодержавия, а во-вторых, делали это ненасильственными средствами. В этом отношении его широкой поддержкой пользовалась секта духоборов. Духоборы отказывались подчиняться требованиям православной церкви и властей, которые противоречили их религиозным и социальным убеждениям. Л. Н. Толстому импонировал образ жизни духоборов, а именно то, что они воздерживались от алкоголя, курения, мясной пищи, от насильственных действий при отстаивании своих интересов. А когда в 1887 г. была введена воинская повинность на Кавказе, они, верные своим миролюбивым принципам, отказались присягнуть на верность императору Александру III.

Духовный лидер духоборов, человек исключительно высоких моральных принципов Петр Васильевич Веригин, к этому времени уже семь лет находился в ссылке в Архангельской губернии и еще столько же должен был отбывать в Тобольской губернии. Когда в декабре 1894 г. Веригина пересылали туда через Москву, встречать его приехали единоверцы, с которыми тогда и познакомился впервые Л. Н. Толстой. По свидетельству А. Зверева и В. Туниманова, которые в данном случае опираются на источники, эта встреча произвела благоприятное впечатление и на присутствовавших духоборов, и на Толстого (Зверев А., Туниманов В. Указ. соч. С. 543). Л. Н. Толстому понравилось то, что на большую часть его вопросов по поводу насилия, собственности, церкви, вегетарианства они отвечали согласием с его взглядами. Духоборов поразили отсутствие в Л. Н. Толстом графского достоинства, смешанного с высокомерием, простота обращения и приятная душевная осанка.

Преследования духоборов усилились в 1895 г., когда рекрутированные солдаты из духоборов стали отказываться от военной службы и возвращать воинские билеты. В конце июня 1895 г. карские и тифлиссские духоборы, распевая псалмы, сожгли свое оружие. В Грузии, по инициативе губернатора Шервашидзе, казаки нагайками разгоняли духоборов. Били их не-

щадно. Потом погнали бунтарей к губернатору, однако перед ним духоборы не сняли шапки. Их за это снова казаки били нагайками. В этом побоище принял участие и Шервашидзе, пустив в ход палку. После этого кровавого побоища был организован постой казаков в селениях духоборов. Для окончательного торжества «истинно православной веры» после поста казаков процесс усмирения духоборов возглавил старшина-мусульманин, организовавший продажу имущества духоборов за бесценок и выселение их в разные места в трехдневный срок.

В этих условиях нужно было что-то делать. Л. Н. Толстой, посоветовавшись с В. Г. Чертковым, поручает написать очерк о преследованиях духоборов своему последователю Павлу Бирюкову, который в качестве корреспондента едет на Кавказ и пишет очерк «Гонение на христиан в России в 1895 году». К этому очерку Л. Н. Толстой написал послесловие, в котором сравнивал преследования духоборов с гонениями христиан в Римской империи при Диоклетиане.

От военной службы отказывались и некоторые близкие к Л. Н. Толстому люди, среди них любимец всех, кто его знал, Л. А. Сулержицкий. За отказ от военной службы его поместили в отделение для душевнобольных при военном госпитале в Москве. Здесь ему пришлось так трудно, условия пребывания в нем были такими невыносимыми, что он вынужден был согласиться на несение военной службы на юге Туркестана на границе с Персией. Благодаря ходатайству Л. Н. Толстого, к которому Сулержицкий обратился с письмом, он был освобожден от службы и вскоре занялся помощью духоборам. Деятельную помощь Л. Н. Толстому в его духоборческой эпопее оказывал сотрудник издательства «Посредник» Иван Михайлович Трегубов, который высоко ценил общественное устройство духоборов, считая его образцом устройства и управления без насилия.

Осенью 1895 г. Л. Н. Толстой получает известие о смерти духобора М. Щербинина, умершего через три дня после порки. Его возмущению не было предела. Он редактирует и пишет послесловие к составленному Бирюковым, Трегубовым и Чертковым воззванию «Помогите!». Л. Н. Толстой пытался достучаться до сердца всех христиан. Он резко протестовал против отбирания властями детей у молокан. Он пишет и передает ходокам письма к Николаю II, А. Ф. Кони и другим высокопоставленным чиновникам. Однако преследования духоборов продолжались. Стано-

вилаась очевидной необходимостью переселения духоборов за границу. Преодолев многочисленные препятствия на этом пути, они получили разрешение на переселение. Нужно было определить место переселения.

Переселение первой партии духоборов на остров Кипр оказалось неудачным. Слишком мало им предоставлялось земли, не подошел и жаркий климат. Духоборов согласилось принять правительство Канады и наделить их земельными участками. Л. Н. Толстой поручил сыну Сергею связаться в Англии с В. Г. Чертковым по практическим делам переселения и с известным анархистом П. А. Кропоткиным.

С первым пароходом, на котором уезжали в Канаду духоборы из Батума, в качестве сопровождающих были Л. А. Сулержицкий и С. Л. Толстой.

Со вторым пароходом «Лейк Супериор» сопровождающим пришлось поехать Сергею Львовичу. Необходимую медицинскую помощь переселенцам в дороге оказывали уже прошедшие испытание «на службе голода» в период 1891 и 1892 гг. фельдшерицы Кирьякова и Чехович.

Третий пароход с духоборами, отплывший в апреле 1899 г., сопровождал В. Д. Бонч-Бруевич. Так завершилось великое переселение духоборов, вдохновленное, организованное и в значительной части материально обеспеченное Л. Н. Толстым. Немало трудностей духоборам пришлось преодолеть во время продолжавшегося месяц плавания по морям и Атлантическому океану, по преодолению конфликтов и недоразумений на новом месте. Никаких пожертвований не хватило бы на столь дорогостоящее мероприятие, если бы не были отчислены гонорары за роман Л. Н. Толстого «Воскресенье», название которого оказалось символическим для духоборов, которые воскресли к другой лучшей жизни на новом месте (Зверев А. Туниманов В. Указ. соч. С. 550).

Процесс художественного и религиозно-нравственного творчества Л. Н. Толстого был тесным образом связан с событиями общественно-политической жизни России. Когда в 1898 г. в связи с преследованием духоборов сочувствующие им лица стали собирать средства для их отъезда в Канаду, Л. Н. Толстой, уже выступавший в русской и иностранной печати с призывом помощи переселенцам, решил с теми же целями напечатать одно из своих произведений.

В середине июля 1898 г. он сообщил В. Г. Черткову о том, что намерен опубликовать для оказания помощи духоборам три имеющиеся у него рукописи: «Воскресенье», «Дьявол» и «Отец Сергей». Из трех произведений только роман «Воскресенье» был издан в Англии на английском языке в переводе Эйлмера Мода, который деньги, вырученные от продажи романа, переслал Л. Н. Толстому для того, чтобы он распорядился ими по своему усмотрению.

Л. Н. Толстой интересовался жизнью и бытом духоборов в Канаде. Особенно общинным устройством их жизни. В письме к учителю Ф. Х. Граубергу, который просил его сообщить свое мнение о последних событиях в жизни канадских духоборов, он писал о том, что «материальное благоденствие, которого они достигают теперь благодаря общинной жизни, основано только на том чувстве, которое проявилось в их движении освобождения животных, что это чувство дороже всего и что горе не тому, у которых оно проявляется в уродливой форме, а тем, у которых оно иссякает».¹

Л. Н. Толстой осуждал выступления группы духоборов с проповедью райской жизни на земле. Одним из проявлений такой жизни они считали отсутствие одежды. Отправившись в поход с проповедью райской жизни, духоборы перед входом в села раздевались да нага. «Самое важное, что сохранилось у духоборов, – считал Л. Н. Толстой, – что в них живо самое дорогое и важное религиозное чувство».

Писатель постоянно интересовался жизнью духоборов, преследуемых российским правительством. Об этом свидетельствует его письмо к П. В. Веригину, где он сообщает ряд сведений, которые получил от последнего, в частности отчет о расходе общины духоборов в Канаде, а также иск на 61 фунт. Он сообщает П. В. Веригину о том, что деньги эти «остаются без употребления. Я положу их в банк, – продолжает Л. Н. Толстой, – и подожду вашего ответа о том, куда их употребить».²

Л. Н. Толстой сообщает П. В. Веригину, что вчера получил письмо от духобора И. Е. Конкина, который в 1894 г. был сослан в Сибирь. В начале 1904 г. он освободился и хотел эмигрировать в Канаду вместе с дочерью. Конкин просил через Толстого от Веригина денег на этот переезд. Толстой спрашивал у Веригина: «Не послать ли ему эти 61 фунт?»

Он сочувствует группе духоборов «свободников», которые отказались принять землю в личную собственность, так как они жили общиной и за ней хотели закрепить землю. Требования властей принять подданство и землю в личную собственность вызвало среди духоборов движение протеста.

Помощь Л. Н. Толстого духоборам была разнообразной. Он писал И. Е. Конкину о том, чтобы его душевнобольную дочь осмотрели и исследовали в Москве в первой клинике и «дали бы совет», как ее лечить. Об этом он говорил с Дунаевым, к которому рекомендовал обратиться Конкину.³

Э. Моод постоянно тревожил Л. Н. Толстого письмами. Известны его письма 5, 16 и 22 августа (н. ст.) 1904 г. Толстой, ссылаясь на свою занятость, отвечал не на каждое его письмо. Он предлагал переслать Л. Н. Толстому 600 фунтов стерлингов, которые остались от продажи в Англии за английское издание романа «Воскресенье». Отвечая ему, Л. Н. Толстой писал, что «если вы не найдете им хорошего употребления, положите их в банк». Роман Толстого был переведен на английский язык Луизой Моод.⁴

Л. Н. Толстой переписывался с П. В. Планидиным – одним из видных духоборов, организатором общины Терпение-Карское в Канаде на Южном участке поселения духоборов.

П. В. Планидин был у Л. Н. Толстого в Ясной Поляне в 1898 и 1906 гг. Дела духоборов после их переселения из России в Канаду не шли гладко, а сопровождалась большими трудностями. Уже через год после эмиграции духоборов из России канадское правительство стало требовать у них уничтожения общины, то есть установления индивидуального, частного владения землей и принятия английского подданства. За отказ от исполнения этих требований правительство Канады в начале 1907 г. отобрало у духоборов-общинников землю, оставив им около селений по пятнадцати акров на душу. В письме к П. В. Планидину Л. Н. Толстой пытался утешить его в духе христианского учения: «Легко учение Христа в земном благополучии, но дорого и важно для себя и для других не отречься от него и выдержать испытание. Не буду говорить о том, что люди смотрят на вас и не христиане будут радоваться вашей слабости, а христиане печалиться».⁵ Отвечая В. А. Макасеёву, Л. Н. Толстой с удовлетворением отмечал, что в письме духобора ему очень понравилось место, в котором тот говорит, что людям надо бы радо-

ваться на то, «что есть люди, живущие мирно без начальства, а этих людей гонят». Понравилось ему и то место, где В. А. Максеев говорит о скотине, о том, что если иметь ее, «то и придется отдавать под нож». Заканчивая письмо, Л. Н. Толстой писал: «Хорошо бы, кабы вы осилили такую жизнь. Хорошо вам, духоборам, помнить, что на вас, на вашу жизнь глядят многие христиане, но главное, надо помнить, что не только вашу жизнь, но и ваши сердца видит другой свидетель, дух божий, живущий в вас». ⁶

Л. Н. Толстой помогал духоборам, переселившимся в Канаду, в распределении в России той денежной помощи, которую они оказывали крестьянам России, пострадавшим от неурожая. По его указанию, Н. Г. Сутковой поехал в Самарскую губернию помочь голодающим. Однако на месте Н. Г. Сутковой установил, что правительством и Красным Крестом там «многое устроено». Поэтому Н. Г. Сутковой решил помогать деньгами тем крестьянам, которые потеряли скот, жилища, семена, то есть являются беднейшими. Л. Н. Толстой спрашивал канадских духоборов, как поступить: продолжать ли разузнавать самых бедных крестьян и помогать им или сконцентрировать все финансовые усилия на том, чтобы оказывать помощь устройству общины добролюбовцев. Однако А. М. Добролюбов и его последователи отказались от помощи, «не желая, чтобы им было оказано предпочтение перед другими нуждающимися». В результате этого Н. Г. Сутковому пришлось принять первый вариант оказания помощи голодающим. ⁷

В письме к Л. Н. Толстому от 6 июня 1907 г. духобор И. С. Коныгин сообщал об отправке в распоряжение писателя ста сорока семи долларов в пользу голодающих России. 24 июня 1907 г., отвечая И. С. Коныгину, Л. Н. Толстой писал: «Благодарю вас, милые братья, за вашу лепту. Я еще не получил ее. Но когда получу ее, отправлю моему молодому другу Николаю Сутковскому в Самарскую губернию. Он там распределяет между нуждающимися пожертвованные деньги. И делает это дело очень хорошо». ⁸

Хлопот с деньгами, присылаемыми духоборами из Канады, у Л. Н. Толстого было много. Община духоборов, возглавляемая П. В. Веригиным, переслала Л. Н. Толстому 10 000 рублей для распределения в качестве помощи пострадавшим от неурожая. Отвечая Веригину, писатель говорил о том, что «он пытался сде-

лать это наилучшим образом, и ему в этом помогали его молодые друзья – Сутковой, Колесниченко и Рябов». Теперь они «разъехались». Толстой информировал Веригина о том, что у него остались 2 800 рублей «не розданных». 800 рублей будут розданы в Самарской губернии, а в отношении 2 000 рублей он «желал бы знать мнение жертвователей», куда их распределить: или раздать в Самаре, где много людей, пострадавших от неурожая, или здесь в Тульской губернии, «где много нуждающихся безработных». Толстой выражал удовлетворение тем, что община духоборов в Канаде, несмотря на лишение ее членов земли, «живет хорошо». «Благо людей, – считал он, – зависит от исполнения или неисполнения закона бога».⁹

П. В. Веригин ответил Л. Н. Толстому 15 сентября 1907 г., что оставшиеся деньги могут быть распределены «по усмотрению» Толстого. О трудностях, которые возникли в Канаде у духоборов «свободников», мы узнаем из письма к Л. Н. Толстому Д. Сахатова, полгода прожившего среди духоборов. Движение «свободников», начавшееся в 1902 г., явилось формой протеста их против канадского правительства, отвергнувшего отказ духоборов от частной формы владения землей.

Действия «свободников» характеризовались эксцентричностью и необычностью. «Свободники» прогнали скот на свободу в лес, перестали носить кожаную обувь, а впоследствии отказались и от шерстяной одежды. Землю они обрабатывали без лошадей, вручную. Когда движение достигло крайней степени экзальтации, оно охватило 1700 человек, свободники покинули дома и стали ходить по селам и городам, проповедуя свою веру. Одно время они пытались ходить без всякой одежды («голый поход»).

В начале 1903 г. после приезда в Канаду П. В. Веригина это движение стало затихать. Под влиянием Веригина духоборы выполнили формальные требования канадского правительства, и у них восстановилась нормальная трудовая жизнь. Только небольшая группа духоборов не подчинилась общему настроению, продолжала вести страннический образ жизни и мечтала переехать в теплую страну, где могла бы питаться «одной фруктою». Свободники считали, что Верегин изменил духоборческим идеалам, они боролись против его влияния. В свою очередь, он боролся с крайними проявлениями их эксцентризма и нарушениями правил общечеловеческого поведения.

По поводу письма Д. Сахатова Л. Н. Толстой заметил о духоборах-«свободниках»: «Очень интересные люди. Тут есть некоторое педантство внешнее: не пользоваться трудом животных».

Обладая такой информацией о жизни духоборов в Канаде, Л. Н. Толстой не советовал П. А. Кузнецову переселяться туда из-за трудностей в личной жизни. Отвечая на его письмо, Л. Н. Толстой 7 июня 1907 г. писал ему: «Адрес духоборческого руководителя (П. В. Веригина) прилагаю, но думаю, что вы не найдете среди них той работы, которую ищете. У них в последнее время отобрана английским правительством данная им земля. Они теперь в стесненном положении». ¹⁰ Аналогичный совет Л. Н. Толстой дал А. Я. Силаеву, хотя мотивация его рекомендации была другой. «Последователю Христа, – писал он, – для того, чтобы исполнять его закон и волю бога не нужно избирать то или другое место. Жить по-христиански, любить ближнего, прощать обиды, с кротостью переносить всякие невзгоды и гонения можно во всяком месте». ¹¹ Таким образом, А. Я. Силаеву Л. Н. Толстой не рекомендовал переселяться в Канаду с религиозной точки зрения.

Писатель дал положительную оценку сборнику «Духоборцы. Сборник рассказов, писем, документов и статей по религиозным вопросам», выпуск 1, Харьков, 1907. Его издатель А. М. Бодянский информировал Л. Н. Толстого о том, что тираж книги конфискован, но он надеется спасти издание. А. М. Бодянский писал, что одобрение Толстым «содержания сборника много прибавило бы ему энергии в этом деле». Л. Н. Толстой отвечал А. М. Бодянскому: «... О вашем сборнике о духоборах отвечаю тем, что, сборник, насколько я мог оценить его при просмотре, наверное, полезен и хорошо бы спасти его», ¹² хотя для более подробного рассмотрения его «не имею времени».

Помощь Л. Н. Толстого духоборам касалась самых разных вопросов. Из письма к П. В. Веригину мы узнаем, что он обращался к великому князю Николаю Михайловичу с просьбой о выдаче заграничных паспортов духоборам О. Ф. Новокшенову, А. А. Фофанову и В. Щербакову, хлопотавшим о выезде в Канаду для соединения со своими семьями, переселившимися туда с общей массой духоборов в 1898–1901 гг. Великий князь ходатайствовал перед местным губернатором, но получил отказ. После этого Л. Н. Толстой обратился к «главноначальствующему» гражданской частью на Кавказе князю Г. С. Голицыну.

В письме он мотивировал свою просьбу тем, что «три духоборца вследствие вредного влияния, которое они оказывали на своих единоверцев, были сосланы в Якутию. Вернувшись из ссылки на Кавказ, эти люди не нашли своих единоверцев – сыновей, дочерей и внуков, всех переселившихся в Канаду». Л. Н. Толстой просил князя Голицына дать разрешение на выдачу им заграничных паспортов для соединения их со своими семьями, поскольку губернаторы кавказских губерний отказывали им в выдаче этих документов.¹³ Из переписки Л. Н. Толстого трудно судить, оказал ли Г. С. Голицын содействие в этом вопросе.

Через посредничество Л. Н. Толстого проходили операции оказания материальной помощи духоборам, находящимся в России и за границей. В письме к П. В. Веригину он сообщал последнему о том, что деньги 5 000 рублей, посланные от Моода духоборам, целесообразно переадресовать «Павловцам». «Павловцы» – крестьяне села Павловки, которые в 1902 г. были судимы и сосланы в Сибирь. Их адвокат Н. К. Муравьев писал Л. Н. Толстому о тяжелом материальном положении павловцев и спрашивал его: есть ли деньги для оказания им материальной помощи. Поэтому совет Л. Н. Толстого П. В. Веригину вернуть 5 000 рублей, присланные Моодом духоборам, и оказать помощь павловцам был вполне целесообразен.

Правительство России преследовало не только штундистов, но и представителей других религиозных сект, в частности последователей К. А. Малеванного, который основал секту, названную его именем. Он привлек в секту многочисленных последователей. В 1893 г. Малеванный был арестован, затем отправлен в Казань в психиатрическую больницу, где пробыл двенадцать лет. По просьбе Л. Н. Толстого, Е. В. Молодцова хлопотала перед казанским губернатором Хомутовым и губернской администрацией об освобождении Малеванного.хлопоты Молодцовой увенчались успехом, в августе 1905 г. Малеванный был освобожден. Е. В. Молодцова была знакома с Л. Н. Толстым. 26 апреля 1905 г. она посетила его в Ясной Поляне. В своих письмах к нему от 1 и 11 мая 1905 г. она описывала посещение К. А. Малеванного в психиатрической больнице. В свою очередь, Л. Н. Толстой информировал ее о том, что «у меня вчера был его последователь Е. Бахмач из Васильковского уезда». Характеризуя последователей Малеванного, он писал: «Это

община чистых, нравственных, трудолюбивых людей, которые составляют силу всякого народа и образование которых, поощрение, подражание – должно было бы составлять главное занятие всякого правительства, желающего исполнять свое призвание, и их то гонят, и их то наука, заменяющая в наше время прежнюю церковь, признает душевнобольными. Это ужасно!» – заключает он.¹⁴

Л. Н. Толстой оказывал разнообразную помощь отказникам, то есть тем лицам, которые отказывались от службы в русской армии. До 1905 г. наказание за этот вид «преступления» составлял 18 лет лишения свободы. Их ссылали в Сибирь на этот срок. Эти отказы происходили по религиозным причинам со стороны сектантов.

2 сентября 1905 г. к Л. Н. Толстому обратился Е. Е. Гончаренко. Он отказался по религиозным убеждениям от воинской службы и рассчитывал, что его сошлют в Якутию. Однако его задержали в Омске, 27 августа 1905 г. вновь судили военно-окружным судом и приговорили к 4 годам штрафного батальона. Положение Гончаренко осложнялось тем, что с ним была семья.

Получив письмо Гончаренко, Л. Н. Толстой обратился к генерал-адъютанту Николаю П. А. В. Олсуфьеву, к известному литературному критику В. В. Стасову, к судебному деятелю пореформенной России А. Ф. Кони. Пересылая А. Ф. Кони письмо Гончаренко, Л. Н. Толстой писал, что пребывание Гончаренко в дисциплинарном батальоне будет означать для него смерть. После обращения к А. Ф. Кони дело о Гончаренко по распоряжению военного министра было затребовано в Петербург для «ознакомления» с ним. В письме к А. Ф. Кони от 5 октября 1905 г. Л. Н. Толстой благодарил его за это.¹⁵

Сектант А. И. Кудрин, крестьянин села Петровки Бузулукского уезда Самарской губернии, обратился к Л. Н. Толстому с письмом в связи с отказом от воинской службы, в котором просил Л. Н. Толстого помочь ему в его трудном положении.

Отвечая на это письмо, Л. Н. Толстой писал: «Про твой отказ я знал раньше и искал тебя в Туле, а потом писал своему знакомому П. Л. Успенскому и просил его посетить тебя в Харькове». Содержание письма Л. Н. Толстого к А. И. Кудрину посвящено проблемам жизни, смерти и бессмертия. Поводом для изложения этих вопросов явился «бодрый тон» письма А. И. Кудрина. Л. Н. Толстой пытался ответить на вопросы о том, что ожидает

человека после смерти, где он будет. Для того чтобы просветить А. И. Кудрина в этих вопросах, Л. Н. Толстой послал ему две книги – «Мысли мудрых людей» и «Круг чтения». Он указывает подробно дни и месяцы года, в которых в «Круге чтения» Кудрин может узнать о смерти и бессмертии. Не ограничиваясь этой отсылкой, Толстой подчеркивает, что человек есть дух божий, живущий в животном временном теле. Ему кажется, что вместе со смертью пропадает человек сам. Однако в действительности человек имеет жизнь в духе, поэтому смерть есть только освобождение духа от тела, и он не может верить в смерть. Место, где человек будет после смерти, есть только для тела, а для духа места нет. «Где я буду? – задает вопрос Л. Н. Толстой. И отвечает: Там, где я был до рождения. В руки твои передаю дух мой, сказал Христос умирая. И это самое лучшее, что мы можем сказать и думать о смерти...»¹⁶ Толстой считал, что если верить в бога, то в смерти нет ничего более страшного, чем в жизни. Последние слова служат убедительным свидетельством неправоты Г. В. Плеханова, утверждавшего, что, будучи индивидуалистом, Л. Н. Толстой панически боялся смерти.

18 июня 1906 г. крестьянин-сектант Таращанского уезда Киевской губернии Е. И. Слободяник обратился с письмом к Л. Н. Толстому, в котором писал о своем отказе от воинской службы и об отбывании наказания в дисциплинарном батальоне, а затем в Воронежской тюрьме. Поблагодарив его за письмо, Л. Н. Толстой писал ему: «Буду стараться по мере сил моих освободить тебя. Мы писали об этом в газетах и писали об этом в Думу. Много верующих людей страдает за это самое, и надо надеяться, что в скором времени найдут средство приставлять отказывающихся к таким работам, которые может исполнять христианин».¹⁷ Л. Н. Толстой просил Слободяника сообщить ему, не нуждается ли он в чем-либо, чему бы он мог помочь.

Сектант-молоканин, последователь А. М. Добролюбова, живший в селе Петровке Бузулукского уезда Самарской губернии, Г. И. Миронов обратился к Л. Н. Толстому с письмом, в котором сообщал ему о своих разногласиях между ним и последователями А. М. Добролюбова. Последние считают, что бога можно увидеть только во время опьянения, а он «отвергал это». Они утверждают, что нужно работать, а он утверждает, что работать не надо. «Напиши Лев свое мнение», – просил он Толстого.¹⁸ В своем ответе Миронову Толстой подчеркнул, что видеть бога

никогда, ни в каком случае нельзя, потому что бог есть дух, есть любовь. «Что же касается до работы, то я думаю, что большой грех не работать, что всякий человек должен работать для того, чтобы отплатить людям за то, чем он пользуется от людей».

В переписку с Л. Н. Толстым Г. И. Миронов вступил годом раньше. 24 апреля 1906 г. он писал Л. Н. Толстому о том, что его знакомый А. И. Кудрин преследуется правительством за отказ от воинской службы, что он исчез с места жительства и надо бы найти его и оказать ему помощь. Отвечая ему, Толстой писал, что сразу же после получения его письма его друг Д. П. Маковицкий ездил в Тулу, чтобы найти там А. И. Кудрина, но его там не было. Толстой обещал, что он постарается через своих харьковских друзей, чтобы они посетили его и по возможности облегчили его трудное положение. Он послал Г. И. Миронову номер с воззванием об отказывающихся от военной службы («Воззвание в защиту современных христианских мучеников»). Л. Н. Толстой высоко ценил гражданское мужество А. И. Кудрина. Он писал Г. И. Миронову: «... постараюсь сделать все, что могу, для телесного, а главное духовного блага брата Андрея (Кудрина – В. С.). Он один из тех борцов за христианскую истину, которые, служа богу, служат и людям, устанавливая царство божие на земле, и потому нам, не удостоившимся пострадать за веру, надо, по крайней мере, по силам помогать этим христианским мученикам нести взятый на себя крест Христов». В качестве конкретной меры помощи отказникам от воинской службы Толстой «послал в газеты Воззвание о том, что Душе следует озаботиться о том, чтобы тех людей, которые по своим убеждениям отказываются от воинской службы, правительство не наказывало бы, а прискало бы другое – разумное и кроткое обращение с ними».¹⁹

Известность Л. Н. Толстого как писателя и мыслителя-гуманиста была такой широкой, слух о его помощи отказникам таким распространенным, что к нему обращались многие из них. В 1904 г. А. И. Иконников отказался от прохождения воинской службы. Отбывал наказание в дисциплинарном батальоне, по отбытии наказания вновь отказался от прохождения воинской службы и находился в заключении до января 1911 года. Отвечая на письмо Иконникова, в котором он описывал свою жизнь в дисциплинарном батальоне, Л. Н. Толстой писал: «Очень благодарю вас за вашу жизнь, это дело выше всякой благодарности».

Он часто благодарил А. И. Иконникова за то, что он так правдиво описал то, что с ним было и «свое душевное состояние». Л. Н. Толстой высказал пожелание А. И. Иконникову продолжить ту же внутреннюю духовную жизнь, в каких бы условиях он ни был: в заключении или на свободе, высказав надежду на то, чтобы его испытания кончились когда-нибудь.²⁰

Под влиянием А. И. Иконникова крестьянин молдаванин И. М. Куртыш, будучи солдатом в Кишиневе, отказался от воинской службы. Наказание за отказ от воинской службы он проходил в варшавской тюрьме. Находясь здесь в очень трудных условиях, он обратился к Л. Н. Толстому с просьбой о материальной помощи. Л. Н. Толстой выслал ему 5 рублей. 4 октября 1907 г. И. М. Куртыш благодарил Л. Н. Толстого за оказанную ему помощь. 10 октября 1907 г. Л. Н. Толстой ответил ему письмом, в котором писал, что если он может чем-либо служить Куртышу, то он просит написать ему об этом. Для него «большая радость» сделать все, что он может, чтобы исполнить его желание.²¹

Кажется, ни один факт трудного положения сектантов, о котором бы знал Л. Н. Толстой, он не оставил без внимания и всегда в меру своих возможностей пытался им помочь. Когда к нему обратилась Ц. В. Хилкова с сообщением о трудном положении, в котором находились павловцы, желающие возвратиться на родину в село Павловск Сумского уезда Харьковской губернии, Л. Н. Толстой сразу же отреагировал. В день получения письма от Ц. В. Хилковой он пишет письмо министру внутренних дел А. Г. Булыгину, в котором сообщает, что крестьяне были наказаны «за разгром церкви». Дело это было совершено ими «в состоянии временного затмения» сознания, о котором они не только раскаиваются, но и «удивляются сами на свой поступок». Л. Н. Толстой уверял министра, что «он не будет раскаиваться, если сможет им помочь».²² Однако ходатайство Л. Н. Толстого в данном случае результатов не имело.

Л. Н. Толстой оказывал материальную помощь лицам, преследуемым правительством за их религиозные взгляды. В письме к П. Орлову и С. Усачеву он сообщал, что высылает 20 рублей денег и несколько книг. Он отмечал, что «теперь во время русско-японской войны всем виднее и нужнее то дело, за которое вы страдаете». Сектанты П. Орлов и С. Усачев по религиозным убеждениям отказались от военной службы, за что были осуждены и высланы в Якутскую губернию.

Все лица, страдающие от преследований российского правительства, неизменно встречали поддержку со стороны Л. Н. Толстого. Особое внимание он уделял людям, пострадавшим за веру, сектантам различных наименований, считая, что они, отклоняясь от ортодоксальной христианской церкви, ищут настоящую веру и могут приблизиться к религиозному учению Толстого.

Учитель П. М. Ладерле, разделявший взгляды Л. Н. Толстого, прислал ему письмо о двух матросах эскадры Рождественского, которые отказались от участия в русско-японской войне по религиозным мотивам. Их письмо было опубликовано в «Свободном слове» (1905 г. № 16, С. 6–7). В этом письме, написанном из морской военно-следственной тюрьмы, они обратились к Л. Н. Толстому с просьбой «похлопотать, чтобы им выдали отобранное у них Евангелие». В письме к П. М. Ладерле Толстой писал, что он просил сына (Андрея – В. С.) узнать, к кому надо обратиться, чтобы исполнить их просьбу и вообще облегчить их участь». ²³

Отвечая на письмо врача А. Е. Маневича, Л. Н. Толстой писал: «Жизнь всякого человека есть ничто иное, как освобождение вечного божественного начала, составляющего сущность души от ложного сознания своей отделенности – личности». Внутренняя борьба, о которой Маневич писал Толстому в связи с призыванием его на военную службу «есть движение к этому освобождению». Он предлагал Маневичу не тяготиться своим одиночеством, поскольку последнее представляет необходимое условие «для общения с богом». Он просил Маневича искать общения в своей душе, в глубине ее. Через эту божественную сущность мы общаемся с богом и друг с другом. ²⁴

В 1905 г. неурожай охватил 23 губернии России с населением в 18 млн человек. В этих условиях З. Я. Курдюмова 22 сентября обратилась к Л. Н. Толстому с письмом, в котором просила посылаемые ею 110 рублей распределить среди нуждающихся крестьян села Крутого Крапивенского уезда Тульской губернии, где она провела свое детство.

Л. Н. Толстой, отвечая ей, писал о том, что он не занимается помощью нуждающимся крестьянам: «И в нашей округе нужда не исключительная, но она всегда есть. И если вы хотите, чтобы я отправил ваши деньги в другое место, то я охотно распределю их истинно нуждающимся и преимущественно в Крутом, как вы желаете». ²⁵

Священник Савельев переслал Толстому неизвестную нам сумму денег в помощь голодающим крестьянам. Л. Н. Толстой переслал письмо Савельева председателю Тульской губернской земской управы князю Г. Е. Львову, который 12 августа 1905 г. опубликовал в «Русских ведомостях» «Обращение к обществу», призывая помочь пострадавшим от неурожая крестьянам Тульской губернии. В письме к Савельеву Л. Н. Толстой тепло благодарил его за этот акт благотворительности и сообщал ему, что передаст присланную ему сумму князю Г. Е. Львову, который «сердечно и основательно занят этим делом».²⁶

Безупречный нравственный авторитет Л. Н. Толстого приводил к тому, что ему верили и обращались за помощью в деле благотворительности представители разных слоев российского общества. 4 октября 1905 г. к нему обратилась группа русских офицеров с просьбой помочь нуждающимся и страдающим от голода крестьянам России. Л. Н. Толстой в ответном письме благодарил офицеров, содержащихся в плену в Японии в городе Сидтоко, и сообщал им, что присланные на его имя деньги 264 рубля 96 копеек получены и будут употреблены на помощь нуждающимся крестьянам Крапивенского уезда Тульской губернии.²⁷

Офицер русской армии И. Панкевич, находившийся в японском плену, пожертвовал 264 рубля 96 копеек в пользу пострадавших от неурожая. Отвечая ему, Л. Н. Толстой писал, что «деньги были получены, и как все деньги, бывшие в моем распоряжении, были употреблены на помощь пострадавшим от пожаров, которых было и продолжает быть очень много в нынешнем году». Он благодарил Панкевича за присылку денег и от себя, и от имени воспользовавшихся ею.

Помощь голодающим была организована широко, и в ней принимали участие самые разные слои населения. Служащие центрального лесного управления прислали на адрес Л. Н. Толстого 277 рублей для пострадавших от неурожая крестьян Тульской губернии. Л. Н. Толстой информировал Сперутинского, от имени которого был послан перевод, о том, что он передаст эти деньги «известным» ему людям, которые занимаются на месте «делом помощи беднейшим крестьянам».²⁸

В письме к присяжному поверенному Б. Ф. Беме Л. Н. Толстой сообщал, что он получил присланные им 94 рубля 50 копеек для помощи голодающим крестьянам. Он писал: «Хотя я сам лично не занимаюсь помощью пострадавшим от неурожая,

однако надеюсь употребить ваше пожертвование с пользой, передав ваши деньги моему сыну Михаилу, который занят раздачей и продажей дешевого хлеба в местности, особенно пострадавшей от неурожая, а именно в Крапивенском уезде Тульской губернии». ²⁹

Материальная помощь голодающим была организована через газеты. Известно письмо Л. Н. Толстого, направленное в редакцию газеты «Харьковский листок», в котором он информировал редакцию о том, что присланные на его имя для помощи голодающим деньги 45 рублей 31 копейка и 19 рублей 50 копеек получены, и он благодарит жертвователей от имени тех лиц, «нужда которых будет облегчена их жертвою». Он информировал жертвователей, что их деньги будут употреблены на помощь нуждающимся крестьянам Крапивенского уезда, как наиболее пострадавшего от неурожая. ³⁰

Не ограничиваясь помощью людям, пострадавшим от неурожая в 1905 г., Л. Н. Толстой помогал страдающим от необоснованных поборов в армию во время русско-японской войны. Он лично писал «прошение» Крапивенскому уездному воинскому начальнику от имени крестьянки Матрены Прохоровны Гуляевой. Судьба этой крестьянки действительно трагична. Спустя три дня после пожара, в результате которого сгорел дом, ее муж был как запасной призван на военную службу. Он был единственным кормильцем в семье, состоявшей из пяти человек. Прошение, подписанное М. П. Гуляевой, опоздало. Ее муж был включен в списки солдат и отправлен в Воронеж. По прошению жены П. П. Гуляев был отпущен на две недели домой для уборки урожая.

Л. Н. Толстой написал письмо Воинскому начальнику Крапивенского уезда от имени солдатки Авдотьи Даниловны Калининой. Ее муж С. К. Калинин был призван к отбытию военной службы и 4 июня 1904 г. отправлен в Москву. Она осталась одна с 4 малолетними детьми, старшему из которых было 6 лет, и престарелой свекровью «без всяких средств прокормления». По прошению А. Д. Калининой, написанному Л. Н. Толстым, С. К. Калинин с военной службы возвращен не был вследствие того, что мать Калинина могла жить у других сыновей, а его семья получала пособие в размере 8 рублей в месяц. ³¹

Л. Н. Толстой помогал и представителям интеллигенции. Помощь им носила уже другой характер. Они были грамотными и

нуждались, как правило, или в денежном поручительстве, или в поддержке, связанной с помещением произведений молодых литераторов в журналы, или в нравственных утешениях, связанных с трудными условиями семейной жизни.

12 июля 1904 г. Л. Н. Толстой обратился с прошением к помощнику начальника Курляндского жандармского управления в г. Либаве А. В. Мезенцеву. Он просил за арестованного журналиста К. И. Ландера. За поручительство К. И. Ландера нужно было внести залог в 2000 рублей. Л. Н. Толстой написал заявление, просил принять его «как требуемый акт поручительства» и К. И. Ландера освободить.³²

К Толстому обращались за помощью в публикации произведений в журналах начинающие литераторы. А. Н. Крупский, ранее служивший доверенным лицом в издательстве Черткова, обвиненный в государственном преступлении, сосланный на 5 лет в Якутскую область, обратился к Л. Н. Толстому с письмом помочь ему опубликовать рассказ «Сычи». Толстой обратился к фактическому редактору журнала «Русская мысль» В. А. Гольцеву с просьбой поместить в журнале этот рассказ, который, по его мнению, «не дурен, не хуже многих». Хотя рассказ напечатан не был, сам отклик Толстого и его отзыв о рассказе свидетельствуют о том, что он сделал все, от него зависящее.³³

В письмах к своим корреспондентам, которые просили его дать им совет относительно их художественных произведений, Л. Н. Толстой был очень откровенен, несмотря на то, что пытался соблюдать сдержанность в таких деликатных вопросах. 19 декабря 1904 г. он писал Е. В. Молоствовой, которая просила его прочитать ее повесть «Цена любви» и высказать о ней свое мнение: «Героиню повести даже не жалко, она просто отталкивает неизменностью своих интересов. Тем более неприятно действует эта повесть, что техника, подробности, описания очень недурно». Известно, что повесть Молоствовой «Цена любви» напечатана не была.

Профессор филологии, истории литературы и переводчик Л. С. Винер (он перевел на английский язык собрание сочинений Л. Н. Толстого в 24 томах) обратился к Л. Н. Толстому с письмом, в котором писал о переводе его произведений на английский язык и о том, что некоторые произведения Л. Н. Толстого, такие как «Часовщик», «Первый винокур», «Церковь и государство», он не может достать, и просил Л. Н. Толстого выслать их ему.

Отвечая Л. С. Винеру, Толстой писал о том, что ему «очень приятно было узнать», что перевод его сочинений доставил Л. С. Винеру «удовольствие и некоторую пользу». Он обещал собрать недостающие профессору «вещи» и на днях выслать их ему.³⁴

Л. Н. Толстой оказывал помощь молодым людям, обучая, давая им конкретные советы по технике письма. В письме к семинаристу В. Д. Фролову, который дважды был в Ясной Поляне и беседовал с Л. Н. Толстым, он терпеливо поучал его: «Не торопитесь писать. Больше читайте, думайте и записывайте только те мысли, которые выльются кротко и ясно. Записывайте для себя».³⁵ Фролов просил Толстого помочь ему устроиться на место учителя в школе города Москвы. Писатель обратился по этому вопросу к своему приятелю П. А. Буланже, и тот обещал ему дать место учителя только не в Москве, «где нет вакансий, а на периферии», что не устроило В. Д. Фролова.

Известность Л. Н. Толстого к началу Первой русской революции была так велика, что к нему обращались представители интеллигенции и студенчества из многих стран мира. Студент философского факультета Токийского императорского университета, автор статьи «Влияние на меня Толстого» Х. С. Тамура обратился 13 января (н. ст.) 1905 г. к писателю с письмом, в котором он интересовался, как понимать учение мыслителя и применимо ли оно к представителям других не христианских религий.

Отвечая Тамуре 14 марта 1905 г., Толстой писал, что совершенно не важно, к какой религии принадлежит человек. Он пояснял, что «внешнего авторитета, которому бы человек обязан был верить, нет, но у каждого человека должна быть своя религия, то есть разумное объяснение и определение его жизни. Такое разумное объяснение своей жизни всякий человек может найти в своей религии, — пояснял он студенту. — Во всех религиях это объяснение одно и то же, и заключается оно в следующем: человек — слуга высшей силы, которую называют богом, и он должен исполнять волю этой силы.

Воля этой силы есть единение всех людей, которое может быть достигнуто через любовь. Кто выполняет это, — разъясняет Л. Н. Толстой Х. С. Тамуре, — тот не знает зла ни при жизни, ни после смерти. Истина эта, — подчеркивает Л. Н. Толстой, — заключается во всех больших религиях... и не нуждается ни в каком авторитете для своего признания, потому что сама она за-

ключает в себе высший авторитет, какой только может существовать, – как одобрение собственной совести. Только такая религия может освободить людей от зла, которое теперь они сами для себя создают. Поэтому я убежден, – завершает Л. Н. Толстой поучения, – что разрушение всех предрассудков, искажающих всякую религию, и распространение этой единственной и общей религии есть первая и главнейшая обязанность каждого человека».³⁶

В переписке и с русскими, и с зарубежными корреспондентами Л. Н. Толстой большое внимание уделял популяризации своего учения, центральным пунктом которого было учение о непротравлении злу силой. Эрнест Кент, живший в Бостоне, 14 марта (н. ст.) 1905 г. написал Л. Н. Толстому письмо, к которому приложил копию своего письма епископу Саусуэльскому. В своей речи к солдатам и полиции в Дрилль-Холле епископ сказал: «Нужно чтобы все малютки учились стрелять». Прочитав об этом выступлении, Э. Кент написал епископу письмо, где утверждал, что это неправильно с христианской точки зрения, считая, что его взгляды в данном вопросе совпадают с точкой зрения Л. Н. Толстого.

Отвечая Эрнесту Кенту, Толстой писал: «Ваше письмо к епископу вполне справедливое и хорошее. Желаю вам постоянно идти вперед в вашей духовной, то есть истинной жизни». Одобрение Л. Н. Толстым акции Э. Кента вытекало из общности их взглядов. Когда такой общности не было и Толстому предлагали принять участие в акциях, в основе которых лежало мировоззрение, основанное на иных принципах, Толстой отвечал отказом сотрудничать с такими организациями. Так случилось с предложением д'Эстуриела де Констана, французского сенатора, общественного деятеля, энергичного пропагандиста идеи мира, который просил Л. Н. Толстого принять почетное членство в «Комитете защиты национальных интересов и международного мира». «Так как мои убеждения не совпадают с программой вашего Комитета, – писал он французскому сенатору, – я был бы неискренен, приняв честь, которую вы мне оказываете, предлагая вступить в число его членов».³⁷

Пастору Версхаген послал Толстому книгу масонского журнала «Am tauchen Stein» со своей статьей о писателе, в которой говорил о том, что «был бы очень рад, если бы одобрили отдельные места этой работы». Отвечая Версхагену, Л. Н. Толстой пи-

сал: «Очень благодарен вам за присылку вашей масонской книги. Меня очень радует, что я всегда, того не зная, был и есть масон по своим убеждениям. Я всегда, с самого детства, питал глубокое уважение к этой организации и думаю, что масонство сделало много добра человечеству». ³⁸ Это утверждение Л. Н. Толстого о его стихийном масонстве нуждается в дополнительном исследовании.

По своим принципам учение Л. Н. Толстого было близко к учению Ж. Ж. Руссо. Поэтому, когда профессор Женевского университета, основатель и председатель общества Жан Жака Руссо Бернар Бувье 6 марта (н. ст.) обратился к Толстому с письмом, в котором спрашивал его, не желает ли он вступить в недавно образованное общество Жан Жака Руссо, Л. Н. Толстой ответил ему, что он «с большим удовольствием записывается в члены вашего общества». Он информировал Бернара Бувье о том, что он считает Руссо своим учителем, начиная с 15-летнего возраста. Руссо и Евангелие – «два самые сильные и благотворные влияния на мою жизнь». Руссо «не стареет», когда он совсем недавно, перечитывал некоторые из его произведений, то испытывал то же «чувство подъема духа и восхищения», которое он испытывал в ранней молодости. ³⁹ Влияние Ж. Ж. Руссо на Толстого несомненно, хотя он не только заимствовал его взгляды, но и добавил к ним кое-что свое, в частности, принцип ненасилия.

Существенное значение Л. Н. Толстой придавал точности изложения своего учения, в частности, вопросу о расхождении его взглядов со взглядами официальной православной церкви. Об этом свидетельствует тот факт, что письмо с изложением этого вопроса к французскому писателю Полку Сабатье он писал две недели и переделывал его около 10 раз. В письме он проводил различие между религией и церковью. «Религия – это истина и добро, церковь же – ложь и зло. Вот почему я не могу стать на точку зрения тех, кто верит, что церковь для религии – необходимая организация и что надо только ее преобразовать для того, чтобы она стала учреждением благодетельным для человечества».

Л. Н. Толстой пытается убедить французского писателя в том, что «церковь всегда была организацией лживой и жестокой, которая исказила и извратила истинное христианское учение ради тех выгод, которые она получала от светской власти. Все конкордаты были для нее не чем иным, как сделкой между церковью и государством, в силу которых церковь обещала государству

свою помощь взамен тех материальных выгод, которые оно представляет ей». ⁴⁰ Пожалуй, нигде в другом месте Л. Н. Толстой так образно и точно не определил свое отношение к официальной православной церкви и российскому государству.

Примечания:

1. Толстой Л. Н. – Граубергу Ф. Х., 20 января 1904 г. // ПСС. Т. 75. С. 18.
2. Толстой Л. Н. – Веригину П. В., 3 марта 1904 г. // ПСС. Т. 75. С. 56.
3. Толстой Л. Н. – Конкину И. Е., 4 марта 1904 г. // ПСС. Т. 75. С. 58.
4. Толстой Л. Н. – Мооду Эйmlеру, 20 августа 1905 г. // ПСС. Т. 76. С. 14.
5. Толстой Л. Н. – Планидину П. В., 17 мая 1907 г. // ПСС. Т. 77. С. 111.
6. Толстой Л. Н. – Макасееву В. А., 17 мая 1907 г. // ПСС. Т. 77. С. 109.
7. Толстой Л. Н. – Духоборам, переселившимся в Канаду, 23 мая 1907 г. // ПСС. Т. 77. С. 144.
8. Толстой Л. Н. – Копыгину И. С., 24 июня 1907 г. // ПСС. Т. 77. С. 144.
9. Толстой Л. Н. – Веригину П. В., 10 августа 1907 г. // ПСС. Т. 77. С. 176.
10. Толстой Л. Н. – Кузнецову П. А., 7 июля 1907 г. // ПСС. Т. 77. С. 155.
11. Толстой Л. Н. – Силаеву А. Я., 8 августа 1907 г. // ПСС. Т. 77. С. 175.
12. Толстой Л. Н. – Бодянку А. М., 2 сентября 1907 г. // ПСС. Т. 77. С. 183.
13. Толстой Л. Н. – Голицину Г. С., 12 января 1904 г. // ПСС. Т. 75. С. 8.
14. Толстой Л. Н. – Молодцовоy Е. В., 7 июня 1905 г. // ПСС. Т. 75. С. 248.
15. Толстой Л. Н. – Копи А. Ф., 5 октября 1905 г. // ПСС. Т. 76. С. 37.
16. Толстой Л. Н. – Кудрину А. И., 23 июня 1906 г. // ПСС. Т. 76. С. 167.
17. Толстой Л. Н. – Слободянину, 27 июня 1906 г. // ПСС. Т. 76. С. 160.
18. Толстой Л. Н. – Миронову Г. И., 17 мая 1907 г. // ПСС. Т. 77. С. 109–110.
19. Толстой Л. Н. – Миронову Г. И., 27 июня 1906 г. // ПСС. Т. 76. С. 167.
20. Толстой Л. Н. – Иконникову А. И., 10 октября 1907 г. // ПСС. Т. 77. С. 220.
21. Толстой Л. Н. – Куртышу И. М., 10 октября 1907 г. // ПСС. Т. 77. С. 221.
22. Толстой Л. Н. – Булыгину А. Г., 20 августа 1905 г. // ПСС. Т. 76. С. 18.
23. Толстой Л. Н. – Ледерле П. М., 30 января 1905 г. // ПСС. Т. 75. С. 210.
24. Толстой Л. Н. – Маневичу, 3 марта 1905 г. // ПСС. Т. 75. С. 227.
25. Толстой Л. Н. – Курдюмовой З. Я., 5 октября 1905 г. // ПСС. Т. 76. С. 38.
26. Толстой Л. Н. – Савельеву, 6 октября 1905 г. // ПСС. Т. 76. С. 41.
27. Толстой Л. Н. – Епископу Николаю, 30 ноября 1905 г. // ПСС. Т. 76. С. 59.
- 27«а». Толстой Л. Н. – Панкевичу И., 20 июня 1906 г. // ПСС. Т. 76. С. 161.
28. Толстой Л. Н. – Сперутинскому, 7 января 1906 г. // ПСС. Т. 76. С. 79.
29. Толстой Л. Н. – Беме Б. Р., 6 января 1906 г. // ПСС. Т. 76. С. 78–79.
30. Толстой Л. Н. – В редакцию газеты «Харьковский листок», 30 ноября 1905 г. // ПСС. Т. 76. С. 60.

31. Толстой Л. Н. – Крапивенскому воинскому начальнику, 26 августа 1904 г. // ПСС. Т. 75. С. 160–161.
32. Толстой Л. Н. – Ландеру К. И., 12 июля 1904 г. // ПСС. Т. 75. С. 143–144.
33. Толстой Л. Н. – Гольцеву В. А., 31 июля 1904 г. // ПСС. Т. 75. С. 146.
34. Толстой Л. Н. – Винеру Л. С., 19 декабря 1905 г. // ПСС. Т. 75. С. 193.
35. Толстой Л. Н. – Фролову В. Д., 14 января 1905 г. // ПСС. Т. 75. С. 201.
36. Толстой Л. Н. – Тамуре Х. С., 14 марта 1905 г. // ПСС. Т. 75. С. 224–225.
37. Толстой Л. Н. – д'Эстурелю де Констану, 18 (31) марта 1905 г. // ПСС. Т. 75. С. 238.
38. Толстой Л. Н. – Вернгагену, 7 (20) марта 1905 г. // ПСС. Т. 75. С. 231.
39. Толстой Л. Н. – Бувье Бернару, 20 марта 1905 г. // ПСС. Т. 75. С. 234.
40. Толстой Л. Н. – Сабатье Полю, 7 (20) ноября 1906 г. // ПСС. Т. 76. С. 227.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В проблеме преодоления общих теоретических трудностей борьбы с насилием и терроризмом, которые широким потоком в той или иной степени охватили весь мир, существенное место принадлежит разным формам ненасилия. Среди представителей этого направления гуманистической мысли разного калибра выдвигается колоссальная фигура оригинального мыслителя, выдающегося художника слова Л. Н. Толстого. Изучение толстовского религиозно-нравственного учения важно не только в культурно-историческом контексте (как изучение попыток борьбы со злом в историческом прошлом), оно обогащает в некоторых смыслах современное нравственное учение в его борьбе с терроризмом.

Субъектом насилия и террора является человек, и, следовательно, проблема изучения насилия так или иначе должна обращаться к нему, к его жизни, к его воспитанию, образованию, к условиям его труда и быта. Во всех этих аспектах религиозно-нравственное учение Л. Н. Толстого представляет целый ряд срезов, над которыми напряженно работает современная теоретическая мысль, пытаясь включить их в общий арсенал человеческой мысли, направленной против насилия и терроризма.

Исследование причин развития и успехов терроризма предполагает изучение его ошибок и недостатков, которые имеют место не только в настоящем, но и в прошлом. Религиозно-нравственное учение Л. Н. Толстого также не свободно от них. Социальные корни этих недостатков находятся в учении Толстого о человеке. Мыслитель преувеличивает роль внутренней жизни человека и вследствие этого недооценивает роль внешней – социальной среды, в которой живет и формируется человек. При этом, естественно, возникает вопрос: откуда человек может углублять, совершенствовать свою внутреннюю жизнь. Безусловно, это возможно путем соответствующего осмысливания внешней. Диалектика внутреннего и внешнего в развитии человека принимает у Л. Н. Толстого «перекос» в пользу внутреннего. В этом состоит основной недостаток нравственной концепции Л. Н. Толстого, который дополняется у него недialeктическим пониманием ненасильственных средств борьбы и полным отрицанием насильственных действий.

В нравственном аспекте насильственных действий ведущая роль принадлежит трудноразрешимой в научном отношении теории наименьшего зла. Согласно ей, применение насилия оправ-

дывается наименьшими жертвами при оптимальных общественных результатах. Сложность решения данной проблемы заключается в том, что трудно заранее прогнозировать разные варианты общественного развития, общественной борьбы и заранее определять, который из них нужно поддержать вследствие его социальной эффективности и наименьших человеческих жертв. Борьба за социализм, а затем его утверждение и развитие не только в России, но и в других странах, убедительно свидетельствуют об этом.

Гуманизм Л. Н. Толстого имеет непреходящее значение потому, что он при всей утопичности, а вернее неприятии научно-технического прогресса и дальнейших перспектив развития общества, а также путей, ведущих к нему последовательно, отстаивал идею ненасильственных средств борьбы, которые ведут к лучшему будущему.

Конечно, утопические средства достижения утопических результатов общественного развития представляли для Л. Н. Толстого попытку осмысления социальных проблем современного ему российского общества и путей выхода из его кризисного состояния. При рассмотрении этих очень сложных проблем он переоценил роль отдельного человека и недооценил роль общества и государства. Роль последнего применительно к будущему он отрицал вообще, что, безусловно, свидетельствует о значительных элементах анархизма в системе его мировоззренческих ориентаций.

Однако недооценка роли отдельного человека в общественном развитии приобрела свою оборотную гуманистическую сторону. Если человек есть высшая ценность общественного развития, то и отношение к нему должно быть человеческим, то есть гуманным. Отсюда отрицание им насильственных действий, отсюда теория непротивления злу насилием, обращающаяся к лучшим свойствам человеческой природы.

Эта теория имела своим источником недостаточно высокий уровень развития общества в России в период, когда Л. Н. Толстой ее разрабатывал – в начале 80^х годов XIX в. В своих общественных взглядах Л. Н. Толстой остановился где-то на уровне народничества 70^х годов без его революционности, без признания положительной роли террора и насилия вообще. Отрицание Л. Н. Толстым насилия в любых его формах, различные формы помощи людям фактически всех социальных слоев России того времени имели и имеют существенное значение для развития гуманистической мысли и культуры человечества, показывая

образцы подлинного человеческого отношения к другому человеку и к обществу. Это, конечно, требовало самоотверженного труда в толстовских земледельческих общинах, число которых в России измерялось единицами, а что касается его религиозно-нравственных основ, то они были недоступными многочисленному крестьянству России, большинство из которого тогда, когда жил Л. Н. Толстой, было неграмотным.

В современной философской литературе предпринимаются попытки критики учения Л. Н. Толстого о непротавлении злу насилием, основное содержание которых сводится к тому, что учение великого писателя, в принципе отрицающее всякое насилие, является утопичным. Оно невозможно в современной общественной жизни. М. Л. Гельфонд (Клюзова) сводит аргументы оппонентов Л. Н. Толстого к трем постулатам: 1) аргумент бегства от зла; 2) аргумент целесообразности; 3) аргумент жертвы. Рассмотрев все три аргумента, он обобщает: «Если все же попытаться дать по возможности объективную и беспристрастную оценку убедительности рассмотренных аргументов философских критиков Толстого, а также «контркритических» доводов последнего, то, на наш взгляд, следует признать их теоретическую паритетность. Что касается силы убежденности участников заочной дискуссии в своей нравственной правоте, то она уже не поддается сравнительной оценке. (Гельфонд (Клюзова) М. Л. Критика учения Л. Н. Толстого о непротавлении злу насилием в отечественной религиозно-философской мысли конца XIX – начала XX в.: три основных аргумента // Вопросы философии, 2009. №10. С. 133).

Если рассматривать учение Л. Н. Толстого с современной точки зрения, то придется признать, что сущность всех, в том числе демократических, направлений общественно-политической мысли о насилии сводится к тому, чтобы рассматривать данную проблему с позиций наименьшего зла, то есть минимизировать его, в то время как Л. Н. Толстой стоял на позициях абсолютного отрицания зла, что фактически невозможно. Это лишало концепцию философа массовых сторонников и делало ее нереальной с точки зрения возможности ее практической реализации. А представление о существовании «наименьшего зла» является субъективным, зависящим от общественно-политических взглядов философа или общественного деятеля. И история XX века дает этому положению большое количество подтверждений.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИЕ ТРАКТАТЫ Л. Н. ТОЛСТОГО	14
ГЛАВА II. ОТНОШЕНИЕ Л. Н. ТОЛСТОГО К РУССКО- ЯПОНСКОЙ ВОЙНЕ	34
ГЛАВА III. ОТНОШЕНИЕ Л. Н. ТОЛСТОГО К РЕВОЛЮЦИИ 1905–1907 ГГ	84
ГЛАВА IV. ОТНОШЕНИЕ Л. Н. ТОЛСТОГО К ТАКТИКЕ ТЕРРОРА РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ И ПРАВИТЕЛЬСТВА РОССИИ	101
ГЛАВА V. АГРАРНЫЙ ВОПРОС В РОССИИ В ОСВЕЩЕНИИ Л. Н. ТОЛСТОГО	144
ГЛАВА VI. ГУМАНИЗМ Л. Н. ТОЛСТОГО В ДЕЙСТВИИ....	156
ГЛАВА VII. ПОМОЩЬ Л. Н. ТОЛСТОГО ДУХОБОРАМ, СЕКТАНТАМ, ЛИЦАМ, ПРЕСЛЕДУЕМЫМ ЗА РЕЛИГИОЗНЫЕ ВЗГЛЯДЫ, И ОТКАЗНИКАМ СЛУЖИТЬ В РУССКОЙ АРМИИ	196
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	218

СЕМЕНОВ ВЛАДИМИР ЛЬВОВИЧ

**ВЕЛИКИЙ ГУМАНИСТ
И ПРОБЛЕМА НАСИЛИЯ**

Издатель П. Г. Богатырев

Редактор Е. А. Селиванова

Подписано в печать 07.02.2011.

Формат 60 x 84 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 13,875. Тираж 200 экз.

Отпечатано с оригинал-макета на ризографе
предпринимателем П. Г. Богатыревым. ОГРН 304590427400071

Адрес: г. Пермь, ул. Пушкина, 110, оф. 122

Тел. 236-53-43, тел./факс 236-53-53

e-mail: ld36@yandex.ru

